

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

2

2020

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by

**Заместители
главного
редактора** **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by

ФУРМАНОВ И. А. – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: fourmigor@gmail.com

**Ответственный
секретарь** **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Агилера М.* Малагский университет, Малага, Испания.
- Андрющенко В. П.* Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
- Бабосов Е. М.* Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Безнюк Д. К.* Институт социологии Национальной академии наук, Минск, Беларусь.
- Водопьянов П. А.* Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
- Вольферт П.* Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
- Гигин В. Ф.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Данилов А. Н.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Журавлев А. Л.* Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Зеленков А. И.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Иванич П.* Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Карамушка Л. Н.* Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
- Кирвель Ч. С.* Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Козловский В. В.* Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
- Королева И.* Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
- Косецки А.* Пултуска академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора, Пултуск, Польша.
- Купченко В. Е.* Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
- Лазаревич А. А.* Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Лаптёнок А. С.* Институт социально-гуманитарного образования, Минск, Беларусь.
- Мазилов В. А.* Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
- Новиков В. Т.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Порус В. Н.* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
- Ротман Д. Г.* Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Румянцева Т. Г.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Слепович Е. С.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Стелинговска Б.* Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
- Терещенко О. В.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Титаренко Л. Г.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Тощенко Ж. Т.* Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Шатравский С. И.* Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Якубовска В.* Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Янчук В. А.* Академия последипломого образования, Минск, Беларусь.
- Яскевич Я. С.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editors-in-chief **LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

FOURMANOV I. A., doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: fourmigor@gmail.com

Executive secretary **DABRARODNI D. G.**, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy and methodology of higher education, National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.** University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov Y. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Vodopyanov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel C. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kosecki A. Aleksander Gieysztor Academy of Humanities, Pułusk, Poland.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Laptenok A. S. Institute for Social and Humanities Education, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Novikov V. T. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rotman D. H. Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Tereschenko O. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Yanchuk V. A. Academy of Post Graduate Education, Minsk, Belarus.
Yaskevich Y. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

УДК 330.1:338.27/.28](02.062)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В. Г. ВОРОНКОВА¹⁾, Т. В. ТЕСЛЕНКО²⁾

¹⁾Инженерный институт Запорожского национального университета,
пр. Соборный, 226, 69006, г. Запорожье, Украина

²⁾Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта им. академика В. Лазаряна,
ул. Академика Лазаряна, 2, 49010, г. Днепр, Украина

Актуальность исследования заключается в том, что цифровые технологии создают цифровое общество и формируют соответствующую культуру. Цифровая компонента в совокупности всех этих элементов составляет диджитал-интеллект (искусственный интеллект), базирующийся на интеллектуальной части общества и являющийся приоритетом в развитии четвертой промышленной революции. Последняя осуществляет прорыв в технологической отрасли, от которой зависит конкурентоспособность государств, а ее задачами выступают выявление основных направлений развития цифровых технологий и оценка их влияния на приоритет различных процессов цифровизации в мире. Позитивные аспекты цифровой революции не вызывают сомнений, хотя она оборачивается рисками для глобальной безопасности, появлением криминальных корпораций, террористических организаций, что свидетельствует об обратной стороне технологических инноваций.

Ключевые слова: диджитал-интеллект; искусственный интеллект; промышленная революция; технологическая отрасль; цифровизация; четвертая промышленная революция.

Образец цитирования:

Воронкова ВГ, Тесленко ТВ. Становление и развитие цифровых технологий как фактор реализации четвертой промышленной революции. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;2:4–11.

For citation:

Voronkova VH, Teslenko TV. Formation and development of digital technologies as a factor of realization of the Fourth Industrial Revolution. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;2:4–11. Russian.

Авторы:

Валентина Григорьевна Воронкова – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой менеджмента организаций и управления проектами.
Татьяна Викторовна Тесленко – кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры экономики и менеджмента экономико-гуманитарного факультета.

Authors:

Valentyna H. Voronkova, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of management of organizations and project management.
valentinavoronkova236@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0719-1546>
Tatyana V. Teslenko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of economics and management, economic and humanitarian faculty.
c.spas.dp@i.ua
<https://orcid.org/0000-0002-5810-3569>

FORMATION AND DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES AS A FACTOR OF REALIZATION OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

V. H. VORONKOVA^a, T. V. TESLENKO^b

^aEngineering Institute of Zaporizhzhia National University, 226 Soborny Avenue, Zaporizhzhia 69006, Ukraine

^bDnipro National University of Railway Transport Named after Academician V. Lazaryan,
2 Lazaryan Street, Dnipro 49010, Ukraine

Corresponding author: V. H. Voronkova (valentinavoronkova236@gmail.com)

The relevance of the research topic is that digital technologies form a digital society, built on digital technologies that form a digital culture. The digital component together constitutes digital Intellect, which is being formed by the intellectual part of society and constituting a priority in the development of the Fourth Industrial Revolution. The latter is the basis for a breakthrough in the technological industry, on which the competitiveness of states depends, and its task is to identify the main directions of development of digital technologies and their influence on the priority of various processes of digitalization of the development of the world. The positive aspects of the digital revolution are not in doubt, although it turns into risks, global security, the emergence of criminal corporations, terrorist organizations, which indicates the reverse side of technological innovation.

Keywords: digital technologies; industrial revolution; technology industry; digitalization; digital intelligence; Fourth Industrial Revolution.

Актуальность данного исследования состоит в том, что в условиях развития четвертой промышленной революции происходят глубокие и системные преобразования, выступающие движущими силами изменения парадигм (концепций, моделей, теорий), которые рождают новые мегатренды диджитализированного общества, названного цифровым. Четвертая промышленная революция повлияла на стремительное развитие цифрового общества, вызванное глубинной трансформацией, коренными технологическими изменениями и их общественным воздействием на культуру, экономику, политику, человека, его сознание и мировоззрение, «сводя научное познание к научной рациональности» [1, с. 5].

Становление и развитие цифровых технологий, как фактор реализации четвертой промышленной революции, сегодня включают совокупность теоретических знаний и практических навыков о том, как человеку адаптироваться к изменениям, которые происходят в обществе, являются самыми мощными в его преобразовании, как преодолеть бедность, вывести страну из состояния перманентного кризиса на путь устойчивого цифрового развития, «что требует разработки стратегий и выбора приоритетов, которые охватывают масштабные цифровые технологии как основу прорыва в технологической отрасли» [2, с. 67].

Сегодня цифровая отрасль (цифровая экономика, цифровое управление, цифровой маркетинг, программирование, информатика) включает интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий, ожидается значительный всплеск новых технологических открытий для достижения цифровой устойчивости. Только цифровая экономика может создать условия для прорыва передо-

вых технологий: нанотехнологий, нейротехнологий, искусственного интеллекта, робототехники, имплантанных технологий, развития больших данных (*big data*), интернета вещей, умных городов, 3D-печати и 3D-производства, биткойна, блокчейна и под.

Передовые технологии содействуют достижению благосостояния, однако для этого требуется как минимум развитие в геометрической прогрессии экономики, бизнеса, общества, изменение парадигм труда и общения. Позитивные аспекты цифровой революции не вызывают сомнений, хотя передовые технологии оборачиваются рисками для глобальной безопасности, появлением криминальных корпораций, террористических организаций, что свидетельствует об обратной стороне технологических инноваций.

История развития четвертой промышленной революции началась в тот момент, когда цифровые технологии создали новые революционные способы соединения продуктов и услуг, в результате чего сформировался разумный гибрид – бит (алгоритм), который преобразовал мир. В результате того, что человечество стремилось к повсеместному подключению к интернету (всемирному мозгу), цифровизация трансформировала одновременно и мир, и самого человека. Мир, тесно взаимодействующий с человеком, получил множество благ благодаря передовым технологиям, «которые требуют формирования концепции проектно-ориентированного развития бизнеса как социально ответственного»¹ [3, с. 67].

Так, большие шансы совершить прорыв в экономике в условиях четвертой промышленной революции имеют многие страны, в частности, Индонезия

¹Здесь и далее перевод наш. – В. В., Т. Т.

и Филиппины: там умные лидеры, высокая численность населения, сравнительно низкая внешняя задолженность, невысокие доходы и низкие или средние ожидания инвесторов. Практически все это есть и у Турции, за исключением очень высоких ожиданий инвесторов. Действительно, Турция и Индонезия с большой вероятностью могут стать следующими двумя странами, которые преодолеют цифру прорыва в 1 трлн долл. США и приблизятся к клубу стран, куда сегодня уже входят 15 государств. Они являются прорывными и служат примером для других стран мира. Индия также сможет считаться прорывной, если ее лидеры преодолеют чрезмерную самоуверенность относительно возможностей развития своей страны. Европейский союз считается стабилизирующей моделью и источником вдохновения для новых его членов, в частности, для Польши и Чешской Республики, которые имеют прорывной потенциал. Один из членов этой уникальной группы – Южная Корея – считается промышленным гигантом в новейших технологиях и расширяет рамки экспортно ориентированных экономик. «Южная Корея перешла в разряд стран, которые можно считать экономическим чудом, а рядом с ней возникли страны с реальным потенциалом (Шри-Ланка, Нигерия), а также страны, надежды которых считаются значительно преувеличенными (Вьетнам)», – отмечает Ручиро Шарма [4, с. 21–22].

Для анализа становления и развития цифровых технологий мы будем использовать нелинейную методологию сложности, представляющую совокупность теоретических и практических знаний, умений, навыков и компетенций понимания цифрового мира, который развивается в условиях четвертой промышленной революции, формирующей новое цифровое управленческое мышление и новые подходы к пониманию бытия человека, его сознания, мировоззрения, восприятия этого мира. Примером разрешения сложных современных научных проблем для нас служит методология Ч. С. Кирвеля и О. А. Романова [5].

Цифровое мировоззрение формируется в контексте новейших процессов развития цифровых технологий, которые меняются как реакция на тенденции глобализации 4.0, технологического развития 4.0, Просвещения 2.0 и влияют на возникновение новых направлений цифрового менеджмента, цифровой экономики, интернет-экономики, экономики устойчивого развития, экономики будущего, появление постмира и постчеловека. Цифровые технологии формируют новые тенденции и закономерности общества, цифрового человека, способствуют увеличению продуктивности как новой детерминанты долгосрочного увеличения и повышения стандартов жизни. Эти технологии представляют катализатор изменений. Думаем, что в ближайшее

время мы увидим развитие удаленной идентификации, биометрических технологий, транзакционных продуктов, продолжение миграции многих сфер жизни и сервисов в онлайн, усиление «индикаторов социальной политики в условиях технологической модернизации и трансформации социальных отношений в обществе» [6, с. 94–97].

Именно в теории цифровой парадигмы развития общества и человека ставятся вопросы о том, что может быть сделано для создания экономики устойчивого цифрового развития, которая принесет благосостояние для всех, и каким должно быть управление, чтобы выполнить задания, имеющие глобальный резонанс и долгосрочное влияние. Все стремятся достичь экономического роста, но он имеет свои границы. Необходимо выявить новые взаимосвязи, закономерности, определяющие тренды, смоделировать планы цифрового развития, разработать сценарии сохранения жизни на планете и достижения благосостояния людей. Их усовершенствование приводит к тому, что развивается искусственный интеллект, который возрастает и становится потенциально продуктивным. Цифровая экономика четвертой промышленной революции ускорила развитие цифровых технологий, стимулирующих переход к цифровым продуктам и сервисам. Программное обеспечение становится первым продуктом, который превращается в услугу.

Не так давно возникла еще одна форма организации труда – платформа – как результат развития цифровых технологий. «Платформа – это основа, созданная фирмой, которая позволяет другим фирмам строить на ее основе собственные услуги и продукты. Немного позже появилось новое поколение платформ, которые имели больше черт, свойственных рынкам», – отмечает Мейсон Пол [7, с. 67–71]. Сегодня это самые успешные и богатые организации, сильные экосистемы цифровизации взаимозависимых рынков и сервисов, такие как *Apple*, *Microsoft*, *Google*, *Facebook*. Облако – это колония из миллиарда компьютеров, которые переплетены между собой как единое целое и действуют как один большой компьютер. Единой архитектуры для них пока не существует, поэтому все цифровые характеристики постоянно развиваются. Сегодня весь цифровой бизнес и большая часть общества зависят от компьютеров, а облачные исчисления облегчают возможность обосновать цифровую компанию. Возможность пользоваться лучшей инфраструктурой в связи с доступом к облаку – главная причина того, что в Кремниевой долине за последние годы развилось общество цифровизации, которое привело к дематериализации, децентрализации, инновационной конкурентоспособности платформ. В результате цифровизации произошла коммерциализация интернета, распространение открытого программного обеспечения, стали при-

меняться сервисы, необходимые для решения проблем цифрового мира [8, с. 103–107].

Сегодня цифровые инновации врываются в нашу жизнь – сети, платформы и искусственный интеллект изменяют бизнес, образование, государственное управление, финансовые рынки, экономику, сознание, мировоззрение. Всемирные цифровые платформы, которыми руководят алгоритмы, трансформируют наше общество, человека и его сознание, восприятие мира. Так, под эгидой *Apple* произошла смена поколений: от персонального компьютера человечество перешло к смартфону, от веба – к мобильным приложениям. *iPhone* – это платформа, где впервые запускаются передовые программы. После смерти Стива Джобса инновационная деятельность *Apple* замедлилась, но компания остается ведущим игроком на рынке мобильных телефонов, что свидетельствует о возможностях «всесильных, безграничных технологий, которые должны срабатывать молниеносно» [9, с. 339].

Экономика устойчивого развития идет вперед с неимоверной скоростью благодаря цифровизации в соединении с возрастающей возможностью вычислительных мощностей микропроцессоров, телекоммуникационных сетей и добавления новых узлов к сетям, что будет способствовать улучшению электронных услуг при наличии основных цифровых инфраструктур. Концепция цифровизации в условиях экспоненциального развития особенно акцентирована на прорывных технологиях, представленных Мартином Статчи. В ее основе – польза больших данных для энергетического перехода к циркуляционной экономике и именно для возобновления ценных ресурсов. Однако, как свидетельствует анализ литературных источников, потенциал подрывных (прорывных, цифровых) технологий в интересах устойчивого цифрового развития пока не реализован в полной мере, так как не реализован и *Agile*-менеджмент как фактор гибкого прорывного технологического развития [10, р. 130–139].

Концепция экономики устойчивого цифрового развития представляет собой пока не разработанную инновационную теорию, в основе которой находятся философские принципы цифровых информационно-компьютерных технологий, развивающихся на грани различных наук: философии, информатики, программного обеспечения, высоких (прорывных, цифровых, конвергентных, инновационных, социогуманитарных) технологий, оказывающих влияние на устойчивое развитие в контексте формирования следующих разработок: 1) искусственного интеллекта; 2) робототехники; 3) системы контроля промышленного оборудования через интернет; 4) беспилотных средств передвижения; 5) 3D-печати; 6) нанотехнологий; 7) биотехнологий; 8) материаловедения; 9) квантовых компьютеров. Нам необходимо всеобъемлющее видение того, как именно цифровые технологии изменят нашу жизнь и жизнь будущих поколений и какие сдвиги испы-

тывают экономический, социальный, духовный, культурный контексты. «Концепция цифрового устойчивого развития, которая изменяется в условиях диджитализации и экспоненциального роста, особенно акцентирована на прорывных технологиях. Она представлена Мартином Статчи, и в ее основе – анализ больших данных для энергетического перехода к циркуляционной экономике и особенно для возобновления ценных ресурсов» [11, р. 153].

Концепция экономики устойчивого цифрового развития, как глобальная тенденция информатизации, цифровизации и технологического прорыва, приводит к изменениям, которые будут способствовать бесконечным цифровым трансформациям в переплетении физического, цифрового и биологического миров. Сами цифровые технологии изменяют управленческие процессы, так как появляются инновационные продукты (криптовалюты, блокчейн, финтех), мегатренды диджитал-эры, которые с невероятной скоростью создают условия для экономики устойчивого развития. В противовес старым управленческим процессам появляются автоматизация, роботизация, новые возможности бизнес-процессов, раскрывается потенциал человека. Адаптироваться к скорости изменений и достигать постоянства должны все: руководители предприятий, компаний и организаций, государственные деятели, граждане. Стремительность изменений приводит к тому, что цифровое производство начинает зависеть не от материальных активов, а от цифровых технологий, в основе которых – «интеллектуальная компонента, организационный и человеческий капитал, синергетическая сущность цифровых фронтов глобализирующегося мира» [12, с. 88–93].

Формирование концепции устойчивого цифрового развития в контексте вызовов и угроз современного мира, как глобальная тенденция цифрового общества, будет содействовать резким, масштабным изменениям, которые приведут к квантовым переключениям. Нанотехнологии вытесняют устоявшиеся методы производства и кардинально изменяют рынок, это прорывной продукт, создающий новую индустрию, нацеленную на формирование условий для устойчивого общества. Прорыв во многих сферах уже состоялся. Да, благодаря квантовым компьютерам мы будем решать задачи, к которым пока не можем даже подступиться, а это включает целый класс операций, на которые у самых быстрых компьютеров уйдут сотни лет. Вычислительная мощность обычных компьютеров постоянно растет каждые 30 лет и удваивается примерно каждые полтора года. «Эту закономерность называют законом Мура», – отмечает О'Райли Тим в работе «Кто знает, каким будет наше будущее» [13, с. 15].

Цифровой прогресс достигается за счет миниатюризации транзисторов, из которых состоит процессор. Картина кажется обнадеживающей, однако отдельные операции настолько сложны, что даже

наилучшие на данный момент компьютеры будут вычислять правильный ответ долго. Какие это задачи? Прогнозирование погоды, расчет самых выгодных биржевых инвестиций, самого быстрого маршрута для курьера с несколькими доставками. Квантовый компьютер сможет сразу дать ответ, он открывает перед человечеством новые возможности и доказывает, что мир коренным образом изменится в сторону социально-философской парадигмы глобализации [14, с. 111–129].

Следует также отметить, что развитие и становление цифровых технологий способствует появлению нового социального креативного класса и изменению способа работы и образа жизни, которые влияют на ритм, стиль, желания и ожидания, структурируя нашу повседневность и способствуя решению многих проблем [15]. Безусловно, необходимо исследовать и то новое, что включает набор функций и информационных способностей (компетенций), необходимых для человека, чтобы выживать в информационно-компьютерном мире, в котором востребованными остаются «дух, духовность, ум, интеллект, креативность, творчество, активность, свобода, экзистенциальная (индивидуальная) независимость, познание современного мира» [15, с. 17].

Формирование концепции устойчивого цифрового развития в контексте вызовов и угроз современного мира, как глобальная тенденция цифрового общества, связано с тем, что мы живем в эпоху больших данных. Последний фрагмент этой «цифровой мозаики» – появление новых безопасных способов проведения децентрализованных пиринговых транзакций. Исследования показывают, что миллениалы не мыслят свою жизнь без мобильных технологий и намного больше, чем предыдущие поколения, интересуются распределенной энерготехнологией наподобие солнечных панелей, а следовательно, они радостно встречают передовые энерготехнологии. «Формирование концепции устойчивого цифрового развития уже происходит во многих сферах и представляет существенный фактор прогресса», – отмечает Майкл Спенс [16, с. 11]. Искусственный интеллект уже стоит за каждым интернет-поиском и за каждой компьютерной установкой, а в будущем он будет везде: в судебных залах, офисах, домах для пожилых людей, брачных агентствах.

Для развития концепции экономики устойчивого цифрового развития, которая является инновационно-креативной, государство должно быть основным источником финансирования развития научно-технической и инновационной деятельности. Важным фактором для повышения инновационного уровня цифровой экономики Украины является освоение и применение прогрессивных технологий и наукоемкой продукции. В процессе

исследования было выявлено, что по сравнению со странами Западной Европы чрезвычайно малое количество предприятий в Украине используют в своей деятельности цифровую информацию, предоставленную государственными научно-исследовательскими институтами и университетами [18].

Очевидно, что экономика устойчивого цифрового развития не может состояться без помощи государства. Такая экономика сегодня проникает во все сферы жизнедеятельности общества: от демографии, биосферы и климатических изменений к будущему медицины, геномики и генной инженерии, синтетической биологии и трансгуманизму; от облачных технологий и интернета вещей к искусственному интеллекту, квантовому компьютеру и колонизации Солнечной системы, которая в целом содействует развитию сетевой экономики как составной цифровой экономики. Однако для достижения высоких стандартов интернет-экономики должен быть «развит трансфер технологий, который помог сформировать “азиатское чудо” в целях погони за развитием», – отмечает Джо Стадвелл [17, с. 15].

Некоторые авторы предостерегают нас, что если не принять меры теперь, то силы природы или деятельность человека могут кардинально изменить нашу планету. Глобальные проблемы, кроме научного и инженерного измерений, имеют также финансовый, геополитический и культурный аспекты, и вполне очевидно, что в последующие десятилетия нам как никогда понадобятся новые цифровые технологии и знания о природе, обществе и человеке. Посему нет сомнений, что следует обратить внимание на развитие таких цифровых технологий, как искусственный интеллект, робототехника, генная инженерия, нанотехнологии, благодаря которым мир станет совершенно другим, наша жизнь коренным образом изменится и люди лучше будут понимать друг друга, природу и самих себя, а для этого следует осмыслить место и роль цифровизации в современном обществе. Необходимо развивать высокотехнологичное, высокоинновационное и высокоинтеллектуальное общество, в основе которого будут смарт-человек, смарт-государство, смарт-технологии, смарт-город, что будет содействовать развитию концепции смарт-экономики.

Для формирования концепции экономики устойчивого цифрового развития в контексте вызовов и угроз современности следовало бы сделать приоритетной инновационную стратегию устойчивого развития, так как переход к постоянству требует глубинных сдвигов в расширении культурных и духовных ценностей, а также трансформационных практических мероприятий, институтов и социальных структур, разработанных в Инновационной стратегии Организации экономического сотрудничества и развития (обновлена в 2015 г.),

инициированной Полом Раскиным, а также в Программе ООН по окружающей среде (ЮНЕП).

Идеология Просвещения 2.0 будет способствовать усовершенствованию внедрения концепции цифрового развития. Она предлагает стратегические варианты для преодоления беспорядка и цифровой асимметричности, а также адаптации к мощной технологической трансформации. Следует продвигать идеологию Просвещения 2.0 как теоретический принцип концепции цифрового развития, для чего необходимо осознавать потенциальные риски и возможности глубоких трансформаций, цифровой основы и расширения культурных ценностей новой инновационной стратегии цифрового развития, чтобы создать платформу, которая вдохновит общественный и государственный секторы к сотрудничеству и партнерству в поисках ответов на вопросы, связанные с технологической революцией.

«Цифровые технологии – мощные факторы, формирующие наши ценности, благодаря которым мы развиваем экономику, общество, свои взгляды на мир, влияем на возможности будущего, создавая *homo creativus* как определяющий фактор нового типа личности с соответствующим поведением, способностями, ценностными ориентациями», – пишет Т. В. Тесленко [18, с. 53–54]. Осознание того, как технологии провоцируют широкую социальную трансформацию и как ценности встраиваются в цифровые технологии помогает распознавать сигналы грядущих прорывов и учитывать многие грани изменений. Цифровые технологии неминуемо будут играть движущую роль в поиске способов преодоления многих вызовов, с которыми мы сегодня сталкиваемся, но они сами также являются источником новых проблем. Именно поэтому концепции цифрового развития могут действовать в интересах общего блага, способствовать росту благосостояния человека, его усовершенствованию. В основе цифрового мировоззрения и цифровой идеологии лежат творчество, инновации и технологии, которые содействуют развитию человечества.

Анализ результатов теоретических исследований цифровой экономики позволяет прийти к заключению, что благодаря глобальным трендам можно легко маневрировать в будущем и осознанно контролировать свои намерения и цели, чтобы коренным образом изменить бизнес, карьеру и добиться успеха. «Главный секрет прогнозирования глобальных трендов цифровой экономики и цифрового менеджмента – это способность научиться лучше понимать, что происходит в настоящее время», – утверждает Шваб Клаус в работе «Четвертая промышленная революция» [19]. Мы акцентируем внимание на том, что создание контента станет новой тенденцией цифровой экономики, которая описывает значимость достоверности бренда, вы-

зывающего доверие потребителей, однако необходимо сформировать в себе искусство определять тренды. Самые влиятельные тенденции могут предоставить прогнозы в краткосрочной перспективе, основываясь на нынешнем времени. Для этого следует изучать результаты экспериментов, работать над описанием создания теорий, научиться определять компоненты цифровой экономики, исследовать и установить их назначение и тенденции развития, видеть трансформацию цифровой экономики с точки зрения методов, количественного и качественного, теории сложности.

Уже сегодня следует обновить экономическую теорию, чтобы адаптировать ее к устойчивому цифровому развитию. Совокупные выводы, которые можно сделать из таких тенденций, вынуждают нас радикально изменять направление прогресса и прилагать все усилия для создания нового Просвещения 2.0. Постоянство, эффективность, достаточность, справедливость, красота и сообщество – это наивысшие ценности общества. Постоянный цифровой мир не удастся построить до тех пор, пока его видение не будет создано философами, учеными, политиками, – это условие целостного мира цифрового развития современного общества. Концепция экономики цифрового развития нацелена на увеличение показателей благосостояния населения и улучшения экологического роста. Показатель благосостояния человека описывает, соответственно, качество жизни среднестатистического жителя планеты, включая как материальные, так и нематериальные составляющие. В целом человеческое (цифровое) благосостояние увеличивается в том случае, когда человек удовлетворен качеством жизни и когда улучшается экология. Для этого следует минимизировать вред, наносимый планете и обществу, сформировать инструменты для помощи глобальному обществу, чтобы двигаться к устойчивому цифровому развитию. Экономисты считают, что с проблемой неравенства и безработицы следует бороться путем увеличения расходов на инфраструктуру, создавая таким образом рабочие места, способствуя внесению изменений в законы о правах интеллектуальной собственности, создавая новые технологии, доступные людям. Новая теория цифрового управления, как фактор создания цифровой экономики, формирует постоянное цифровое общество, заинтересованное «в качественном цифровом развитии, направленном на совершенствовании человека и человечества» [20].

Таким образом, управление должно играть большую роль, если человечество хочет избежать упадка. Известно, что Японии и Южной Корее удалось значительно повысить благосостояние населения за счет цифрового развития в течение второй половины XX в. с помощью активного государственного планирования и управления. По нашему мнению,

страны мира должны договориться о положительной глобальной системе управления (как, например, Римский клуб), которая более эффективно разрешала бы острейшие вопросы, в частности, проблемы изменения климата, миграции и урегулирования конфликтов. Кроме усиления роли управления, необходимо изменить доминантную социальную философию, парадигму, описывающую мировоззрение людей, чтобы сформировать креативный класс и креативную экономику. Становление и развитие цифровых технологий, как фактор реализации чет-

вертой промышленной революции, способствует формированию новой концепции цифровой философии. Новые ценности требуют формирования цифрового мировоззрения и сознания. Государства должны направить все усилия и возможности на управление, способствующее внедрению концепции цифрового развития. Примером для нас выступает Республика Беларусь, которая является лидером в формировании информационного общества, эволюционирующего в цифровое. Будущее в наших руках, и его нужно создавать уже сегодня.

Библиографические ссылки

1. Водопьянов ПА, Бурак ПМ, составители. *Философия и методология науки*. Минск: Беларуская навука; 2014. 519 с.
2. Воронкова ВГ, Никитенко ВА. Цифровые технологии как основа прорыва в технологической отрасли. В: Спаськов АН, редактор. *Философские категориальные структуры в научном познании. Материалы Международной научной конференции; 20 мая 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Четыре четверти; 2019. с. 67–71.
3. Воронкова ВГ, Романенко ТП, Андриякитене Р. Концепція розвитку проектно-орієнтованого бізнесу в умовах цифрової трансформації до smart-суспільства. *Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії*. 2016;67:13–27. DOI: 10.30839/2072-7941.2016.86468.
4. Шарма Р. *Передові країни. В очікуванні нового «економічного дива»*. Іщенко А, перекладач. Київ: Наш формат; 2018. 296 с.
5. Кирвель ЧС, Романов ОА. *Социальная философия*. Минск: Вышэйшая школа; 2011. 495 с.
6. Лазаревич НА. Индикаторы социальной политики в условиях технологической модернизации и трансформации социальных отношений в обществе. *Труды БГТУ. Серия 6. История, философия*. 2019;1:94–97.
7. Мейсон П. *Посткапіталізм. Путівник у майбутнє*. Мочалова Н, перекладач. Київ: Наш формат; 2019. 360 с.
8. Мащитко СМ. Проблемы цифрового общества и социального медиа в концептуальной перспективе постмарксизма. *Труды БГТУ. Серия 6. История, философия*. 2019;1:103–107.
9. Медоуз Д, Рандерс Йо, Медоуз Д. *Межі зростання. 30 років потому*. Вовк В, редактор. Київ: Пабулум; 2018. 464 с.
10. Melnik V. Agile-management 3.0 concept as a factor of technological progress development in the digital society. *Humanities Studies*. 2019;1:130–139. DOI: 10.26661/hst-2019-1-78-10.
11. Nikitenko V, Andriukaitiene R, Punchenko O. Developing corporate management to improve the quality of customer service. *Humanities Studies*. 2019;1:140–153. DOI: 10.26661/hst-2019-1-78-12.
12. Пунченко ОП. Синергетическая сущность демографических фронтиров глобализирующегося мира. *Труды БГТУ. Серия 6. История, философия*. 2019;1:98–102.
13. О'Райлі Т. *Хто знає, яким буде майбутнє*. Кузьменко Ю, перекладач. Київ: Наш формат; 2018. 448 с.
14. Рижова ІС. Соціально-філософська парадигма сучасного дизайну. *Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії*. 2008;33:111–129.
15. Соснін ОВ, Воронкова ВГ, Ажажа МА. *Філософія гуманістичного менеджменту (соціально-політичні, соціально-економічні, соціально-антропологічні виміри)*. Запоріжжя: Дике поле; 2016. 356 с.
16. Спенс М. *Нова конвергенція. Майбутнє економічного зростання в багатозаровому світі*. Київ: Темпора; 2017. 352 с.
17. Стадвелл Дж. *Чому Азії вдалося. Успіхи і невдачі найдинамічнішого регіону світу*. Цехановська О, перекладач. Київ: Наш формат; 2017. 448 с.
18. Teslenko TV. «Spirit/mind-body» dihotomy and its impact on the formation of «homo creativus» in the context of economic philosophy: methodological bases. *Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії*. 2018;75:53–64. DOI: 10.30839/2072-7941.2018.155552.
19. Шваб К. *Четверта промислова революція. Формуючи четверту промислову революцію*. Харків: Клуб сімейного дозвілля; 2019. 426 с.
20. Череп А, Воронкова В, Муц Л, Фурсін О. Інформаційні та інноваційні технології як чинник підвищення ефективності цифрової економіки та бізнесу в умовах глобалізації 4.0. *Humanities Studies*. 2019;1:170–181. DOI: 10.26661/hst-2019-1-78-13.

References

1. Vodopyanov PA, Burak PM, compilers. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and science methodology]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2014. 519 p. Russian.
2. Voronkova VG, Nikitenko VA. [Digital technologies as basis of breach is in technological industry]. In: Spaskov AN, editor. *Filosofskie kategorial'nye struktury v nauchnom poznanii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 20 maya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Philosophical categorical-structures in scientific knowledge. Proceedings of the International scientific conference; 2019 May 20; Minsk, Belarus]. Minsk: Chetyre chetverti; 2019. p. 67–71. Russian.
3. Voronkova VG, Romanenko TP, Andryukajtene R. The concept of the development of a project-oriented business in the conditions of the digital transformation to a smart society. *Humatities Bulletin of Zaporizhzhze State Engineering Academy*. 2016;67:13–27. Ukrainian. DOI: 10.30839/2072-7941.2016.86468.

4. Sharma R. *Peredovi kraï'ny. V ochikuvanni novogo «ekonomichnogo dyva»* [Advanced countries. In anticipation of a new economic miracle]. Ishchenko A, translator. Kyiv: Nash format; 2018. 296 p. Ukrainian.
5. Kirvel' ChS, Romanov OA. *Sotsialnaya filosofiya* [Social philosophy]. Minsk: Vyshejschaja shkola; 2011. 495 p. Russian.
6. Lazarevich NA. Indicators of social policy in conditions of technological modernization and transformation of social relations in society. *Trudy BGTU. Seriya 6. Istoriya, filosofiya*. 2019;1:94–97. Russian.
7. Mason P. *Postkapitalizm. Putivnyk u majbutnje* [Post-capitalism. A guide to the future]. Mochalova N, translator. Kyiv: Nash format; 2019. 360 p. Ukrainian.
8. Mashchit'ko SM. The problems of digital society and social media in the conceptual perspective of post-Marxism. *Trudy BGTU. Seriya 6. Istoriya, filosofiya*. 2019;1:103–107. Russian.
9. Medouz D, Randers J, Medouz D. *Mezhi zrostannya. 30 rokiv potomu* [Growth limits. 30 years later]. Vovk V, editor. Kyiv: Pabulum; 2018. 464 p. Ukrainian.
10. Melnik V. Agile-management 3.0 concept as a factor of technological progress development in the digital society. *Humanities Studies*. 2019;1:130–139. DOI: 10.26661/hst-2019-1-78-10.
11. Nikitenko V, Andriukaitiene R, Punchenko O. Developing corporate management to improve the quality of customer service. *Humanities Studies*. 2019;1:140–153. DOI: 10.26661/hst-2019-1-78-12.
12. Punchenko OP. Synergetic essence of the demographic fronts of the globalizing world. *Trudy BGTU. Seriya 6. Istoriya, filosofiya*. 2019;1:88–93. Russian.
13. O' Rayli T. *Hto znaje, jakym bude majbutnje* [Who knows what the future will be like]. Kuzmenko Y, translator. Kyiv: Nash format; 2018. 448 p. Ukrainian.
14. Ryzhova IS. [Socio-philosophical paradigm of modern design]. *Humatities Bulletin of Zaporizhzhie State Engineering Academy*. 2008;33:111–129. Ukrainian.
15. Sosnin OV, Voronkova VG, Azhazha MA. *Filosofija humanistynchnogo menedzhmentu (social'no-politychni, social'no-ekonomichni, social'no-antropologichni vymiry)* [Philosophy of humanistic management (socio-political, socio-economic, socio-anthropological dimensions)]. Zaporizhzhia: Dike pole; 2016. 356 p. Ukrainian.
16. Spens M. *Nova konvergencija. Majbutnje ekonomichnogo zrostannja v bagatosharovomu sviti* [New convergence. The future of economic growth in a multi-layered world]. Kyiv: Tempora; 2017. 352 p. Ukrainian.
17. Studwell J. *Chomu Azii' vdalosja. Uspihy i nevdachi najdynamichnishogo regionu svitu* [Why Asia succeeded. Successes and failures of the most dynamic region in the world]. Tsehanov's'ka O, translator. Kyiv: Nash format; 2017. 448 p. Ukrainian.
18. Teslenko TV. «Spirit/mind-body» dihotomy and its impact on the formation of «homo creativus» in the context of economic philosophy: methodological bases. *Humatities Bulletin of Zaporizhzhie State Engineering Academy*. 2018;75: 53–64. DOI: 10.30839/2072-7941.2018.155552.
19. Shwab Cl. *Chetverta promyslova revoljucija. Formujuchy chetvertu promyslovu revoljuciju* [Fourth industrial revolution. Forming the Fourth industrial revolution]. Kharkiv: Klub simejnogo dozvillja; 2019. 426 p. Ukrainian.
20. Cherep A, Voronkova Val, Muts L, Fursin O. Information and innovation technologies as a factor of improving the efficiency of digital economy and business in the globalization 4.0. *Humanities Studies*. 2019;1:170–181. Ukrainian. DOI: 10.26661/hst-2019-1-78-13.

Статья поступила в редколлегию 16.02.2020.
Received by editorial board 16.02.2020.

УДК 330(02.064)

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (В КОНТЕКСТЕ ДОКЛАДОВ РИМСКОГО КЛУБА)

В. А. НИКИТЕНКО¹⁾

¹⁾Инженерный институт Запорожского национального университета,
пр. Соборный, 226, 69006, г. Запорожье, Украина

Рассмотрена динамика развития концепции от эколописов к биополисам, от «пустого мира» к «полному миру» с целью остановить деградацию планеты и достичь в этом стабильных результатов. Постоянный экономический рост приводит к массовым столкновениям с ее природными границами, исчерпанию экологических возможностей, потере баланса между человечеством и природой. Проанализирована сущность концепции экологического отпечатка в модели *World3* и экологических потенций, которые отвечали бы условиям «полного мира» и устойчивого развития, базируясь на принципах баланса между человечеством и природой, общественными и личными интересами, краткосрочной и долгосрочной перспективами.

Ключевые слова: устойчивое развитие; эколопис; биополис; «пустой мир»; «полный мир»; экологический отпечаток человечества; экологические возможности планеты; Просвещение 2.0.

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT (IN THE CONTEST OF REPORTS OF THE ROMAN CLUB)

V. A. NIKITENKO^a

^aEngineering Institute of Zaporizhzhia National University,
226 Soborniy Avenue, Zaporizhzhia 69006, Ukraine

The article discusses the dynamics of the development of the concept from ecopolises to biopolises, from the empty world to the full world with the goal of stopping the degradation of the planet and achieving stable results. Constant economic growth leads to massive clashes with the natural boundaries of the planet, the achievement of the ecological capabilities of the planet, the loss of balance between humanity and nature. The essence of the concept of the ecological imprint in the *World3* model and environmental opportunities that would meet the conditions of a complete world and sustainable development on the principles of a balance between humanity and nature, short and long term prospects, between public and personal interests are analyzed.

Keywords: sustainable development; ecopolis; biopolis; empty world; full world; ecological imprint of mankind; ecological opportunities of the planet; Enlightenment 2.0.

Введение

В актуальном исследовании проанализирована эволюция концепции устойчивого развития с целью остановить деградацию планеты и достичь в этом стабильных результатов. Когда в 1970 г. молодые ученые из Массачусетского института начали свои изыскания, они не догадывались, что

Образец цитирования:

Никитенко ВА. Эволюция концепции устойчивого развития (в контексте докладов Римского клуба). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;2:12–17.

For citation:

Nikitenko VA. Evolution of the concept of sustainable development (in the contest of reports of the Roman club). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;2:12–17. Russian.

Автор:

Виталина Александровна Никитенко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры менеджмента организаций и управления проектами.

Author:

Vitalina A. Nikitenko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of organization management and project management.
vitalina2006@ukr.net

разразится глобальный кризис, имеющий глубокие корни и оказывающий на мир долгосрочное влияние. Первая работа «Границы роста», опубликованная еще в 1972 г., фактически приняла вектор деятельности Римского клуба, который в 2018 г. отметил свое 50-летие. Книга переведена более чем на 30 языков и издана тиражом 12 млн экземпляров. Книга «Границы роста: 30 лет после» Донеллы и Денниса Медоуз и Йоргена Рандерса моделирует сценарии мировой экономики и отвечает на вопрос о том, что может быть сделано для создания экологически сбалансированной и социально ориентированной экономики, которая принесет благосостояние для всех [1]. Как отмечают авторы, все стремятся к экономическому росту, но он имеет свои границы, поэтому следует пересмотреть мировоззрение, шаблоны поведения и изменить политику. Новейшие исследования представлены в работах Эрнста Ульриха фон Вайцзекера и Андерса Вийкмана «Come On! Капитализм, недальновидность, население и разрушение планеты. Доклад Римскому клубу» (2019), Кляйна Наоми «Изменяется все. Капитализм против климата» (2016), Ручира Шармы «Передовые страны. В ожидании нового “экономического чуда”» (2018), Макстона Грема и Рандерса Йоргена «В поисках благосостояния. Управление экономическим развитием в целях уменьшения безработицы, нера-

венства и изменений климата. Доклад Римскому клубу» (2017), Мейсона Пола «Посткапитализм. Путеводитель в будущее» (2019), Спенса Майкла «Новая конвергенция. Будущее экономического роста в многословном обществе» (2017), Стадвелла Джо «Почему Азии удалось. Успехи и неудачи самого динамического региона мира» (2017), Шваба Клауса «Четвертая промышленная революция» (2019), Ха-Джун Чанга «23 скрытых факта о капитализме» (2018). В статье мы также ориентируемся на работы украинских (В. Г. Воронкова, В. А. Никитенко, О. П. Пунченко, А. В. Череп) и белорусских ученых (П. М. Бурак, П. Водопьянов, Ч. С. Кирвель, Н. А. Лазаревич, С. М. Машитько, О. А. Романов). На основании исследованных источников мы проанализировали, как эволюционировала концепция устойчивого развития за последние 30 лет, какой новый формат проблем она приобрела, в чем сущность концепции Просвещения 2.0, как достичь баланса между человечеством и природой, краткосрочной и долгосрочной перспективами, а также между общественными и личными интересами, что проанализировано в работах Ч. С. Кирвеля и О. А. Романова [2]. Как отмечает П. М. Бурак, «коэволюционная стратегия соединяет диалектический, системный, синергетический, эволюционный подходы в контексте принципа глобального эволюционизма» [3, с. 93].

Основная часть

Постоянный экономический рост приводит к массовым столкновениям с природными границами планеты, достижению ее экологических пределов, потере баланса между человечеством и природой. Рассмотрим это на примере эколописов как регенеративных городов. Город должен развиваться от циркуляционного метаболизма, возвращая растительные полезные вещества – азот, фосфаты, калий – назад к сельскохозяйственным угодьям, замыкая углерод в почвах и лесных насаждениях, возрождая агропроизводство в городе, обеспечивая населенные пункты энергией при помощи возобновляемых источников, а также соединяя города

и отдаленные районы. Это основа для создания новых жизнеспособных экономик мира. Экополис – регенеративный город, который поощряет возвращение типично сельских видов деятельности, например товарное садоводство, смешанное растениеводство и, что важно, культивирование возобновляемых источников энергии. Зависимость от ископаемого топлива и интенсивность движения транспорта таким образом значительно уменьшаются. Одним из основных заданий нашего времени является трансформация абсолютно неустановившейся модели сегодняшних городов в экополисы, или регенеративные города [4].

Биополисы как экологически устойчивый город

Биополисы формируются как экологически устойчивый город с нулевыми загрязняющими выбросами, в котором люди и естественные популяции живут в гармоничном равновесии, что проанализировано с точки зрения системного подхода устойчивого развития [5, с. 87–97]. Данный тип подчеркивает этическую составляющую новой формы городской жизни, которая возобновляет природу и культуру города. Люди несут коллективную ответственность, и, согласно этическим нормам, они

отвечают за вред и проблемы, которые передадутся будущим поколениям. Вопрос не только в том, что города растут на наиболее продуктивных сельскохозяйственных землях страны, лишая их плодородия, – они часто требуют значительных объемов целого спектра глобальных ресурсов: топлива, пищевых продуктов, древесины и металлов [4, с. 155]. Необходимо четко понять «пределы городской системы», и это помогает объяснить, как именно города взаимодействуют с природным миром [4].

Экологический отпечаток человечества в модели *World3* и экологические возможности

Экологический отпечаток человечества в модели *World3* – это сумма трех составляющих: 1) площади пахотных земель, используемых для производства сельскохозяйственных культур; 2) городских земель, эксплуатируемых под городскую, промышленную и транспортную инфраструктуру; 3) площади земель, необходимых для обезвреживания выбросов загрязняющих веществ, увеличение которых пропорционально темпам образования выбросов устойчивых загрязнителей. Все территории измеряются в миллиардах гектаров, поэтому можно предположить, сколько устойчивых загрязнителей выбрасывается в природу. Джей Райт Форестер является интеллектуальным отцом модели *World3* как системы динамического моделирования. Если допустить, что технический прогресс происходит достаточно быстро, а полученные новые технологии моментально внедряются в жизнь, то все проблемы, связанные с растущим экологическим отпечатком, могут быть решены [6]. За последние 30 лет произошло множество позитивных изменений. В ответ на постоянное увеличение человеческого отпечатка в мире были

имплементированы новые технологии, изменены привычки потребителей, созданы новые институты, а также подписаны многосторонние соглашения. Матис Вакернагель и его коллеги измерили экологический отпечаток человечества и сравнили его с экологическими границами и возможностями планеты. Они определили экологический отпечаток как территорию, необходимую для обеспечения ресурсами (зерно, корм, древесина, рыба и урбанизированная территория) и поглощения выбросов (углекислый газ) в контексте мирового сообщества. Вакернагель сделал вывод о том, что использование ресурсов человечеством на тот момент превышало экологические возможности планеты приблизительно на 20 %. Согласно этим расчетам в последний раз человечество было на постоянном уровне в 1980 г. В настоящий момент выход за пределы этого уровня составляет приблизительно 20 %. К сожалению, экологический отпечаток растет, невзирая на прогресс в технологиях и институтах. Это становится все более серьезной проблемой, ведь человечество уже находится на территории неустойчивости [7].

Концепция экологических возможностей для обеспечения устойчивого развития

Концепция экологических возможностей сначала была разработана для относительно простых систем. В частности, ее использовали для того, чтобы определить количество животных, которых можно удерживать на определенном пастбище, не истощая землю. Термин «экологические возможности» сложен и не имеет универсального унифицированного определения. Люди берут из окружающей среды много разных типов ресурсов, производят много разных видов отходов; на окружающую среду влияет большое многообразие технологий, институтов и образцов жизни [8]. У исследователей нет согласия относительно того, каким должен быть минимальный набор ресурсов, чтобы система выдерживала нагрузку и считалась устойчивой. Непонятно, как удовлетворить потребности других биологических видов. В любом случае экологические возможности являются динамической концепцией. Она всегда изменяется вместе с технологическим развитием, моделями потребления, климатом и другими факторами [9].

Мир находится в режиме «выхода за пределы» и возвращения к «территории устойчивости». В начале 1990-х гг. стало появляться все больше фактов, свидетельствующих о том, что человечество движется вглубь «территории неустойчивости». Сообщалось о катастрофических темпах вырубки тропических дождевых лесов; производство зер-

новых культур не успевало за ростом численности населения; кое-кто говорил о глобальном потеплении, ширилась обеспокоенность по поводу недавно образованных озоновых дыр в стратосфере. Однако это все равно не убеждало большинство людей в том, что человечество превысило пределы экологических возможностей окружающей среды. В начале 1990-х гг. выход за пределы стал реальностью. Теперь главная проблема – возвращение мира к «территории устойчивости». Экономический ущерб можно уменьшить с помощью продуманной глобальной стратегии, изменений технологий и институций, политических целей и личных стремлений в условиях информационного общества. «Понятие информационного общества порождает определенные ассоциации с социальным, экономическим и даже политическим прогрессом, хотя они перманентно истончаются» [10, с. 103].

Термин «пределы роста» сегодня так же актуален, как и в 1972 г. Мир сталкивается с многочисленными проблемами, которые были предугаданы еще тогда: изменение климата, дефицит плодородных земель, массовое вымирание биологических видов. Около 4 млрд человек живут в трудных экономических условиях, находятся под угрозой природных катастроф или военных действий. Исходя из новых прогнозов, ежегодно свыше 50 млн человек будут вынуждены оставлять свои дома

и мигрировать. В 2017 г. в мире насчитывалось уже 60 млн беженцев [4, с. 16]. Диагностика неустойчивых тенденций нашего времени была очерчена термином «антропоцен» – время господства человечества над всей планетой включительно с ее биохимическим составом. Быстрый рост объе-

мов потребления, особенно в течение последних 50 лет, повлек огромные изменения в атмосфере и биосфере, а масштабы последствий для здоровья людей еще не определены, хотя существует немало неофициальных подтверждений нанесенного вреда.

Эволюция от «пустого мира» к «полному миру»

Одной из настольных книг Римского клуба является работа Кеннета Боулдинга «Сущность двадцатого столетия». Автор утверждает: люди не могут успешно управлять космическим кораблем «Земля», опираясь на идеалы развития, научные модели и системы ценностей, сформированные во времена «пустого мира», когда население планеты было не столь большим, а залежи природных ресурсов на этой земле казались неисчерпаемыми, когда американский континент считался местом, где колонисты и предприниматели могли бесконечно находить для себя новые природные ресурсы и земли. С середины XX в. человечество живет в «полном мире», когда «пределы роста» стали очевидными и ощутимыми почти во всех видах его деятельности [11, с. 13–27]. Формируется концепция «полного мира», которая демонстрирует, что глобальное население возросло до 7,6 млрд человек, увеличи-

вается потребление энергии, воды, полезных ископаемых. Такое развитие привело человечество в «полный мир» [12, с. 140–153]. Следовательно, современную философскую теорию необходимо адаптировать к новым условиям, а для этого изменить отношение и приоритеты современного мира, который развивается в условиях глобализации 4.0, техногенного развития мира 4.0, перехода к философии Просвещения 2.0, в основе которых – бережливое производство, радикальное изменение направления прогресса, преодоление критической точки «планетарных пределов» [13; 14]. Мы согласны с Н. Лазаревич в том, что «принципом приоритетности в социально-экономическом развитии, обусловленном ограниченностью ресурсов, становится необходимость соблюдать баланс экономической целесообразности и социальной приемлемости» [15, с. 96].

Формирование концепции нового Просвещения 2.0

Как свидетельствует анализ происходящего, мир снова пребывает в критическом состоянии, испытывает потребность в новой идеологии и мировоззрении. Таким мировоззрением может стать концепция Просвещения 2.0, в основе которой – совокупность новых ценностей, эволюция от «пустого мира» к «полному миру», от Просвещения XVIII в. к Просвещению XXI в. [16, с. 170–181]. Участники Римского клуба верили в то, что наступит время для нового Просвещения 2.0, для отбрасывания существующих привычек мыслить и действовать по-старому, т. е. ориентироваться лишь на краткосрочную перспективу. Участники Римского клуба приветствовали подход ООН, в контексте которого определено 17 целей устойчивого развития; их следует реализовать в течение последующих

15 лет. Новое Просвещение 2.0 должно вобрать в себя уникальные традиции других цивилизаций. Комплементарность, баланс и мудрость синергий между противоположностями должны стать вехами на пути к новому Просвещению 2.0 [4, с. 113]. В концепции нового Просвещения 2.0 должен быть баланс между следующими составляющими: 1) люди и природа; 2) дальновидность и близорукость; 3) скорость и устойчивость; 4) частное и публичное; 5) женщины и мужчины; 6) равенство и вознаграждение за достижения; 7) государство и религия [4, с. 114–115]. Это умеренный индикативный перечень принципов концепции Просвещения 2.0, которая основана на антропологических измерениях, решениях для создания устойчивого мира.

Развитие агроэкологии как постоянного направления сельского хозяйства

Агроэкологией называют практику постоянного сельского хозяйства, которая охватывает широкий спектр систем, адаптированных к местным условиям и настроенных на удовлетворение локальных потребностей. Все эти системы объединены принципом экологической, экономической и социальной устойчивости [17]. Агроэкология сохраняет почвы и водные ресурсы, возобновляет и поддерживает природное плодородие земли, способствует

биологическому многообразию; урожайность является постоянной в долгосрочной перспективе [1; 10]. Исследование показывает, что сельское хозяйство в значительной мере избегает агрохимикатов путем общего выращивания разных культур и копирует природные потоки замкнутых материальных циклов; секвестрирует углерод вместо усиления его выбросов и в то же время позволяет фермерам зарабатывать достаточно денег на

проживание; развивает перерабатывающие мощности для защиты рабочих мест в сельских регионах и при этом платит фермерам справедливое вознаграждение за их продукцию, дает обоснованную компенсацию за работу для защиты природы и климата [18]. В работе Наоми Кляйна «Изменяется все. Капитализм против климата» отмечается: «Через повышение температуры мы уже сегодня чувствуем тревожные симптомы. В 2012 г. происходило беспрецедентное таяние Гренландского ледяного щита. К тому же процесс окисления мирового океана проходит быстрее, чем предусматривалось. Если не предотвратить последующее повышение температуры, мы станем перед угрожающими последствиями» [9, с. 21].

Политика устойчивого сельского хозяйства направлена на: 1) расширение государственных исследований; 2) увеличение инвестиций в местную инфраструктуру и агроперерабатывающую промышленность; 3) пересмотр законодательства об интеллектуальной собственности в целях соблюдения прав фермеров и развития биомногообразия; 4) установление справедливых региональных и глобальных соглашений; 5) обеспечение надежного доступа к землям, водным ресурсам, информации, кредитам и рынкам; 6) развитие сельскохозяйственных знаний, науки и технологий; 7) усовершенствование продовольственной системы умного использования ресурсов (*smart resource*), которая базируется на трех принципах –

низкое влияние на окружающую среду, постоянное использование восстанавливаемых ресурсов и эффективное распределение всех ресурсов в целом; 8) популяризация идей Римского клуба; 9) содействие стратегии развития государства в контексте глобализации, европейского цивилизационного выбора, активного участия общественности в ее разработке и реализации; 10) содействие практическому внедрению принципов «устойчивого развития» и «экосоциальной рыночной экономики»; 11) поддержка процесса постиндустриальной модернизации [5]. Как свидетельствуют международные документы о сельском хозяйстве, повышение эффективности использования ресурсов на 30 % полностью возможно. О. П. Пунченко отмечает, что синергетический анализ демографической проблемы и ее производной – фронтиров – вскрыл ее сущность как одного из тектонических сдвигов глобализирующего мира [8, с. 101].

Перспективы последующих исследований в этом направлении – разработка концепции постоянного усовершенствования цифровой экономики как фактора устойчивого развития общества, которое базируется на информационно-коммуникационных технологиях, внедряемых во все сферы человеческой жизнедеятельности; создание условий перехода к устойчивой системе, а именно экологически сбалансированной и социально ориентированной экономики, которая принесет благосостояние для всех.

Библиографические ссылки

1. Мейсон П. *Посткапіталізм. Путівник у майбутнє*. Мочалова Н, перекладач. Київ: Наш формат; 2019. 360 с.
2. Кирвель ЧС, Романов ОА. *Соціальна філософія*. Минск: Вышэйшая школа; 2011. 495 с.
3. Бурак ПМ. Инварианты коэволюции в формировании научного знания для безопасного будущего общества. *Труды БГТУ. Серия 6. История, философия*. 2019;1:88–93.
4. Вайцекер фон ЕУ, Війкман А. *Come On! Капіталізм, недалекоглядність, населення і руйнування планети. Доповідь Римському клубу*. Сірош Ю, перекладач; Вовк В, Бутко В, редакторы. Київ: Саміт-Книга; 2019. 276 с.
5. Voronkova V, Metelenko N, Nikitenko V, Silina I. System analysis of the economy of sustainable development as environmentally balanced and socially oriented one. *Humanities Studies*. 2019;1:86–97. DOI: 10.26661/hst-2019-1-78-07.
6. Стадвелл Дж. *Чому Азії вдалося. Успіхи і невдачі найдинамічнішого регіону світу*. Цехановська О, перекладач. Київ: Наш формат; 2017. 448 с.
7. Nikitenko V, Andriukaitiene R, Puchenko O. Developing corporate management to improve the quality of customer service. *Humanities Studies*. 2019;1:140–153. DOI: 10.26661/hst-2019-1-78-12.
8. Пунченко ОП. Синергетическая сущность демографических фронтиров глобализирующегося мира. *Труды БГТУ. Серия 6. История, философия*. 2019;1:98–102.
9. Машитко СМ. Проблемы цифрового общества и социального медиа в концептуальной перспективе постмарксизма. *Труды БГТУ. Серия 6. История, философия*. 2019;1:103–107.
10. Медоуз Д, Рандерс Й, Медоуз Д. *Межі зростання. 30 років потому*. Вовк В, редактор. Київ: Пабулум; 2018. 464 с.
11. Воронкова ВГ, Романенко ТП, Андриякайтене Р. Концепція розвитку проектно-орієнтованого бізнесу в умовах цифрової трансформації до smart-суспільства. *Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії*. 2016;67:13–27.
12. О'Райлі Т. *Хто знає, яким буде майбутнє*. Кузьменко Ю, перекладач. Київ: Наш формат; 2018. 448 с.
13. Шарма Р. *Передові країни. В очікуванні нового «економічного дива»*. Іщенко А, перекладач. Київ: Наш формат; 2018. 296 с.
14. Шваб Кл. *Четверта промислова революція. Формуючи четверту промислову революцію*. Харків: Клуб сімейного дозвілля; 2019. 426 с.
15. Лазаревич НА. Индикаторы социальной политики в условиях технологической модернизации и трансформации социальных отношений в обществе. *Труды БГТУ. Серия 6. История, философия*. 2019;1:94–97.
16. Макстон Г, Рандерс Й. *У пошуках добробуту. Керування економічним розвитком для зменшення безробіття, нерівності та змін клімату. Доповідь Римському клубу*. Гуменюк К, Сотник Я, перекладачі. Київ: Паламбум; 2017. 320 с.

17. Череп А, Воронкова В, Муц Л, Фурсін О. Інформаційні та інноваційні технології як чинник підвищення ефективності цифрової економіки та бізнесу в умовах глобалізації 4.0. *Humanities Studies*. 2019;1:170–181. DOI: 10.26661/hst-2019-1-78-13.

18. Ха-Юн Ч. 23 прихованих факти про капіталізм. Купріячук О, перекладач. Київ: Наш формат; 2018. 296 с.

References

1. Meyson P. *Postkapitalizm. Putivnyk u majbutnje* [Post-capitalism. A guide to the future]. Mochalova N, translator. Kyiv: Nash format; 2019. 360 p. Ukrainian.
2. Kirvel' ChS, Romanov OA. *Sotsial'naya filosofiya* [Social philosophy]. Minsk: Vyshejschaja shkola; 2011. 495 p. Russian.
3. Burak PM. Invariants of co-evolution in the formation of scientific knowledge for the safe future of the society. *Trudy BGTU. Seriya 6. Istorija, filosofiya*. 2019;1:8–93. Russian.
4. Vaytszeker fon EU, Vykman A. *Come On! Kapitalizm, nedalekohlyadnist', naselennya i ruynuvannya planety. Dopovid' Ryms'komu klubu* [Capitalism, shortsightedness, population and the destruction of the planet. Report to the Roman Club]. Sirosh YU, translator; Vovk V, Butok V, editors. Kyiv: Samit-Knyha; 2019. 276 p. Ukrainian.
5. Voronkova V, Metelenko N, Nikitenko V, Silina I. System analysis of the economy of sustainable development as environmentally balanced and socially oriented one. *Humanities Studies*. 2019;1:86–97. DOI: 10.26661/hst-2019-1-78-07.
6. Stadvell J. *Chomu Azii' vdalosja. Uspihy i nevdachi najdynamichnishogo regionu svitu* [Why Asia succeeded. Successes and failures of the most dynamic region in the world]. Tsekhanovs'ka O, translator. Kyiv: Nash format; 2017. 448 p. Ukrainian.
7. Nikitenko V, Andriukaitiene R, Puchenko O. Developing corporate management to improve the quality of customer service. *Humanities Studies*. 2019;1:140–153. DOI: 10.26661/hst-2019-1-78-12.
8. Puchenko OP. Synergetic essence of the demographic frontiers of a globalizing world. *Trudy BGTU. Seriya 6. Istorija, filosofiya*. 2019;1:98–102. Russian.
9. Mashchitko SM. Problems of digital society and social media in the conceptual perspective of postmarxism. *Trudy BGTU. Seriya 6. Istorija, filosofiya*. 2019;1:103–107. Russian.
10. Medouz D, Randers Yo, Medouz D. *Mezhi zrostannya. 30 rokiv potomu* [Growth limits. 30 years later]. Vovk V, editor. Kyiv: Pabulum; 2018. 464 p. Ukrainian.
11. Voronkova VG, Romanenko TP, Andryukaytene R. The concept of the development of project-oriented business in the conditions of the digital transformation to a smart-society. *Humanities Bulletin of Zaporizhzh State Engineering Academy*. 2016;67:3–27. Ukrainian.
12. O' Reilly T. *Hto znaje, jakym bude majbutnje* [Who knows what the future will be like]. Kuz'menko Y, translator. Kyiv: Nash format; 2018. 448 p. Ukrainian.
13. Sharma R. *Peredovi kraï'ny. V ochikuvanni novogo «ekonomichnogo dyva»* [Advanced countries. In anticipation of a new «economic miracle»]. Ishchenko A, translator. Kyiv: Nash format; 2018. 296 p. Ukrainian.
14. Schvab Cl. *Chetverta promyslova revolyutsiya. Formuyuchy chetvertu promyslovu revolyutsiyu* [Fourth industrial revolution. Forming the fourth industrial revolution]. Kharkiv: Klub simeynoho dozvillya; 2019. 426 p. Ukrainian.
15. Lazarevich NA. Indicators of social policy in conditions of technological modernization and transformation of social relations in society. *Trudy BGTU. Seriya 6. Istorija, filosofiya*. 2019;1:94–97. Russian.
16. Maxton H, Randers Y. *U poshukah dobrobutu. Keruvannya ekonomichnym rozvytkom dlja zmeshennja bezrobittja, nerivnosti ta zmin klimatu. Dopovid' Ryms'komu klubu* [In search of prosperity. Managing economic development to reduce unemployment, inequality and climate change. Report of the Roman Club]. Humenyuk K, Sotnyk Y, translators. Kyiv: Palam-bum; 2017. 320 p. Ukrainian.
17. Cherep A, Voronkova V, Muts L, Fursin O. Information and innovation technologies as a factor of improving the efficiency of digital economy and business in the globalized 4.0. *Humanities Studies*. 2019;1:170–181. Ukrainian. DOI: 10.26661/hst-2019-1-78-13.
18. Kha-Yun Ch. 23 *prykhovanykh fakty pro kapitalizm* [23 hidden facts about capitalism]. Kuprianchuk O, translator. Kyiv: Nash format; 2018. 296 p. Ukrainian.

Стаття поступила в редколлегию 27.02.2020.
Received by editorial board 27.02.2020.

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Д. Г. ДОБРОРОДНИЙ¹⁾, И. С. ГОЛУБЕВ²⁾, А. В. САРЫЧЕВА²⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 200007, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется феномен политических интернет-мемов, раскрывается его роль как политического акта, инструмента воздействия и аргумента в политическом дискурсе. Интернет-мем – явление, характерное для эпохи распространения интернет-коммуникации и культуры постмодерна. Значимость интернет-мемов обусловлена виртуализацией социальных практик и смещением социальной активности в сферу интернет-коммуникации. Популярность и распространенность политических интернет-мемов объясняется, с одной стороны, диффузией политического и неполитического, а с другой – простотой и доступностью данной формы коммуникации, которая представляется пользователю как анонимный политический акт, претендующий на значимость. Главными проблемами при использовании интернет-мемов являются неосознанность их потребления и распространения, смещение политического дискурса в сторону нерациональной аргументации.

Ключевые слова: мем; интернет-мем; политический интернет-мем; интернет-коммуникация; политика в интернет-коммуникации; интернет-мем как аргумент.

THE PHENOMENON OF POLITICAL INTERNET MEMES IN THE MODERN MEDIA SPACE

D. G. DABRARODNI^a, I. S. GOLUBEV^b, A. V. SARYCHEVA^b

^aNational Institute for Higher Education, 15 Maskoŭskaja Street, Minsk 200007, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: D. G. Dabrarodni (danila_dobr@mail.ru)

The article analyzes the phenomenon of political Internet memes, their role and significance in political discourse as a political act, an instrument of influence and argument. The Internet meme is seen as a phenomenon of the era of Internet communication and postmodern culture. The importance of Internet memes is determined by the virtualization of social practices and the shift in social activity to the field of Internet communication. The popularity and prevalence of political Internet memes is explained, on the one hand, by the diffusion of politics, and on the other, by the simplicity and accessibility

Образец цитирования:

Добродородний ДГ, Голубев ИС, Сарычева АВ. Феномен политических интернет-мемов в современном медиапространстве. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020;2:18–24.

For citation:

Dabrarodni DG, Golubev IS, Sarycheva AV. The phenomenon of political Internet memes in the modern media space. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2020;2:18–24. Russian.

Авторы:

Данила Григорьевич Добродородний – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии и методологии университетского образования.
Иван Сергеевич Голубев – магистрант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент В. Т. Новиков.
Анна Владимировна Сарычева – магистрант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент С. В. Воробьева.

Authors:

Danila G. Dabrarodni, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy and methodology of university education.
danila_dobr@mail.ru
Ivan S. Golubev, master's degree student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
vanya2010@list.ru
Anna V. Sarycheva, master's degree student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
phs.kupriyanav@gmail.com

of the Internet meme as a form of communication that users consider to be an anonymous but important political act. The main problems when using Internet memes are the unconsciousness of both their consumption and distribution, as well as the shift of political discourse towards irrational argumentation.

Keywords: meme; Internet meme; political Internet meme; Internet communication; politics in Internet communication; Internet meme as an argument.

Динамика пространства социальной рефлексии необходимым образом включает ее расширение и наполнение с помощью актуальных практик общественной жизнедеятельности. Для современного общества наиболее актуальной и характерной сферой является пространство интернет-коммуникации. Доступ к интернету сегодня не роскошь, а необходимость для полноценного существования человека, что подтверждается решением Совета по правам человека ООН, закрепленным в резолюции 2016 г., в соответствии с которым доступ к интернету приравнивался к базовым правам человека, в частности к праву личности на свободу получения информации [1].

В еще большей степени интернет-коммуникация необходима для организации и воспроизводства социальных связей и взаимодействий. Центральным событием 2020 г. является пандемия COVID-19, которая, в частности, привела к массовому сокращению непосредственных контактов между людьми, карантину и самоизоляции. Пандемии случались и ранее, но в этот раз впервые в истории разрушительное для социальных связей зло совсем не сказалось на массовой коммуникации, наоборот, благодаря интернету информационные потоки на фоне распространения вируса становились только интенсивнее, а общение между людьми не прерывалось даже при самой строгой изоляции, более того, провайдеры зафиксировали рост объема трафика и традиционных звонков [2], а популярные мессенджеры стали вводить ограничения, чтобы препятствовать распространению недостоверной информации [3]. Речь идет не только об информировании или простом общении: в условиях резкого сокращения непосредственных контактов осуществлялся массовый переход социальных практик в онлайн (удаленная работа, политическая активность в интернете, онлайн-обучение и развлечения). Мы стали свидетелями ускорения процессов цифровой трансформации и виртуализации¹ существования человека и общества.

В философской литературе существует много разных концепций, предлагающих теоретические модели для описания происходящих в обществе изменений. В качестве примера можно упомянуть концепции виртуализации общества Д. В. Иванова и философии информации Л. Флориди. Критически оценивая состояние современного информацион-

ного общества, Д. В. Иванов обращает внимание на интенсификацию бессодержательной коммуникации и преимущественный прогресс информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), замещающих реальность: «Взаимодействия осуществляются как виртуальные аналоги реальных социальных взаимодействий. При этом происходит замещение реального исполнения социальных ролей симуляцией, создается образ реальных атрибутов институциональности. Виртуальные сообщества/тусовки симулируют непосредственность присутствия в общении и социальную близость общающихся людей. Виртуальные корпорации симулируют процедуры заключения контракта и существование организации как субъекта хозяйственной деятельности. Виртуальное казино симулирует соревнование партнеров по игре. Виртуальный взлом симулирует нарушение прав собственности вкладчиков банка» [4, с. 15]. Виртуализация социальности происходит благодаря развитию ИКТ, но является более фундаментальной тенденцией «развешествления» общества в эпоху постмодерна. Для нас важно зафиксировать тезис о том, что онлайн-коммуникацию или интернет-активность не следует противопоставлять традиционной социальной коммуникации или социальному действию, скорее, они являются их новой формой, не менее реальной и значимой.

Итальянский философ Л. Флориди в своем проекте философии информации обосновывает новую онтологию, форму жизни, возникающую в результате революции ИКТ. Объекты этой новой среды характеризуются не физическими, а информационно-коммуникативными свойствами, они являются агентами инфосферы, которые участвуют в информационном обмене, сохраняют, передают или приумножают информацию. При этом не имеет значения статус этих объектов как живых или разумных, важно лишь их участие в информационном взаимодействии. Философ негативно оценивает объекты, разрушающие информацию на любых носителях (вандалы или компьютерные вирусы), а позитивно – способствующие ее распространению (книги, сайты или учителя). На этом строится информационная этика Л. Флориди, в которой субъектами нравственных отношений выступают не только люди, но и неодушевленные предметы, например, компьютерные программы. Человек –

¹Термин «виртуализация» здесь использован для обозначения тенденции, когда интернет все чаще применяется для осуществления деятельности, которая ранее обходилась без него, например, для общения, учебы, игр, работы, социального активизма, развлечений и т. д.

это тоже агент (узел) коммуникации, информационный организм (инфорг), комплекс биологического субстрата, артефактов и элементов инфосферы [5, р. 9]. Огромное влияние на становление инфорга оказало появление и распространение интернета, поэтому Л. Флориди использует понятие «онлайф» для характеристики жизни современного человека, который в интернете развивает и конструирует свою идентичность, получает не меньше опыта, знаний, отношений, чем в реальной жизни [6]. Однако для нас существенно, что в информационном пространстве важен не сам человек, а информация, которая создается или передается и может распространяться в интернете независимо от человека, впервые ее представившего.

Таким образом, пространство интернет-коммуникации открывает обширное поле фундаментальных проблем для философского анализа. Одно из наиболее популярных направлений – обсуждение диалектики публичного и приватного в жизни личности в преломлении ее активности в новых медиа (социальных сетях и т. п.), пользователь которых озабочен конструированием собственного уникального профиля с помощью общедоступного контента: мемов, видеороликов, музыкальных произведений и подобных проявлений социального творчества человека. Несмотря на фактически онтологический характер манифестации его субъективно-объективного существования, роль этих «вспомогательных материалов» в динамике социальных процессов по-прежнему остается недостаточно широко исследованной. В данной статье основной акцент сделан на анализе интернет-мема как уникального феномена современного медиапространства, репрезентирующего субъективное измерение его создателя и «читателя», а также диагностирующего значимые явления и процессы реальной социально-политической жизни.

В рамках данной работы не проводится детальный анализ происхождения и значения понятий «мем» и «интернет-мем». В качестве рабочего определения вполне можно использовать дефиницию из популярной интернет-энциклопедии: «Интернет-мем (англ. *Internet meme*) – информация в той или иной форме (медиаобъект, то есть объект, создаваемый электронными средствами коммуникации, фраза, концепция или занятие), спонтанно приобретающая популярность, распространяясь в интернете разнообразными способами (посредством социальных сетей, форумов, блогов, мессенджеров и пр.). Вошло в употребление в середине первого десятилетия XXI века»². Также следует отметить, что «все исследователи этого загадочного и до сих пор недостаточно отрефлексированного понятия сходятся на том, что впервые термин

“мем” (правда, в русском переводе работы прозвучавший как “мим”) появился в книге Р. Докинза “Эгоистичный ген”» [7, с. 29]. Автор книги разрабатывает концепцию мемов, охватывающую множество культурных явлений. У Р. Докинза мем соотносен с понятием «ген»: общим для этих феноменов является возможность передачи информации. Мем – единица трансляции культурной информации, которая имитирует и тем самым воспроизводит ее. Мем понимается в данном случае довольно широко: Р. Докинз пишет, что мемами могут быть «мелодии, идеи, модные словечки и выражения» [8, с. 257]. Определенные способы действий, паттерны поведения также могут передаваться посредством этого репликатора. Распространение мемов, их самовоспроизводство в умах людей является характеристикой, определяющей их специфику. Если репликации не происходит, то сложно сказать о способности определенной единицы культурной информации «выжить». Комплекс мемов составляет определенный мемфонд. Мем, как культурная единица, необязательно должен быть полезен, разумен, адекватен или обоснован логическими средствами, чтобы стать привлекательным для человека. «Выживаемость» и воспроизводимость мема, по мнению Р. Докинза, «обуславливается его большой психологической привлекательностью» [8, с. 257]. Из этого следует, что различные мемы воспроизводятся не только вследствие сознательного выбора человека.

В интернет-коммуникации мемами могут служить языковые выражения, изображения, фрагменты видео и аудио. Исследователь С. А. Шомова выделяет следующие разновидности интернет-мемов: вербальные (текстовые) образования, аудиальные, визуальные и смешанные сообщения [7, с. 35]. Интернет-мемы зарождаются в субкультуре интернет-сообществ, набирают популярность вместе с распространением интернет-коммуникации, прежде всего всевозможных интернет-площадок, где пользователи могут обмениваться медиасообщениями, комментировать и изменять их, заниматься своеобразным мемтворчеством. Интернет-мем стал оптимальной формой коммуникации в эпоху постмодерна и интернета. С одной стороны, это медиапродукт, который легко просмотреть, оценить (лайкнуть), переслать, он быстро преодолевает национальные границы (языковые, культурные, политические); с другой стороны, это коллаж, творческое соединение цитат и отсылок, заданный контекстом, он принципиально ироничен, несерьезен, поверхностен, но при этом критичен по отношению ко всему реальному, фундаментальному, социально значимому. Создание интернет-мемов – своеобразная деконструкция со-

²Интернет-мем // Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82-%D0%BC%D0%B5%D0%BC> (дата обращения: 10.04.2020).

циального и медийного (которые тесно взаимосвязаны в современную эпоху), поскольку они помещают события, сообщения или персонажей в новые контексты, иронично их интерпретируя, вскрывая новые смыслы.

Ключевой характеристикой интернет-мема, как и любого мема, является его воспроизводимость, вирусное распространение по каналам коммуникации. Интернет-мемы начали быстро набирать популярность благодаря социальным сетям, с развитием которых они обрели по-настоящему глобальный характер, получили статус значимого явления массовой культуры, стали тиражироваться традиционными СМИ. Несмотря на некоторую семантическую неопределенность, как мемы, так и интернет-мемы уже заняли особое место в жизни человека: они не только передают какую-либо информацию, но и могут способствовать изменению психоэмоционального фона человека и даже влиять на его поведение не только в виртуальном пространстве, но и в реальных повседневных практиках. Мы специально ограничили область данного исследования политическими интернет-мемами, поскольку политика является одной из важнейших форм участия человека в общественной жизни, соответственно, использование интернет-мемов политической тематики наглядно может продемонстрировать их значение для реальной общественной жизни в целом. Кроме того, надо признать, что современное медиапространство в первую очередь ориентировано на политическую тематику, а сама политика охватывает все сферы жизни общества от экономики до спорта и искусства. Границы политического и неполитического в сфере мемов достаточны условны и легко преодолеваются простым помещением мема в новый контекст или добавлением к нему незначительного элемента.

Расширение доступа к интернету самым радикальным образом повлияло на характер осуществления политической деятельности: последнее десятилетие ознаменовано выходом профессиональных политиков в виртуальную реальность. Активными пользователями социальных сетей являются многие из них, от мировых лидеров до представителей региональных властей. Последние, впрочем, используют социальные сети не только по прямому назначению (общение с электоратом), но и в целях информирования о тех или иных произошедших или готовящихся изменениях в реальной политической жизни. Не отстают от современных реалий осуществления политического процесса и сами социальные сети: в конце февраля 2020 г. авторитетная американская телерадиокомпания *NBC*, ссылаясь на внутренние источники, распространила информацию о том, что *Twitter* в данный момент разрабатывает собственные алгоритмы борьбы с некорректной информацией, и прежде

всего с той, которая исходит от политиков. В случае распространения ими подобных вредоносных данных, такие твиты будут помечаться оранжевым цветом, а авторизованные самой социальной сетью пользователи-эксперты оставят комментарии, в которых расскажут о реальном положении дел. Эффект от внедрения подобной, бесспорно, политической технологии может быть самым разным: от локальных политических неудач до потенциального сворачивания предвыборных программ или значительной их корректировки. Любопытно, что в демонстрационных скриншотах тестов новой технологии, оригинальность которых *Twitter* подтвердил, на первом же изображении представлено сообщение о содержании вредоносной ложной информации в высказывании Б. Сандерса – одного из кандидатов от Демократической партии США на грядущих президентских выборах – о том, что 40 % оружия в стране продается без надлежащей проверки личности покупателя, тогда как, по данным актуальных исследований, реальный процент таких сделок в два раза меньше [9].

Не менее важной, впрочем, становится и роль другого субъекта политического процесса – пользователя, обычного избирателя, обретающего доступ к новым формам реализации собственного политического *Я*. К таковым можно отнести создание интернет-мемов политической направленности как важнейшую форму участия в пространстве реального политического процесса. Использование политических интернет-мемов подразумевает выражение собственной гражданской позиции.

Интернет-мемы не просто существуют в общекультурном пространстве – они создают и задают контекст реальной, «живой» культуры общества. Ценностные ориентации пользователей становятся ценностными установками политических субъектов, а их отношение к тем или иным событиям осуществления политического наиболее рельефно просматривается как раз в интернет-мемах. Во многом это связано с ощущением анонимности собственной политической идентичности в интернете. Впрочем, практика последних лет показывает всю глубину заблуждений, возникающих из-за этого ощущения. Буквально каждое действие пользователя в интернете (а теперь и манипуляции с гаджетами, даже не подключенными к сети) сохраняется. Многочисленные скандалы с участием публичных персон современности разных масштабов, особенно политиков, были связаны с проведенным тщательным анализом социальных сетей и изучением архивов их предыдущих действий, которые порой радикальным образом расходились с декларируемыми ими или их партиями ценностями.

Следует также особо подчеркнуть дуалистичный характер содержания политических интернет-мемов. С одной стороны, их пространство имеет довольно низкий порог вхождения пользователей –

достаточно знать содержание интернет-мема на базовом уровне (кто или что изображено, почему это стало общеизвестно), а передаваемый информационный посыл обычно не требует глубоких знаний в области политических или социально-гуманитарных наук. С другой стороны, как отмечается многими отечественными и зарубежными исследователями, интернет-мем так или иначе оказывает воздействие на сферу бессознательного. Под бессознательным в данном случае мы понимаем деятельность индивида, возникающую в результате неосознаваемого, не схватываемого в моменте саморефлексии акта политического влияния извне. В контексте осуществления политического акта субъектом это прежде всего означает возможность его условного «программирования» и сторонней алгоритмизации (вижу представителя этой партии – ставлю лайк – поддерживаю его на выборах). Эти неконтролируемые интернет-пользователями проявления политический симпатий уже использовала скандально известная компания *Cambridge Analytica* для оказания влияния на избирателей в ходе референдума по Брекситу и президентской компании в США [10]. Как заявляет М. Косински, разработавший алгоритм анализа личных данных профиля пользователя социальной сети, «достаточно десяти лайков, чтобы система смогла лучше распознать вашу личность, чем коллега по работе, а по 230–240 лайкам компьютер будет знать о вас больше, чем ваш супруг или супруга» [11].

При этом подобное влияние извне способно на практике собирать изначально разрозненных анонимных пользователей интернета в группы лиц, объединенных общей идеей с ярко выраженными политическими предпочтениями и интересами, т. е., по сути, выполнять функции политических объединений и партий в виртуальном пространстве, подразумевающим реальное участие в политическом процессе. Пользователи, оценивая политические интернет-мемы тем или иным образом, проходят своего рода бессознательную проверку на близость политических взглядов друг друга. Если один и тот же интернет-мем политической направленности воспринимается пользователями сходным образом, то можно говорить о собирании виртуальной политической группы «друзей» с возможностью реального воздействия на сферу политического, – по аналогии с «друзьями» в концепции политического К. Шмитта. Если же пользователи расходятся в оценках, то речь идет о распаде интернет-сообщества на противоборствующие по политическим вопросам группы пользователей «врагов». Впрочем, характер такой проверки, осуществляемой пользователями, является достаточно поверхностным и чаще всего не связан с поиском специальных знаний: достаточно сходным образом оценивать одни и те же политические интернет-мемы, чтобы не только реализовать в рамках

существующих политических реалий собственную политическую субъектность, но и приобщить последнюю к пространству коллективного участия в политическом процессе. А последний невозможен без развитой системы интернет-коммуникации.

Политические интернет-мемы активно используются в пространстве медиакommunikации, поскольку обладают рядом особенностей в качестве аргумента дискуссии. Процесс аргументации сам по себе является сознательной языковой деятельностью. В широком смысле аргументация – это любая форма обоснования. При более детальном рассмотрении можно говорить, что ключевыми целями аргументации выступают доказательство и убеждение. Чтобы тезис был доказан, необходимо привести соответствующие доводы, которые обоснуют его истинность. Построение аргументации в соответствии с формальными логическими законами играет в данном случае ключевую роль. Однако в речевом процессе агент стремится выразить различные когнитивные составляющие своей личности: знания, мнения, цели, ценности, намерения и желания [12]. Выражая свои субъективные представления о происходящем, человек стремится получить соответствующий отклик от агента взаимодействия. В данном случае обоснование осуществляется не только с учетом формальных логических законов – субъективные особенности опосредуют способы обоснования и восприятия информации.

Интернет-коммуникация связана с необходимостью убеждения кого-либо. Убедительность при этом не всегда коррелирует с истинностью, а аргументы могут апеллировать не только к разуму, но и к широкому спектру опыта человека. В интернет-пространстве аудитория, к которой обращается агент аргументации, может быть очень многочисленной. Чтобы сделать определенный тезис приемлемым, подача сложной, доказанной информации, которую необходимо проанализировать, не всегда продуктивный способ. Зачастую гораздо быстрее и эффективнее преподнести информацию в упрощенной форме, которая может не только рационально восприниматься, но и вызывать определенный спектр чувств. Интернет-мем вполне способен послужить такой формой аргументации.

В качестве аргумента интернет-мем может имплицитно содержать в себе послания, которые являются аргументами к человеку. Воздействие на аудиторию в такой ситуации осуществляется посредством различных уловок. Реципиент информации нередко не осознает, почему он воспроизводит тот или иной мем. Аргументы к человеку могут быть обращены к различным аспектам или обстоятельствам, характеризующим личность и не имеющим корреляции с доказываемым положением [13]. В качестве примера можно говорить об информа-

ционных посланиях, обращенных к скромности, невежеству, силе, авторитету, жалости, здравому смыслу и т. д. Политические интернет-мемы не исключение, они иллюстрируют способы воздействия на сознание аудитории, ее понимание политического. В результате такого воздействия человек может приобрести, как ему кажется, субъективное понимание того, что нравственно или безнравственно, легитимно или выходит за рамки закона.

Визуальный интернет-мем, содержащий некоторую надпись, может выступать в качестве аргумента, воздействовать на представления индивида о норме, вызывая сопереживание и понимание ситуации на уровне чувств. То же изображение может показать событие, которое будет затрагивать нравственные представления человека, взывать к его совести. При этом не столь важна предыстория проиллюстрированного события, как и то, происходило ли оно на самом деле, какой первоначально смысл в нем был заложен. Случайная фотография в определенном контексте может стать реальным призывом к действиям.

Политик в интернет-меме может выступать не в качестве субъекта, осуществляющего политические решения, а в качестве обычного человека, который имеет недостатки. Этот акцент на личных недостатках, как предпосылка, влечет за собой вывод о том, что и политические действия его полны ошибок, являются плохими, неэффективными и т. д. Как замечает С. А. Шомова, политические интернет-мемы тяготеют к осмыслению информации в контексте смеховой культуры: «Дело здесь, по-видимому, в санационной, очищающей общественную атмосферу способности мема весело обсуждать серьезные политические вопросы» [7, с. 37]. В таком случае, чтобы быть воспринятым и воспроизведенным, мем должен вызвать эмоции, заставить человека засмеяться, даже если он убежден в существовании проблемы.

В связи с развитием интернет-коммуникации интернет-мем становится популярным в политическом дискурсе в качестве аргумента к массам. Обращение к чувствам и ценностям позволяет создать видимость понимания насущных проблем и потребностей людей. Если посредством мема показать, что проблемы не разрешаются, то причина такого положения дел будет воспринята негативно, а причиной может выступать норма, закон, политик или партия.

Таким образом, интернет-мем – это феномен современного информационного общества, тех-

нологической платформой которого является интернет, а культурным субстратом – постмодерн. Интернет-мемы, словно вирус, распространяются в глобальной медиасреде и потенциально могут достигнуть каждого интернет-пользователя. Интернет-мемы ироничны, контекстуальны, построены на цитатах, заимствованиях и отсылках, могут возникать на основе реальных политических событий, использоваться в политической борьбе для воздействия на общественное мнение, но при этом остаются чем-то принципиально несерьезным и неконтролируемым с точки зрения популярности и распространения.

Можно сказать, что интернет-коммуникация предполагает обращение к средствам, позволяющим сделать информационное послание убедительным для воспринимающего ее субъекта. Современное медиапространство не только обеспечивает взаимодействие между отдельными людьми, но и охватывает большие социальные массы. В качестве средства воздействия на коллективные субъекты могут выступать интернет-мемы, включающие аудиальные, визуальные и смешанные средства передачи информации и способные к самостоятельному распространению и самовоспроизведению.

Реализация намерений посредством использования мемов нацелена на распространение определенного культурного кода. Убедительность и доказанность такой информационной единицы позволяет эксплицировать мем в качестве аргументативного множества. Интернет-мем, как аргумент, имеет логические основания, но апеллирует не только к рациональным структурам реципиента. Обращение к субъективному опыту, переживаемому посредством чувств, позволяет быстро и эффективно воспринять информацию, упрощая ее содержание. В сфере политического такое воздействие превращается в силу, влияющую на социальную реальность. Убедительность передаваемой информации не подвергается критическому анализу и позволяет продиктовать определенную точку зрения и задать алгоритм действий пользователя. Последний при таком влиянии бессознательно жертвует собственной идентичностью и становится частью коллективного политического субъекта с четко фиксированными представлениями и убеждениями. Самовоспроизведение таких культурных кодов может определить легитимность политических решений, социальную значимость определенных законов и норм, имидж политиков и партий, иные аспекты политического в медиадискурсе.

Библиографические ссылки

1. Хмельнов А. ООН: право на Интернет – базовое право для всех [Интернет]. Euronews. 2016 [процитировано 10 апреля 2020 г.]. Доступно по: <https://ru.euronews.com/2016/07/05/un-denounces-disruption-of-internet-access-as-human-rights-violation>.
2. Скрынникова А. Интернет-провайдеры рассказали о росте нагрузки на сети [Интернет]. РБК. 2020 [процитировано 10 апреля 2020 г.]. Доступно по: https://www.rbc.ru/technology_and_media/31/03/2020/5e81fa5e9a7947c6b6442bac.

3. Гордеев В. WhatsApp ужесточил правила пересылки сообщений для борьбы с фейками [Интернет]. РБК. 2020 [протитировано 10 апреля 2020 г.]. Доступно по: https://www.rbc.ru/technology_and_media/07/04/2020/5e8c65969a79477f80bcfd0b?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews.
4. Иванов ДВ. *Виртуализация общества*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение; 2000. 96 с.
5. Floridi L. *Information. A very short introduction*. Oxford: Oxford University Press; 2010. 130 p.
6. Floridi L. The Informational Nature of Personal Identity. *Minds Machines*. 2011;21(4):549–566. DOI: 10.1007/s11023-011-9259-6.
7. Шомова СА. Политический интернет-мем: сущность, специфика, разновидности. *Бизнес. Общество. Власть*. 2015;22:28–41.
8. Докинз Р. *Эгоистичный ген*. Москва: АСТ; 2013. 512 с. Совместно с издательством Corpus.
9. Левченко Г. Twitter борется с ложью политиков [Интернет]. Медуза. 2020 [протитировано 10 апреля 2020 г.]. Доступно по: <https://meduza.io/feature/2020/02/21/twitter-boretsya-s-lozhyu-politikov-teper-eto-rabotaet-tak-sovral-poluchil-oranzhevyi-diskleymer>.
10. Скандал с Facebook и Cambridge Analytica. Что мы знаем. [Интернет]. BBC. 2018 [протитировано 10 апреля 2020 г.]. Доступно по: <https://www.bbc.com/russian/features-43475612>.
11. Добрынин С. Мы не заметим, как мир захватит искусственный интеллект [Интернет]. Радио Свобода. 2016 [протитировано 10 апреля 2020 г.]. Доступно по: <https://www.svoboda.org/a/28166040.html>.
12. Лисанюк ЕН. Аргумент *ad hominem* с точки зрения логики. *Логико-философские штудии*. 2008;6:50–68.
13. Мигунов АИ, Лисанюк ЕН. Теория аргументации: конкуренция современных исследовательских подходов. *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*. 2018;1:77–87. DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-77-87.

References

1. Khmelnov A. UN: The right to the Internet is a basic right for all [Internet]. Euronews. 2016 [cited 2020 April 10]. Available from: <https://ru.euronews.com/2016/07/05/un-denounces-disruption-of-internet-access-as-human-rights-violation>. Russian.
2. Skrynnikova A. Internet providers talked about the growing load on the network [Internet]. RBC. 2020 [cited 2020 April 10]. Available from: https://www.rbc.ru/technology_and_media/31/03/2020/5e81fa5e9a7947c6b6442bac. Russian.
3. Gordeev V. WhatsApp has tightened the rules for sending messages to combat fakes [Internet]. RBC. 2020 [cited 2020 April 10]. Available from: https://www.rbc.ru/technology_and_media/07/04/2020/5e8c65969a79477f80bcfd0b?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews. Russian.
4. Ivanov DV. *Virtualizatsiya obshchestva* [Society virtualization]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie; 2000. 96 p. Russian.
5. Floridi L. *Information. A very short introduction*. Oxford: Oxford University Press; 2010. 130 p.
6. Floridi L. The Informational Nature of Personal Identity. *Minds Machines*. 2011;21(4):549–566. DOI: 10.1007/s11023-011-9259-6.
7. Shomova SA. The political Internet meme: essence, characteristics, types. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. 2015;22:28–41. Russian.
8. Dokinz R. *Egoistichnyi gen* [Selfish gene]. Moscow: AST; 2013. 512 p. Co-published by the «Corpus». Russian.
9. Levchenko G. Twitter fights politicians' lies [Internet]. Meduza. 2020 [cited 2020 April 10]. Available from: <https://meduza.io/feature/2020/02/21/twitter-boretsya-s-lozhyu-politikov-teper-eto-rabotaet-tak-sovral-poluchil-oranzhevyi-diskleymer>. Russian.
10. Facebook and Cambridge Analytica scandal. What do we know [Internet]. BBC. 2020 [cited 2020 April 10]. Available from: <https://www.bbc.com/russian/features-43475612>. Russian.
11. Dobrynin S. We won't notice how the world captures artificial intelligence [Internet]. Radio Free. 2020 [cited 2020 April 10]. Available from: <https://www.svoboda.org/a/28166040.html>. Russian.
12. Lisanjuk EN. [Logical *ad hominem* argument]. *Logiko-filosofskie shstudii*. 2008;6:51–68. Russian.
13. Migunov AI, Lisanjuk EN. Argumentation theory: competition between modern research Approaches. *Russian Foundation for Basic Research Journal*. 2018;1:77–87. Russian. DOI: 10.22204/2587-8956-2018-090-01-77-87.

Статья поступила в редакцию 21.04.2020.
Received by editorial board 21.04.2020.

ТОТАЛИТАРИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ: К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В. О. СТАШИС¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные этапы трансформации понятия «тоталитаризм» в сфере социогуманитарного знания. Исследуется проблема расширения диапазона существующих концепций тоталитарных режимов в условиях постиндустриального и информационного обществ. При этом особая роль в развитии теории тоталитарного общества отводится франкфуртской школе, позволившей освободить понятие «тоталитаризм» от эвристики коннотаций, указав на особую роль культурных и психологических факторов в формировании тоталитарного мышления. Утверждается, что современные технологии, в большинстве своем сосредоточенные в руках транснациональных корпораций, являются ключевым поводом для продолжения эвристического поиска рабочей описательной модели понятия «тоталитаризм». Анализируется современное состояние дискуссий вокруг концепции тоталитарного общества, в которых прослеживается связь с актуальными технологическими тенденциями и грядущими социальными вызовами.

Ключевые слова: идеология; тоталитарный режим; либерализм; фашизм; религия; утопия; информационное общество.

TOTALITARIANISM IN MODERN SOCIAL PHILOSOPHY: TO THE PROBLEM OF CONCEPTUAL DEFINITION

V. O. STASHIS^a

^aBelarusian State University, 4 Niezalieznasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The main stages of transformation of the concept «totalitarianism» in the sphere of social and humanitarian knowledge are considered. The problem of expanding the range of existing concepts of totalitarian regimes in post-industrial and information societies is revealed. At the same time, a special role in the development of the theory of totalitarian society is assigned to the Frankfurt School, which made it possible to free the concept «totalitarianism» from etatistic connotations by pointing to the special role of cultural and psychological factors in the formation of totalitarian thinking. It is argued that modern technologies, mostly concentrated in the hands of transnational corporations, are a key reason for continuing the heuristic search for a suitable descriptive model of the concept of totalitarianism. The current state of discussions around the concept of totalitarian society is analyzed, in which the connection with current technological trends and future social challenges is traced.

Keywords: ideology; totalitarian regime; liberalism; fascism; religion; utopia; information society.

При сохранении очевидных коннотаций, связанных с тоталитаризмом как феноменом XX в., термин «тоталитаризм» активно используется в актуальной политической популистской риторике и, кроме того,

в современном социогуманитарном знании. В его смысловое поле неизбежно привносятся идеологические акценты прошлого века, и, следовательно, возникает вопрос о том, каким образом возможно

Образец цитирования:

Сташис ВО. Тоталитаризм в современной социальной философии: к проблеме концептуального определения. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020;2:25–32.

For citation:

Stashis VO. Totalitarianism in modern social philosophy: to the problem of conceptual definition. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2020; 2:25–32. Russian.

Автор:

Владислав Олегович Сташис – аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент О. В. Новикова.

Author:

Vladislav O. Stashis, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
phs.stashisvo@bsu.by

избавиться от коннотаций, связанных с контекстами XX в., при анализе современных версий тоталитаризма. Для понимания сути данной проблемы и формирования неангажированного взгляда на связанные с ней реалии необходимо исследовать различные интерпретации термина «тоталитаризм», соотнести его с историческим феноменом и оценить концептуальное наполнение данного понятия в социальных теориях.

Как отмечает российский историк В. И. Михайленко, говоря о тоталитаризме, мы имеем дело с тремя различными понятиями: реальным историческим фактом в виде тоталитарных режимов XX в., типологизированной концепцией тоталитарного государства и теорией тоталитаризма в форме умозрительной модели, разработанной в рамках сравнительного анализа политических явлений [1]. При этом нельзя утверждать, что существует консенсус по поводу того, способно ли столь идеологически и концептуально наполненное понятие адекватно отражать политические и социальные смыслы без привлечения в него лишних коннотаций.

Прилагательное «тоталитарный» сегодня может часто употребляться как синоним к словам «деспотичный» и «диктаторский», и при такой широкой трактовке генеалогия тоталитаризма может не только проследиваться вплоть до Древнего Египта, но и отсылать нас непосредственно к режимам первой половины XX в. (словосочетания «тоталитарное искусство» или «тоталитарная лингвистика», помимо прочего, указывают на хронологические и географические рамки исследования). Вместе с тем попытка соотнести понятие «тоталитаризм» с реальным социально-политическим объектом усложняется, если исследователь намерен обозначить референтный пример в условиях современного общества. Возникает необходимость обосновать как легитимность самой концепции, так и ее использование в совершенно иной технологической, информационной и экономической реальности. В связи с этим В. И. Михайленко справедливо указывает на возможность применения к понятию «тоталитаризм» термина «блуждающий феномен» [1, с. 182]. Мы можем выявить траекторию движения рассматриваемого понятия, что, в свою очередь, должно помочь в определении актуального смысла данного феномена и правомерности дальнейшего развития концепции тоталитаризма.

Активно встречающийся в СМИ, художественных произведениях и академических работах термин «тоталитаризм» изначально появился как своего рода экспрессивное выражение. Целью введения прилагательного *totalitario* (от лат. *totalis* – целый, полный) стала критика избирательной системы фашистской Италии: Дж. Амендола 23 мая 1923 г. употребил выражение *sistema totali-*

tario в своей статье «Большинство и меньшинство», охарактеризовав таким образом захватническую стратегию фашистской партии. Как замечает немецкий исследователь Й. Петерсен, таким способом Дж. Амендола не только указал на контраст фашистской избирательной системы на фоне ранее действующих *sistema maggioritario* и *sistema minoritario*, но и предупредил, что такая система грозит установлением неограниченной и абсолютной политической власти [2].

Новый термин был активно подхвачен антифашистской прессой, однако фашистские пропагандистские круги не стали отрицать обвинения в тоталитаризме, а начали активно употреблять это слово в программных речах, а позднее и вовсе сделали тоталитаризм частью собственной политической повестки. Й. Петерсен приводит слова члена фашистской партии Р. Ф. Даванзатти, произнесенные в феврале 1926 г.: «Если оппоненты скажут нам, что мы тоталитарны, мы доминиканцы, мы непримиримы, мы деспотичны, то не следует бояться этих прилагательных. Примите их с честью и гордостью...»¹ [2, р. 8].

Сама концептуализация понятия «тоталитарное государство» принадлежит философу Дж. Джентиле [3]. Специалист по Г. Гегелю, занимавший пост министра образования в правительстве Б. Муссолини, этот автор в статье «Доктрина фашизма» (опубликованной от лица дуче) преподносит фашизм как политический проект, позволяющий передать абсолюту, выраженному в форме государства, заботу о будущем и личном благе. В этом резонансном эссе утверждалось, что вне фашистской концепции государства не может существовать ни человеческих, ни духовных ценностей, ибо фашистское государство всеобъемлюще: «Понимаемый таким образом фашизм тоталитарен, и фашистское государство – синтез и объединение, включающее в себя все ценности, – объясняет, развивает и придает силу всей жизни народа» [4, с. 572]. Утопизм, стирание индивидуальных различий и этатизм станут характерной чертой всех тоталитарных проектов первой половины XX в., критика которых и послужит базисом для современной теории тоталитаризма. Как отмечает Б. Бонджованни, либеральный критик фашизма Дж. Амендола не мог знать, что, используя новое выражение, «он подарил лексикону политики один из самых удачных и мощных терминов столетия» [3, р. 5].

То, что слово «тоталитаризм» было подхвачено одновременно и сторонниками, и противниками фашизма, позволяет говорить о том, что в этом термине с самого начала присутствовала понятийная амбивалентность. Двойственность трактовки понятия позволяла брать его на вооружение сторонникам и этатизма в его крайних проявлениях,

¹Здесь и далее перевод мой. – В. С.

и либеральной оппозиции. Неоднозначность в понимании этого феномена сохраняется и сегодня. Так, российский исследователь А. А. Шанин упоминает о позитивной трактовке тоталитаризма в контексте новых опасностей и вызовов, стоящих перед современным государством, решившим осуществить контроль над безопасностью своих граждан. Эти угрозы обосновывают актуальность обращения к феномену тоталитаризма со стороны политологического и философского экспертных сообществ, ведь, согласно утверждению автора, «безопасность государства, включая его безопасность от отдельной личности, достигается именно при тоталитарном типе политической системы» [5, с. 90]. При этом именно в контексте и в условиях «века массовой демократии» и курса мирового сообщества на глобальную борьбу с террористической угрозой стало возможно реализовать на практике ключевую функцию тоталитаризма, до этого существовавшую в виде теоретической абстракции. Речь идет о тотальном присутствии государства во всех сферах общественной жизни. В качестве примера А. А. Шанин ссылается на Закон о патриотизме, принятый в Соединенных Штатах Америки после терактов 11 сентября 2001 г. и позволивший значительно расширить полномочия спецслужб по вмешательству в личную жизнь граждан. Обоснованием этому послужила борьба с международным терроризмом [5].

Литературовед и историк В. Страда рассматривает два любопытных факта, дополняющих историю возникновения термина «тоталитаризм»: его употребление в качестве как негативной, так и позитивной характеристики фашистского режима в зависимости от идеологической ангажированности актора высказывания. Так, левый немецкий журналист А. Паке упомянул это понятие в 1919 г., ссылаясь на исследователя фашизма Э. Нольте. В. Страда отмечает, что, выявив тенденцию новой власти «связать воедино» всю социально-политическую реальность, публицист в своей корреспонденции из Москвы пишет о «ленинском революционном тоталитаризме» [6, с. 85]. Второй факт касается известной реакции папы Пия XI, негативно отреагировавшего на присвоение фашизмом позитивно трактуемого понятия «тоталитаризм». Понтифик настаивал, что если что-то и способно всецело (т. е. тотально) поглотить человека, то это не государственный режим, а режим церкви, «потому что человек полностью принадлежит церкви, должен ей принадлежать, так как человек – творение Господа» [6, с. 85]. В. Страда считает, что в устах папы содержание слова «тоталитаризм» противоположно смыслу деятельности идеополитических тоталитарных режимов, стремившихся заменить веру идеологией, а традиционную трансцендентную сакральность – имманентной [6].

То, что термин «тоталитаризм» возникает параллельно и в большевистской России, и в фашистской Италии, и то, что антирелигиозный характер обсуждаемого явления явно и отчетливо проступал уже на первых этапах функционирования названных режимов, существенно дополняет контекст осмысления концепции тоталитаризма. Важно и то, что философы русской эмиграции сыграли значительную роль на ранних этапах исследования феномена тоталитарного государства. Так, Н. А. Бердяев говорит об иррациональном характере политической системы, приобретающей характер культа: «Коммунистическая партия по своей структуре, по душевному складу своих адептов представляет что-то вроде атеистической секты, религиозной атеистической секты, захватывающей в свои руки власть» [7, с. 136]. Философ интерпретирует понятие «тоталитаризм» положительно (позднее об этом то же скажет и В. Страда): это отражение духовного единства человека и Бога в религиозной системе мира. Тоталитаризм требует целостности веры – так можно суммировать оригинальное понимание Н. А. Бердяевым истинного предназначения этого явления, поэтому русский мыслитель логично критикует антирелигиозный строй, входящий в онтологическое противоречие с присущими ему тоталитарными амбициями: «Коммунистическое общество и государство претендуют быть тоталитарными. Но это и есть основная ложь. Тоталитарным может быть лишь царство Божье, царство кесаря всегда частично» [7, с. 126]. Секулярная религиозность, в которой Н. А. Бердяев обвиняет тоталитарные режимы, неспособна дать рациональный ответ на политические, экономические и социальные запросы, так как вследствие специфичности идеологического восприятия действительности она стремится к созданию собственной квазиреальности внутри установившегося режима.

Говоря об идеологии тоталитаризма, необходимо вспомнить другого русского мыслителя первой половины XX в. – Н. В. Устрялова. Большое влияние на этого представителя правого национал-большевизма оказала концепция восстания масс, описанная Х. Ортегой-и-Гассетом в его одноименном труде 1929 г. и оказавшаяся в центре интеллектуальных дискуссий XX в. Н. В. Устрялов одним из первых отреагировал на революционные изменения в Италии и Германии и дал им критическую оценку, обратив особое внимание на новый социальный феномен – массы. Так, в книге «Германский национал-социализм» (1933) он говорит, что успех «партии массы – это поветрие, коллективный гипноз, если угодно, психоз» [8, с. 5], подчеркивает актуальность массовых движений, чей характер не только механистичен, но и страстен. В массовых движениях человек исполняет роль незначительного элемента, винтика системы, но в то же время

преисполнен веры в общую идею. Все это позволяет Н. В. Устрялову охарактеризовать фашистский и большевистский строй как идеократию (при некоторых различиях национал-социализм, по убеждению мыслителя, тоже является режимом, родственным фашистскому типу), как политическое формирование, движимое идеей (или идеологией). Примечательно, что успех фашистской и национал-социалистической диктатур Н. В. Устрялов связывает с кризисом и капитализма, и демократии, перестающей отвечать на запросы всех слоев населения. Для элиты демократия перестала быть надежной опорой в период социально-революционных потрясений, а массы все больше убеждаются в том, что этот строй не способен дать ни хлеба, ни веры [8]. Отметим, что подобные настроения встречаются и в начале XXI в., в том числе появляются дискуссии о новых типах тоталитаризма.

Как заметил российский историк Ю. И. Грицкий, хотя в 1930-х гг. о тоталитаризме постоянно пишет пресса по обе стороны Атлантики, этот период представлен довольно скудными эмпирическими данными и невысоким уровнем анализа данного явления [9]. Поэтому именно работа Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» стала ответом на весьма поверхностные журналистские суждения о столь комплексном феномене. Другой важный труд, оказавший фундаментальное влияние на осмысление концепции тоталитаризма, вышел еще в 1922 г.: это книга Л. Мизеса «Социализм». Она не была посвящена непосредственному изучению тоталитарного режима как феномена. Автор исследовал противоречия между либеральным капитализмом и социализмом, тем самым обозначив дихотомию, которая для многих теоретиков станет отправной точкой в концептуализации рассматриваемого термина.

Одна из центральных тем исследований Л. фон Мизеса – возможность рационального экономического расчета в социалистических обществах. Экономист пришел к заключению о невозможности адекватной калькуляции в экономике социалистического государства, т. е., по сути, об отсутствии в нем экономики в привычном смысле этого слова. Итальянский исследователь политической философии Р. Кубедду при описании методологических и теоретических особенностей подхода, характерного для названного австрийского философа, подчеркивает: «Цель, которую поставил перед собой Мизес, состояла в том, чтобы показать, что центральным элементом социализма была теория спасения человечества и искупления его грехов, включавшая и моральные, и материальные аспекты» [10, с. 187]. Это согласуется с восприятием тоталитарного режима как квазирелигиозной политической формации, что являлось центральным пунктом бердяевской критики тоталитаризма. Л. фон

Мизес сделал вывод о том, что социализм – это иррациональная экономическая система: «Сегодня признание социалистических идей может означать только полное невежество в области экономики. Социалистические утверждения так же пусты и неосновательны, как высказывания магов и астрологов» [11, с. 371].

Труд Л. фон Мизеса задал траекторию для дальнейшего развития концепции тоталитарного общества как антипода общества либерального. Так, уже в 1944 г. выходит работа «Дорога к рабству» еще одного представителя австрийской школы Ф. Хайека, основателя философии либертарианства. А в 1945 г. свет увидела книга австрийского мыслителя К. Поппера «Открытое общество и его враги», посвященная генезису концепции тоталитарного общества. Как отмечает Л. В. Слуцкая, в своих трудах Л. Хайек и К. Поппер с разных позиций обосновывают «идею об извечной дихотомии либерального и тоталитарного начал в жизни социума» [12, с. 57].

Ключевые исследования тоталитарного общества, в которых понятие «тоталитаризм» окончательно оформляется, относятся к 1950-м гг. На основании компаративного анализа итальянского фашизма, немецкого национал-социализма и сталинизма была предложена концепция тоталитарного общества, которую современные исследователи связывают с понятием «классический тоталитаризм». Так, на противопоставлении с классическим тоталитаризмом (*classical totalitarian regimes*) строится концепция инвертированного тоталитаризма, возникшая уже в XXI в. Среди работ вышеназванного периода, посвященных феномену тоталитаризма, отдельно стоит выделить «Истоки тоталитаризма» Х. Арендт и «Тоталитарная диктатура и автократия» К. Фридриха и З. Бжезинского: это действительно фундаментальные исследования предпосылок возникновения рассматриваемого явления, где проанализированы его принципиальные особенности.

Скрупулезный и масштабный подход Х. Арендт отличается тем, что философ не ограничивается выявлением исключительно социологических, идеологических или экономических аспектов тоталитарного строя. Автор, опираясь на обширную фактологическую и теоретическую базу, характеризующую предвоенный, военный и последующий периоды, приходит к выводу о том, что именно режимы И. Сталина и А. Гитлера могут служить корректным историческим примером тоталитаризма. Как отмечает М. А. Малышев, анализ Х. Арендт сфокусирован на «структурных сходствах обоих режимов, которые она считает более важными, нежели их специфические отличия» [13, с. 300]. Имеются в виду различия между конкретными типами тоталитарного строя, так как специфичность

гитлеровского и сталинского режимов не только свидетельствует об их непохожести на привычные формы диктатуры, тирании или автократии, но и говорят в целом о девиантном характере тоталитаризма в контексте всей мировой политики. Эта особенность тоталитаризма, если сравнивать его со всеми предыдущими историческими формами государственной власти, – причина того, почему, по мнению Х. Арендт, термин «тоталитарный» должен употребляться «осторожно и благоразумно» [14, с. 13].

Тоталитаризм невозможно спутать с любым другим политическим режимом, так как он совершенно несовместим с человеческой индивидуальностью: «Где бы он ни правил, он начинал разрушать саму сущность человека. <...> Лагеря являются поистине центральным институтом организованной тоталитарной власти» [14, с. 32, 569]. Именно в концентрационных лагерях выражена чудовищная и дегуманизирующая логика тоталитарного строя, в рамках которой всякая форма социального взаимодействия лишается привычного смысла. У индивида, ставшего заложником этого иррационального режима, попросту атрофируется механизм эмпатии. Однако подобные психологические трансформации вписываются в рамки парадигмы тоталитарной идеологии, стремящейся переизобрести политику, историю и самого человека.

Крайне влиятельна и работа «Тоталитарная диктатура и автократия» К. Фридриха и З. Бжезинского. Авторы пытаются полемизировать с рядом концепций тоталитаризма, предлагают свой взгляд на ключевые особенности тоталитарных режимов, подчеркивая: «Тоталитарная диктатура в определенном смысле является адаптацией автократии к индустриальному обществу XX в.» [15, р. 15]. Говоря об автократии тоталитарных режимов, аналитики отмечают, что строй, называемый сторонниками тоталитарной политики народной демократией, на поверку оказывается выражением воли нескольких правящих лидеров, решение которых преподносится как воля народа и не может подвергаться никакому сомнению. Это значит, что автократию и тоталитаризм роднит полное отсутствие подотчетности власти: она единолично определяет законы и нормы. В остальном же тоталитаризм предстает как чистый пример *sui generis*. Это предположение авторы подкрепляют тезисом о том, что существование тоталитарных режимов стало скорее результатом сложившейся политической ситуации, чем целенаправленной программы основателей строя [15]. Подчеркивая сходство тоталитарных режимов левого и правого толка, исследователи выделили следующие особенности тоталитарного «синдрома»: государственная монополия на все средства производства и экономики, главенство одной партии, идеологизация всей жизни общества, монопо-

лия на СМИ, практически полная монополия на все виды вооружения, система психологического и физического террора, осуществляемая силами партии и через полицейский контроль [15]. Эти шесть признаков являются ключевыми, но не исчерпывающими в характеристике тоталитарного режима.

Концепция К. Фридриха и З. Бжезинского предлагает воспринимать термин «тоталитаризм» как антоним термина «демократия», при этом имеется в виду демократия западного типа (сами авторы подчеркивают, что именно массовая демократия породила возможность возникновения тоталитарных государств) [15]. Данный подход активно критиковался и дополнялся. Исследователи подчеркивали ригидность тоталитарного синдрома, отрицающего возможность эволюционных изменений внутри тоталитарных режимов. В статье «Дисфункциональный тоталитаризм» З. Бжезинский напоминает о том, что К. Фридрих принимал точку зрения, согласно которой тоталитаризм является относительной, а не абсолютной категорией [16].

Существенное влияние на восприятие тоталитаризма оказала франкфуртская школа. Работы Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромма не только позволили осмыслить истоки тоталитаризма с позиции психоанализа, неомарксизма и эстетической теории, но и дали основания для того, чтобы проследить тоталитарные тенденции в странах развитого капитализма. Так, в книге «Бегство от свободы» немецкого социолога, философа и психоаналитика Э. Фромма психологическая привлекательность тоталитарного режима для большого числа социально отчужденных людей называется одной из предпосылок возникновения названного феномена. Решение полностью подчинить себя официальной идеологии и конструируемой в ее рамках социальной жизни дарит иллюзорный шанс на преодоление комплекса собственной неполноценности. Этот процесс Э. Фромм описывал так: «Индивид целиком отрекается от себя, отказывается от силы и гордости своего Я, от собственной свободы, но при этом обретает новую уверенность и новую гордость в своей причастности к той силе, к которой теперь может себя причислить» [17, с. 165]. Этой силой становится внутри тоталитарного строя раса, партия, национальность и др. Э. Фромм объявляет тоталитарные тенденции результатом неготовности массового человека взять ответственность за собственную судьбу.

В философии Г. Маркузе, другого представителя франкфуртской школы, феномен тоталитаризма уже прямо соотносится с реалиями капиталистического общества. В работе «Одномерный человек» немецко-американский философ указывает, что секрет проблемы человеческого конформизма, даже в условиях нарастания тоталитарных тенденций, довольно очевиден. Предоставив человеку

приемлемые условия жизни, государство уже может не беспокоиться о том, что методы управления, которыми эти условия обеспечены, будут человеку интересны. Г. Маркузе утверждал, что человеку безразличен режим, если растет уровень удовлетворения его основных потребительских нужд [18]. При увеличении уровня достатка человека возможность смещения даже преступного политического режима воспринимается им как нонсенс, грозящий крушением всего сложившегося уклада. Принципы свободы и прав личности теряют свою приоритетность. Если в таком обществе и повышается благосостояние, то через пропаганду материальных потребностей. Для того и создается целая рекламная индустрия, чтобы стимулировать возникновение материалистических ценностей. Реклама влияет на формирование индивидуальных устремлений, идей и поступков, они приводятся в соответствие с логикой социально-экономической и политической систем, благодаря чему «возникает модель одномерного мышления и поведения» [18, с. 275]. Именно отчуждая человека от его собственной индивидуальности, тоталитаризм, по мнению философа, способен управлять массами.

В интерпретации тоталитарного общества, предложенной Г. Маркузе, мы можем отметить одну из ключевых проблем концепции тоталитаризма, на которую обращали внимание и на ранних этапах ее развития: утопический характер классической модели тоталитарного общества, подразумевающий полный контроль над частной и общественной жизнью. Утопизм приводит к тому, что понятие «тоталитаризм» начинает терять свой объективный характер и становится дескриптивным маркером.

Неудивительно, что рассматриваемый термин приобретает в дальнейшем множество дефиниций, а теория тоталитарного общества – разнообразные формы. Целью расширенных концепций становится объяснение актуальных кризисов в социальной и политической сферах. Так, в противовес классическому тоталитаризму, где господствует государственный аппарат и созданная им идеология, выделяется так называемый капиллярный тоталитаризм, при котором навязываемая самим социумом система специфических ценностей совершает насилие над личностью [12, с. 59]. Противопоставление классического и капиллярного тоталитаризма можно соотнести с противопоставлением европейского светского и исламского политических режимов.

Появляются и другие теории тоталитарного общества: постмодернистский тоталитаризм, информационно-финансовый, цифровой, ранее упоминавшийся инвертированный [19–22] и др. Понятие тоталитаризма, случается, покидает сферу политического, преследуя современного человека в его корпоративных отношениях [21]. Как удачно

отмечает американский исследователь Т. Цезарато, касаясь показательной эволюции концепции тоталитаризма в *soft*-тоталитаризм, «переходы, отмечающие этот сдвиг, многочисленны и часто несут в себе зловещий риск снятия конститутивных различий между явными и *soft*-формами тоталитаризма. Власть понимается как управление “иллюзией” автономности и “реальностью” подчинения посредством терминологических сдвигов и совершенствования методов порабощения» [23, р. 78].

Технологии индустриального общества дали классическим тоталитарным режимам инструментарий, позволивший уничтожить миллионы человеческих жизней, поэтому нельзя утверждать, что страх простых людей перед применением постиндустриальных технологий, которые могут использоваться для порабощения общества, является безосновательным и многочисленные концепции так называемого нового тоталитаризма стремятся описать не реальную (или потенциально возможную), а вымышленную тоталитарную систему. При этом не стоит думать, что контроль за частной и общественной жизнью, приписываемый тоталитаризму исследователями, должен обязательно исходить от легитимного правительства. Стратегия ведущих IT-компаний все чаще попадает под определение *surveillance capitalism* (капитализм слежения). Х. Вэриан, ведущий экономист компании *Google*, в своем публичном выступлении в 2014 г. говорил о том, что современные технологии слежения и *big data* позволяют компании предсказывать желания пользователя до того, как они будут озвучены. Европейские исследователи В. Хендрикс и М. Вестергаард отмечают, что, «по мнению Вэриана, ликвидация приватности – это (справедливая) цена, которую нужно заплатить, но не за общественный порядок и гармонию, а за функциональность, эффективность и удобство продуктов и услуг, предоставляемых пользователям *Google*» [21, р.126–127]. В этом контексте примечателен вывод Г. Маркузе о том, что «развитая индустриальная цивилизация – это царство комфортабельной, демократической несвободы» [18, с. 264].

Таким образом, можно сделать вывод, что в понятие «тоталитаризм», означающее критику фашистского режима, изначально вкладывались негативные коннотации, и это не помешало обосновать позитивную трактовку данного термина в контексте фашистской доктрины. Новая апроприация концепции тоталитаризма вызвала критику, но вплоть до завершения Второй мировой войны его чаще использовали журналисты, чем академические ученые. Можно заключить, что тоталитаризм начал осмысляться как феномен в период холодной войны.

После выхода работ Х. Арендт, К. Поппера, К. Фридриха понятие «тоталитаризм» прочно фундируется

в общественной памяти как антоним либерализма и демократии. Однако оригинальный анализ тоталитарных тенденций представителями франкфуртской школы позволил выявить признаки тоталитарной личности и охарактеризовать тоталитарность массовой культуры. Тоталитаризм перестал восприниматься как противоположность либеральному капитализму. Напротив, внутренней логике последнего оказалось присуще аналогичное желание подчинить себе внутреннюю жизнь индивида, стремление к диктату идеологических штампов. С развитием таких технологий, как искусственные нейросети и *big data*, подобные тенденции найдут свое отражение в концепциях информационного и цифрового тоталитаризма.

На протяжении длительного исторического периода понятие «тоталитаризм» часто используют лишь как маркер антилиберальных тенденций в политике государства. Тем не менее это явление продолжает развиваться и уточняться. Активная дискуссия по поводу термина «тоталитаризм» – признак того, что общество продолжает переосмысливать собственное пространство свободы. Критика воздействия корпоративных и государственных структур на личную и профессиональную жизнь не элиминирует сам факт влияния. Это значит, что даже при отсутствии универсальной описательной модели определенные тоталитарные тенденции по-прежнему нуждаются в изучении.

Библиографические ссылки

1. Михайленко В.И. Современные исследования тоталитаризма. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2011;86(1):181–192.
2. Petersen J. The history of the concept of totalitarianism in Italy. In: Maier H, editor. *Totalitarianism and Political Religions. Volume 1. Concepts for the comparison of dictatorships*. London: Routledge; 2004. p. 3–20.
3. Bongiovanni B. Totalitarianism: the Word and the Thing. *Journal of Modern European History*. 2005;3(1):5–17. DOI: 10.17104/1611-8944_2005_1_5.
4. Мельвил АЮ, Шмачкова ТВ, редакторы. *Категории политической науки*. Москва: Московский государственный институт (Университет) МИД РФ; 2002. 656 с. Совместно с издательством «Российская политическая энциклопедия».
5. Шанин АА. Новый тоталитаризм. *Вестник Волгоградского государственного Университета. Серия 9. Исследования молодых ученых*. 2007;6:90–92.
6. Страда В. Тоталитаризм/тоталитаризмы. В: Блюменкранц МА, составитель. *Вторая навигация*. Харьков: Права людини; 2011. с. 84–98.
7. Бердяев НА. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Москва: Наука; 1990. 224 с.
8. Устрялов НВ. *Германия. В круговороте фашистской свастики*. Москва: Алгоритм; 2012. 272 с.
9. Игрицкий ЮИ. Концепции тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе. *История СССР*. 1990; 6;172–190.
10. Кубедду Р. *Либерализм, тоталитаризм и демократия: политическая философия австрийской школы*. Куряев А, переводчик. Челябинск: Социум; 2014. 406 с.
11. Мизес Л. *Социализм. Экономический и социологический анализ*. Пинскер Б, переводчик; Левита Р, редактор. Москва: Catallaxy; 1994. 416 с.
12. Слуцкая ЛВ. Феномен тоталитаризма в современной западноевропейской политологии. *Вестник БДУ. Серия 3. Гісторыя. Эканоміка. Права*. 2012;1:56–59.
13. Малышев МА. Концепция тоталитаризма в творчестве Ханны Арендт. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2010;10:297–328.
14. Арендт Х. *Истоки тоталитаризма*. Ковалева МС, Носов ДМ, редакторы; Борисова ИВ, Кимелев ЮА, Ковалев АД, Мишкенене ЮБ, Седов АА, переводчики. Москва: ЦентрКом; 1996. 672 с.
15. Friedrich CJ, Brzezinski ZK. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge: Harvard University Press; 1965. 439 p.
16. Brzezinski Z. Dysfunctional totalitarianism. In: Friedrich CJ, Beyme K. *Theory and politics. Festschrift zum 70*. Haag: Martinus Nijhoff; 1971. p. 375–389.
17. Фромм Э. *Бегство от свободы. Человек для себя*. Лактионов А, составитель; Швейник ГФ, Чернышева ЛА, переводчики. Москва: АСТ; 2006. 571 с.
18. Маркузе Г. *Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества*. Москва: АСТ; 2003. 526 с.
19. Diamond L. The road to digital unfreedom: the threat of postmodern totalitarianism. *Journal of Democracy*. 2019; 30(1):20–24. DOI: 10.1353/jod.2019.0001.
20. Пугачев ВП. Информационно-финансовый тоталитаризм: российский эксперимент по американскому сценарию. *Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки*. 1999;4:3–32.
21. Hendricks VF, Vestergaard M. Epilogue: digital roads to totalitarianism In: Hendricks VF, Vestergaard M. *Reality lost*. Cham: Springer Open; 2019. p. 119–137. DOI: 10.1007/978-3-030-00813-0_7.
22. Wolin SS. *Democracy incorporated: managed democracy and the specter of inverted totalitarianism*. Princeton: Princeton University Press; 2017. 376 p.
23. Cesaratto T. Changes in totalitarianism: Hannah Arendt, Franz Fühmann, and George Saunders. *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory*. 2011;86(2):73–92. DOI: 10.1080/00168890.2011.564109.

References

1. Mihailenko VI. [The contemporary research of the totalitarianism]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2011;86(1):181–192. Russian.
2. Petersen J. The history of the concept of totalitarianism in Italy. In: Maier H, editor. *Totalitarianism and Political Religions. Volume 1. Concepts for the comparison of dictatorships*. London: Routledge; 2004. p. 3–20.
3. Bongiovanni B. Totalitarianism: the word and the thing. *Journal of Modern European History*. 2005;3(1):5–17. DOI: 10.17104/1611-8944_2005_1_5.
4. Mel'vil' AYu, Shmachkova TV, editors. *Kategorii politicheskoi nauki* [Political science categories]. Moscow: Moscow State Institute (University) of Foreign Affairs of the Russian Federation; 2002. 656 p. Co-published by the «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya». Russian.
5. Shanin AA. [New totalitarianism]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 9. Issledovaniya molodykh uchenykh*. 2007;6:90–92. Russian.
6. Strada V. [Totalitarianism/totalitarianisms]. In: Blumenkrants M, compiler. *Vtoraya navigatsiya* [Second navigation]. Kharkiv: Prava Iudyny; 2011. p. 84–98.
7. Berdyaev NA. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origin of Russian communism]. Moscow: Nauka; 1990. 224 p. Russian.
8. Ustryalov NV. *Germaniya. V krugovorote fashistskoi svastiki* [Germany. In the curcle of fashist swastika]. Moscow: Algoritm; 2012. 272 p. Russian.
9. Igrickij JuI. [Concepts of totalitarianism: lessons from many years of the discussions in the West]. *Istoriya SSSR*. 1990; 6:172–190. Russian.
10. Cubeddu R. *Liberalizm, totalitarizm i demokratiya: politicheskaya filosofiya avstriiskoi shkoly* [Liberalism, totalitarianism and democracy: the political philosophy of the Austrian school. Philosophy of the Austrian school]. Chelyabinsk: Sotsium; 2014. 406 p. Russian.
11. von Mises L. *Die Gemeinwiztschaft: Untersuchungen uber den Sozialismus*. Jena: Verbag von Gustav Fischer; 1922. 502 S. Russian edition: von Mises L. *Sotsializm. Ekonomicheskii i sotsiologicheskii analiz*. Moscow: Catallaxy; 1994. 416 p.
12. Slutskaya LV. The phenomenon of totalitarianism in modern Western European political science. *Vesnik BDU. Seriya 3. Gistoryja. Jekonomika. Prava*. 2012;1:56–59. Russian.
13. Malyshev MA. Concept of totalitarianism in the works of Hannan Arendt. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*. 2010;10:297–328. Russian.
14. Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of totalitarianism]. Kovaleva MS, Nosov DM, editors; Borisova IV, Kimelev YuA, Kovalev AD, Mishkenene YuB, Sedov AA, translators. Moscow: TsentrKom; 1996. 672 p. Russian.
15. Friedrich CJ, Brzezinski ZK. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge: Harvard University Press; 1965. 439 p.
16. Brzezinski Z. Dysfunctional totalitarianism. In: Friedrich CJ, Beyme K. *Theory and politics. Festschrift zum 70*. Haag: Martinus Nijhoff; 1971. p. 375–389.
17. Fromm E. *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya* [Escape from freedom. Man for himself]. Laktionov A, compiler; Shveinik GF, Chernysheva LA, translators. Moscow: AST; 2006. 571 p. Russian.
18. Markuze G. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva* [Eros and civilization. One-dimensional man. The study of the ideology of a developed industrial society]. Moscow: AST; 2003. 526 p. Russian.
19. Diamond L. The road to digital unfreedom: the threat of postmodern totalitarianism. *Journal of Democracy*. 2019;30(1): 20–24. DOI: 10.1353/jod.2019.0001.
20. Pugachev VP. [Information and financial totalitarianism: a Russian experiment on American scenario]. *Vestnik MGU. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 1999;4:3–32. Russian.
21. Hendricks VF, Vestergaard M. Epilogue: digital roads to totalitarianism In: Hendricks VF, Vestergaard M. *Reality lost*. Cham: Springer Open; 2019. p. 119–137. DOI: 10.1007/978-3-030-00813-0_7.
22. Wolin SS. *Democracy incorporated: managed democracy and the specter of inverted totalitarianism*. Princeton: Princeton University Press; 2017. 376 p.
23. Cesaratto T. Changes in Totalitarianism: Hannah Arendt, Franz Fühmann, and George Saunders. *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory*. 2011;86(2):73–92. DOI: 10.1080/00168890.2011.564109.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2020.
Received by editorial board 10.02.2020.

У ИСТОКОВ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: Н. У. СЕНИОР И ДЖ. С. МИЛЛЬ

Р. С. САЩЕКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Статья посвящена выявлению основных теоретико-методологических предпосылок формирования экономической науки и исследованию нормативного подхода. Осуществляется историко-философская реконструкция формирования представлений о предмете, задачах и методах классической политической экономии. Обосновывается, что методология экономической науки складывается в период господства школы классической политической экономии с ее акцентом на исследование предельно абстрактной картины экономической действительности. Выявляется значение теоретико-методологических работ Н. У. Сениора и Дж. С. Милля в контексте становления методологии экономической науки классической школы.

Ключевые слова: экономика; экономическая наука; политическая экономия; классическая школа; нормативный подход; *homo economicus*; методология экономической науки.

AT THE ORIGINS OF THE METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE: N. W. SENIOR AND J. S. MILL

R. S. SASHCHEKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezalieznasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the identification of the main theoretical and methodological prerequisites for the formation of economic science and the study of the normative approach. The historical and philosophical reconstruction of the formation of ideas about the subject, tasks and methods of classical political economy is carried out. It is proved that the methodology of economic science takes place during the period of domination of the school of classical political economy with its emphasis on the study of an extremely abstract picture of economic reality. The significance of theoretical and methodological works of N. U. Senior and J. S. Mill in the context of the formation of the methodology of economic science of the classical school.

Keywords: economics; economic science; political economy; classical school; normative approach; *homo economicus*; methodology of economic science.

Благодаря философско-методологической рефлексии экономического знания, одному из необходимых условий поиска стратегических приоритетов развития экономической науки [1, с. 96], появляется возможность интеграции всех разделов экономической науки и установления ее взаимосвязи с социально-гуманитарным знанием.

Однако до сих пор в методологии экономических исследований не налажено эффективное междисциплинарное взаимодействие между представителями качественного и количественного подходов. Пока еще не разработана полная классификация математических методов экономического исследования, упускаются гипотетические

Образец цитирования:

Сащенко Р.С. У истоков методологии экономической науки: Н. У. Сениор и Дж. С. Милль. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;2:33–39.

For citation:

Sashcheko RS. At the origins of the methodology of economic science: N. W. Senior and J. S. Mill. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020; 2:33–39. Russian.

Автор:

Роман Сергеевич Сащенко – аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент И. А. Барсук.

Author:

Roman S. Sashcheko, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
romansashcheko@gmail.com

возможности использования нелинейных методов исследования, отсутствует проблемно ориентированная дифференциация языка современного математического аппарата, применяемого в сложных экономических исследованиях [2, с. 248].

Интенсивное развитие научного познания и его категориального аппарата, знаково-символического и математического моделирования, проблема соотношения и взаимодействия эмпирического и теоретического уровней науки, антагонизм различных исследовательских программ, школ и направлений обуславливают задачи исследования в области ее методологии.

Эффективность экономических исследований, истинность полученных результатов находятся во взаимозависимости от того, насколько в научном сообществе распространены современные представления о характере и уровнях научного знания, моделях его развития и функционирования, совокупности средств и методов научного познания. Для отечественной экономической науки, в которой переосмысляются основные принципы экономического анализа, разрабатываются новые стратегии и теоретические программы исследования, изучение современной методологической проблематики весьма актуально.

Экономическая методология характеризуется постоянной включенностью в анализ структуры экономического знания и его связи с реальностью, в оценку объективности экономической науки, описание сферы ее применения, выявление ее идеологических, этических предпосылок, основных категорий, концептов, историко-культурных контекстов, междисциплинарных взаимодействий и в сам процесс получения нового знания. Итак, под методологией экономической науки следует понимать систематическое описание и исследование методов научного познания, структуры и функций научного знания, а также структуры отношений между научной теорией и реальностью. Исследуя исторический контекст методологических изысканий в рассматриваемой сфере, стоит отметить, что обращение к методологии возникает в переломный момент развития науки, когда происходят различные антиномии, т. е. противоречия между теоретическими положениями и полученными эмпирическими данными. Такой поиск методологических оснований и становится основным фоном и фактором развития экономической науки [3, с. 49–70].

Ее ключевым методологическим положением считается разделение на дескриптивную, или позитивную («что есть»), и прескриптивную, или нормативную («что должно быть»), области исследования. Данное разграничение было намечено в первой трети XIX в. Н. У. Сениором и впоследствии развито в работах Дж. С. Милля.

Обсуждение проблем, связанных с содержанием политической экономии, ее границ, предмета и методов, продолжается четыре последних столетия. На протяжении всего этого периода под данной наукой понималась совокупность разнообразных научных школ и систем, которые по-разному дефинировали ее предмет и методы. Предмет экономической науки всегда определяется в рамках уже функционирующей науки. Методы экономического исследования складывались под влиянием общенаучных методологических установок, характерных для той или иной эпохи [4, с. 4–24].

Термин «политическая экономия» возникает в первой трети XVII в.: в 1615 г. представитель французского меркантилизма А. де Монкретьен издает «Трактат по политической экономии», своеобразное обращение к юному королю Франции Людовику XIII и королеве-регентше Марии Медичи. Это была первая попытка обозначить особый предмет исследования, отличный от предмета других общественных наук. Главная идея трактата состояла в том, что действия государственного правительства должны приводить к славе, обогащению своей страны, увеличению ее размеров, а также к эффективному использованию природных ресурсов.

Трактат А. де Монкретьена представляет собой своеобразное изложение совокупности правил активного участия государства в регулировании хозяйственных процессов. Автор представляет экономикой как важный элемент «королевской науки управления», а политическую экономию, находящуюся в руках правителей и их министров, как искусство, которое существует на таких же основаниях, как и домашнее хозяйство: сходные принципы хорошего управления применяются и к общественной, и к домашней деятельности, т. е. искусство управления подражает экономике. Благодаря французскому мыслителю данная дефиниция впоследствии стала названием целой науки.

Это понятие употреблялось и представителем движения антимеркантилизма У. Петти и физиократами Ф. Кенэ и О. де Мирабо, в пределах буржуазного кругозора предпринявших попытку применения экономического анализа исключительно к сфере производства.

Сэр Дж. Стюарт был первым экономистом, который использовал термин «политическая экономия» в заглавии своей книги «Исследования о принципах политической экономии» (1767). Она была написана с учетом концепции научного знания, согласно которой теоретические основания сознательно подчинены практическим: экономика как наука ставилась на службу экономике как искусству. Во вводной главе автор объясняет, что экономия есть искусство удовлетворения потребностей семьи, что это наука, которая стремится «обеспечить определенный фонд средств суще-

ствования для всех жителей, предотвратить всякий риск возникновения недостатка этих средств, обеспечить все блага, необходимые для удовлетворения потребностей общества, и дать занятость всем жителям...» [5]. Для Дж. Стюарта предметом исследования политической экономии являются прежде всего сельское хозяйство, промышленность, торговля, народонаселение, денежное обращение, государственный кредит и налоги и др.

На первых этапах развития экономической науки («политической экономии») ключевая область ее исследования связана с постижением сущности экономических явлений. Она ограничивается вопросами внешней торговли, обращения товаров и денег, торговой экспансии, политики протекционизма, активного денежного и торгового баланса и проблемой обогащения нации. Меркантилисты отстаивали тезис о взаимосвязи богатства нации и внешней торговли. Все экономические явления, которые не сводились к теории, воспринимались как результат действия более или менее случайных факторов и не считались достойным предметом науки. Экономическая наука в начальный период своего становления была нацелена на выработку и способность преодолевать внешний полиморфизм и изменчивость эмпирического мира, видеть его неизменную природу и законосообразность. В эпоху позднего меркантилизма доминирующим методом исследования политической экономии стал эмпирический метод, представленный сбором фактов и событий и их описанием.

Рождением экономической науки принято считать 1776 г., когда была опубликована работа А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», в которой определялись предмет, методология и общий инструментарий данной науки как особой области знания. Это было принципиально важно для ее формирования и развития как самостоятельной дисциплины.

Главной задачей политической экономии, по Смиту, является увеличение богатства и влияния страны, выбор наиболее подходящих средств и путей экономического развития. Предмет исследования политической экономии был перенесен из сферы обращения в сферу производства (причем производства не сельскохозяйственного, как утверждали физиократы, а многоотраслевого материального производства). В отличие от меркантилистов А. Смит понимает под богатством не деньги, а материальные ресурсы, которые создаются трудом исключительно в производственной сфере, а их использование ведет к созданию благ и богатству населения. В основе методологии ученого лежал подход, рассматривавший производство с точки зрения разделения труда, что позволяло охватить его в общественном целостном смысле. Научная ценность приведенной трактовки А. Смита заключается в том, что она акцентирует

внимание экономической науки на изучении главной сферы хозяйства – материального производства, фундаментальной основы всей хозяйственной деятельности общества вплоть до настоящего времени.

Под политической экономией А. Смит понимает именно искусство: «Политическая экономия, рассматриваемая как отрасль знания, необходимая государственному деятелю или законодателю, ставит себе две различные задачи: во-первых, обеспечить народу обильный доход или средства существования или, точнее, обеспечить ему возможность добывать себе такой доход или средства существования; во-вторых, доставлять государству или обществу доход, достаточный для общественных потребностей. Она ставит себе целью обогащение как народа, так и государя» [6, с. 79].

Теоретико-методологические наработки А. Смита позволили обосновать экономическую политику многих государств и определить направления научного поиска. Английский экономист упорядочил, обобщил и развил взгляды своих предшественников, в результате чего политическая экономия стала системой экономических знаний. В период господства классической политической экономии теоретические изыскания были направлены на открытие экономических законов, а практические исследования – на их применение.

Выдающийся представитель данной экономической классической школы Д. Рикардо привнес в политическую экономию в систему, наделенную внутренней логикой и последовательностью: она была выстроена на основе закона стоимости. Теоретические основы экономической программы Д. Рикардо сводились к исследованию действий объективных законов и механизмов саморегулирования, а также условий производства и распределения, содействующих росту материального богатства и обеспечивающих равновесие рыночной экономики.

Своими методологическими рассуждениями Д. Рикардо превзошел предшественников: он попытался обосновать динамику производства в условиях рыночного хозяйства и формирования доходов. Разработанный ученым абстрактный метод позволил применить количественный анализ для выявления характеристик заработной платы, прибыли, ренты, цены, изменения стоимости, различной степени плодородия земель и роста численности населения. Процесс экономического развития представляется объективным и закономерным, формирование стоимости и доходов обуславливается сферой производства, а главное условие для приумножения богатства страны – свободная конкуренция и свобода предпринимательства. Согласно учению Д. Рикардо, рыночная экономика – это вечная и единственно рациональная система, выстроенная на идеально отлаженном механизме: производство, по его мнению, само автоматически соз-

дает платежеспособный спрос на товары, который обеспечивает реализацию всех товаров. В случае нарушения сбыта затруднения разрешаются быстро: производители товаров, выпускаемых с излишком, получают об этом информацию от рынка и переключаются на другое производство. Данное положение свидетельствует о материалистическом характере мировоззрения, исходящего из приоритета законов механики.

В своих методологических исследованиях Д. Рикардо выдвигает на первый план проблему распределения. Политическая экономия ориентирована на изучение распределения национального дохода между тремя классами общества: землевладельцами, собственниками капитала и рабочими: «Определить законы, которые управляют этим распределением, – главная задача политической экономии» [7, с. 165]. Экономист заложил концептуальные основы для развития конкретных наук: денежного обращения, кредита, налогообложения, мировой экономики.

На первых этапах развития классической политической экономии ученые не предпринимали попыток описать методы исследования в экономике: они складывались под влиянием общенаучных методологических установок. В своих работах А. Смит и Д. Рикардо опирались на общелогические методы и приемы исследования: анализ, синтез, абстрагирование, идеализацию. Так, анализ открывал совершенно другое качество явления, синтез – совершенно новую структуру или знание, абстрагирование позволило выделить наиболее важные свойства процессов, происходящих в экономической сфере, а идеализация стала методом конструирования объектов, которые не могут существовать в действительности («невидимая рука», *homo economicus*, «экономическое равновесие» и др). Помимо названных, использовались такие методы классической науки, как индукция и дедукция.

Концептуальное разграничение дескриптивной и нормативной ветвей экономической науки, научной экономической теории и практических советов по вопросам экономической политики связывают прежде всего с методологическими исследованиями Н. У. Сениора и Дж. С. Милля, чьи достижения вызвали полемику в рамках актуальной на тот момент ортодоксальной политико-экономической теории. Первое обоснованное обсуждение проблем экономической методологии было осуществлено Н. У. Сениором во «Вводной лекции по политической экономии» (1827) и «Очерке политической экономии» (1836), где автор попытался создать единую систему непротиворечивого свода экономических знаний, которые можно свести к небольшому числу неоспоримых истин, а также сформулировал принципы, определяющие научные методы рассматриваемой науки. Большое значение он придавал научным терминам, поскольку считал, что все

расхождения во взглядах возникают из-за ошибок в использовании понятий [8, с. 107].

Место Н. У. Сениора в истории методологии экономической науки определяется сформулированным им широко известным тезисом о фундаментальных различиях между чистой, строго позитивной экономикой как наукой, основанной на наблюдении и описании, и менее строгой, нормативной по самой своей природе экономикой как искусством, исходящей из умозрительных предпосылок и норм. Наряду с этим ученый попытался выстроить систему экономической теории так, чтобы она была предельно приближена к позитивной составляющей и в ней осталось как можно меньше умозрительных положений.

Экономическая наука, по мнению Н. У. Сениора, базируется на немногочисленных общих предпосылках, которые вытекают из наблюдений за окружающей действительностью или здравого смысла и которые почти каждый человек, едва услышав о них, признал бы справедливыми, поскольку они совпадают с его собственными наблюдениями. Из данных предпосылок делаются выводы, справедливые лишь если отсутствует влияние конкретных искажающих факторов [8, с. 107].

В системе экономической теории английского ученого выделяют следующие ключевые понятия: сфера применения политической экономии, ценности, воздержание и накопление капитала, теория монополии, рента, теория денег и заработная плата.

Предмет политической экономии мыслитель ограничил природой производства и распределением богатства, а не человеческим счастьем, а экономист рассматривал как абстрактную и дедуктивную науку.

Система экономической теории сводится, согласно подходу Н. У. Сениора, к четырем ключевым принципам.

1. Допущение экономической рациональности означает, что каждый экономический агент действует в своих интересах: к примеру, потребитель стремится максимизировать свой потребительский излишек, предприниматель – свою прибыль, фактор производства, доход и т. д. Данные мотивы, считает Н. У. Сениор, не абстракция (или норма), их можно наблюдать повседневно, что делает их неотъемлемой частью позитивной науки. Английский методолог и историк экономической науки М. Блауг полагает, что именно Н. У. Сениор прочно закрепил в экономической теории тезис о доминировании эгоистических мотивов в поведении человека [8, с. 107–149].

2. Теория народонаселения объясняет его рост. По мнению ученого, население растет, но этот рост ограничивается моральным злом или страхом перед нехваткой предметов богатства, к которым привыкли люди каждого класса. Н. У. Сениор

был первым, кто разделил экономические блага на предметы необходимости, «благоприличия» и роскоши. Потребительские блага, которые сегодня кажутся атрибутом роскоши и доступны меньшинству, для последующих поколений станут привычными и необходимыми. Желание сохранить уровень и качество жизни и перейти к более высокому социальному статусу может выступить ограничителем рождаемости. Постоянный прогресс производства и потребления, воспринимаемый рационально мыслящими агентами, вполне может заменить моральное воздержание и стихийные бедствия. Положения теории народонаселения Н. У. Сениора общеизвестны и твердо закрепились в классической школе политической экономии.

3. Принцип убывающей отдачи земли означает, что дополнительно приложенный труд в сфере сельскохозяйственного производства обычно дает менее пропорциональную отдачу.

4. Увеличение мощности факторов производства (теория факторов производства) – труда, природных ресурсов и содержания. Труд и капитал, как производственные факторы, способствуют производству. Капитал – это своеобразная жертва со стороны капиталиста: он не использует его, но вкладывает в производство. Вознаграждением для рабочего становится заработная плата, а для капиталиста – прибыль [9].

Социальные науки критиковали моральные аспекты политической экономии, ее установку на приоритет эгоистических, потребительских мотивов человека, и это привело к тому, что последующие исследователи стали более четко обосновывать свои теории. Н. У. Сениор считал, что *homo economicus* существует в действительности: в естественной эгоистической мотивации можно убедиться при помощи наблюдений и интроспекции. Ученый подчеркивал, что люди, разные по своей природе, с различной интенсивностью испытывают желание стать как можно богаче, идя при этом на наименьшее число жертв. Он признавал также и иные мотивы деятельности, помимо стремления к богатству. Однако если они не оказывают искажающего воздействия, то человек будет эгоистичен в своем экономическом поведении. Если же удастся определить, в каких случаях можно ожидать этого воздействия и какова будет его сила, мы сможем, как утверждает экономист, трактовать экономическую науку как позитивную, а не гипотетическую.

Ключевой заслугой Н. У. Сениора является его попытка трансформации теоретической классической политической экономии в новую теоретико-прикладную науку, получившую впоследствии название «экономикс».

Впервые в истории экономической науки определение ее предмета и метода было осуществлено Дж. С. Миллем в его знаменитом очерке «Об определении предмета политической экономии;

и о методе исследования, свойственном ей» (1836). Работа начинается с указания автора на то, что политическая экономия существует как наука и как искусство. Далее определяется предмет экономической теории как ментальной науки, которая изучает мотивы и поведение человека в его экономической жизни. Наука, согласно утверждению Дж. С. Милля, имеет дело с фактами, она исследует явление и обнаруживает его закономерности, а искусство занимается предписаниями, созданием комплекса правил или директив, предназначенных к исполнению.

Дж. С. Милль говорит о политической экономии как об абстрактной науке, использующей априорный метод, наилучший результат которой – абстрактная истина. Абстрактность рассматриваемой науки заключается в том, что в сферу экономического анализа она вносит только главные причины экономического поведения людей, абстрагируясь от прочих, дестабилизирующих. Для решения практических проблем истин недостаточно, поэтому, «когда нужно применить принципы политической экономии в определенном случае, необходимо принимать во внимание все единичные обстоятельства этого случая» [10, с. 2].

В работе «Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования» Дж. С. Милль изложил механизм корреляции науки и искусства. Так, искусство ставит некоторые цели и передает их науке, наука рассматривает их и изучает как явление (или факт), а затем, разобрав причинно-следственные связи, объявляя ту или иную цель достижимой или недостижимой, отсылает ее к искусству. Наука предлагает искусству положения, полученные общелогическими методами индукции и дедукции, когда совершение некоторых действий приведет к достижению поставленных целей. На основе этих суждений искусство заключает, что совершение таких действий желательно, а если оно находит их и возможными, то оно превращает теорему в правило или предписание [11, с. 134].

Политическая экономия, как абстрактная наука, должна вести рассуждения от предпосылок, а не от фактов. Дж. С. Милль противопоставляет априорный метод апостериорному и признает, что первый термин несколько неудачен, так как иногда он употребляется для обозначения способа философствования, не имеющего вообще никакого отношения к опыту: «Апостериорным мы называем такой метод, который требует, чтобы выводы делались на основе не просто опыта, а опыта специфического. Априорным методом мы, как это принято, называем способ рассуждать, отталкиваясь от некоей выдвинутой гипотезы» [11, с. 167].

Так, к примеру, гипотеза *homo economicus* базируется на различных видах опыта, интроспекции и наблюдении за людьми. Поскольку гипотеза – это

предпосылка, которая может совершенно не иметь фактического основания, то в этом смысле можно сказать, что выводы политической экономии верны лишь абстрактно, т. е. при некоторых предположениях.

«Система логики» Дж. С. Милля – пример анализа научного метода оценки эмпирических фактов. Он сформулировал основные правила индукции, интерпретируемые как совокупность методов экспериментального исследования и выявления четырех каузальных связей: различия, совпадения, ковариации и остатков. Однако для общественных наук, по мнению ученого, данные методы неприменимы, поэтому для их использования в социальных науках он выделил абстрактный (или геометрический), конкретно-дедуктивный (или физический) и обратнотендуктивный (или исторический) методы. Абстрактный метод исследования может использоваться, когда все явления порождены единственной причиной. Обратно дедуктивный метод исследования применим для раскрытия подлинных законов исторических изменений, опирающихся на некоторые универсальные свойства человеческой природы. Конкретно-дедуктивный метод – ключевой для политической экономии, так как его используют некоторые другие науки. Так, на примере астрономии Дж. С. Милль показывает, что изначально при помощи принципов индукции устанавливаются закономерности причин, формирующих явление,

а затем сравниваются результаты дедукции с эмпирическими наблюдениями [11, с. 306].

Метод исследования Дж. С. Милля опирается на два основных положения: выводы и заключения справедливы лишь при определенных условиях и не должны претендовать на универсальность.

Заклучим, что Дж. С. Милль – первый мыслитель в истории экономической науки, который четко формулирует и применяет совершенно новый подход к созданию научного экономического знания. Его экономическая теория представляет собой строго логичное знание, научный идеал которого заключается в выявлении причинно-следственных зависимостей. В экономической науке эксперимент невозможен, поэтому единственным способом обнаружения названных связей является, по Миллю, мыслительный эксперимент (или моделирование).

Таким образом, становление методологии экономической науки происходит в период доминирования школы классической политической экономии, акцентирующей изучение предельно абстрактной картины экономической действительности. Результаты теоретико-методологических исследований Н. У. Сениора и Дж. С. Милля позволили, с одной стороны, обозначить мировоззренческие идеалы и стандарты экономического знания классического периода, с другой, способствовали появлению новой экономической науки под названием «экономикс».

Библиографические ссылки

1. Барсу́к ИА. Генезис и эволюция экономического знания как философско-методологическая проблема. *Философия и социальные науки*. 2015;3:96–100.
2. Еро́венко ВА, Гу́лина ОВ. Философская рефлексия экономических исследований: когнитивный, математический, информационный аспекты. *Российский гуманитарный журнал*. 2019;8(4):246–260. DOI: 10.15643/libartus-2019.4.2.
3. Болды́рев ИА. Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений. *Журнал новой экономической ассоциации*. 2011;9:47–70.
4. Ана́ньин ОИ. Экономика: наука и/или искусство. *Вопросы экономики*. 2011;11:4–24. DOI: 10.32609/0042-8736-2007-11-4-24.
5. Авто́номов ВС, Ана́ньин ОИ, Мака́шева НА. *История экономических учений*. Москва: ИНФРА-М; 2009. 784 с.
6. Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народа*. Ключкин ПН, переводчик; Мерку́рьева А, редактор. Москва: Эксмо; 2007. 1056 с.
7. Рика́рдо Д. *Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное*. Ключкин ПН, переводчик. Москва: Эксмо; 2016. 957 с.
8. Блауг М. *Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют*. Авто́номова ЮВ, переводчик; Авто́номов ВС, редактор. Москва: Журнал «Вопросы экономики»; 2004. 416 с.
9. Senior NW. *An outline of the science of political economy* [Internet]. New York: Reprint of Economic Classics; 1963 [cited 2020 February 1]. Available from: <https://ru.b-ok.org/ireader/892076>.
10. Милль ДжС. Об определении предмета политической экономии и о методе исследования, свойственном ей. В: Хусман Д, редактор. *Философия экономики*. Москва: Издательство Института Гайдара; 2012. с. 55–76.
11. Милль ДжС. *Система логики силлогистической и индуктивной*. Ивановский В, редактор. Москва: Ленанд; 2011. 832 с.

References

1. Barsuk IA. Genesis and evolution of economic knowledge as philosophical and methodological problem. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2015;3:96–100. Russian.
2. Erovenko VA, Gulina OV. Philosophical reflection of economic studies: cognitive, mathematical, and information aspects. *Liberal Arts in Russia*. 2019;8(4):246–260. Russian. DOI: 10.15643/libartus-2019.4.2.
3. Boldyrev IA. Economic methodology today: a review of major contributions. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*. 2011;9:47–70. Russian.

4. Ananyin OI. Economics: art and/or science. *Voprosy ekonomiki*. 2011;11:4–24. Russian. DOI: 10.32609/0042-8736-2007-11-4-24.
5. Avtonomov VS, Ananyin OI, Makasheva NA, editors. *Istoriya ekonomicheskikh uchenii* [History of economic doctrines]. Moscow: INFRA-M; 2009. 784 p. Russian.
6. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva naroda* [An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. Klykin PN, translator; Merkyr'eva A, editor. Moscow: Eksmo; 2007. 1056 p. Russian.
7. Ricardo D. *Nachala politicheskoi ekonomii i nalogovogo oblozheniya. Izbrannoe* [The beginning of political economy and taxation. Selected works]. Klyukin PN, translator. Moscow: Eksmo; 2016. 957 p. Russian.
8. Blaug M. *Metodologiya ekonomicheskoi nauki, ili Kak ekonomisty ob'yasnyayu* [The methodology of economics, or how economists explain]. Avtonomova YuV, translator; Avtonomov VS, editor. Moscow: Zhurnal «Voprosy ekonomiki»; 2004. 416 p. Russian.
9. Senior NW. *An outline of the science of political economy* [Internet]. New York: Reprint of Economic Classics; 1963 [cited 2020 February 1]. Available from: <https://ru.b-ok.org/ireader/892076>.
10. Mill JS. [On the definition of the subject of political economy and the method of research peculiar to it]. In: Husman D, editor. *Filosofiya ekonomiki* [Philosophy of economics]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2012. p. 55–76. Russian.
11. Mill JS. *Sistema logiki sillogisticheskoi i induktivnoi* [System of syllogistic and inductive logic]. Ivanovskiy V, editor. Moscow: Lenand; 2011. 832 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.02.2020.
Received by editorial board 12.02.2020.

УДК 316.477;316.444.56

РЕСУРСЫ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ВТОРОЙ КАРЬЕРЫ СПОРТСМЕНОВ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

И. В. МИРОНЦОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основании результатов авторского эмпирического исследования и теоретических разработок иностранных ученых проанализированы ресурсы белорусских спортсменов международного уровня для перехода ко второй карьере. Помимо выявления и составления их перечня, также рассмотрены барьеры, препятствующие реализации успешного перехода к жизни после спорта, барьеры и драйверы, способные помочь в их преодолении. Исходя из полученных результатов, предложен к рассмотрению и внедрению в Республике Беларусь инспирированный зарубежным опытом формат оказания услуг по качественному наращиванию уже имеющихся у атлета ресурсов для перехода ко второй карьере.

Ключевые слова: карьерные переходы; окончание спортивной карьеры; центры развития карьеры; спортивная карьера; вторая карьера.

RESOURCES FOR SPORTSMEN' SECOND CAREER BUILDING: SOCIOLOGICAL RESEARCH EXPERIENCE

I. V. MIRONTSOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Based on the results of an author empirical study and theoretical studies of foreign authors, the article analyzes the resources of Belarusian athletes of international level for the transition to a second career. In addition to identifying and compiling the list of such resources, barriers that hinder the implementation of a successful transition to an after-sports life

Образец цитирования:

Миронцов ИВ. Ресурсы для построения второй карьеры спортсменов: опыт социологического исследования. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020;2:40–45.

For citation:

Mirontsov IV. Resources for sportsmen' second career building: sociological research experience. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2020; 2:40–45. Russian.

Автор:

Игорь Валерьевич Миронцов – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Д. К. Безнюк.

Author:

Igor V. Mirontsov, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. mirontsov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6143-9437>

were also considered as well as drivers that could help to overcome them. Based on the results obtained, the article proposes a foreign-inspired format for the provision of services for the qualitative build-up of resources of transition to a second career already available for an athlete for consideration and implementation in the Republic of Belarus.

Keywords: career transitions; retirement of athletes; career development programs; athlete career; second career.

Введение

Спортивная карьера – это многолетняя спортивная деятельность, добровольно выбранная человеком и направленная на достижение его индивидуального пика спортивных результатов в одном или нескольких видах спорта [1]. Спортсмены элитного уровня, которые имеют успешно реализованное намерение представлять Республику Беларусь на международной арене, проходят в своей карьере ряд этапов, к которым Н. Стамбулова относит: 1) начало спортивной специализации; 2) переход к интенсивным тренировкам по выбранному виду спорта; 3) переход на взрослый уровень, рост спортивных достижений; 4) переход от любительского к профессиональному спорту; 5) переход от пика спортивной карьеры к ее завершению; 6) завершение спортивной карьеры [2; 3]. Фактически можно сказать, что развитие спор-

тивной карьеры означает прохождение атлетами определенного количества этапов и переходов между ними.

В данной статье речь пойдет об этапе завершения спортивной карьеры и переходе спортсменов к так называемой второй карьере – периоду жизни, связанному с уходом из спорта и характеризующемуся кардинальной сменой профессионального статуса и необходимостью приспособления к нему [4, с. 122]. Независимо от того, связана ли вторая карьера бывшего атлета со спортом, переход на новую карьерную и жизненную траекторию требует с его стороны предварительной подготовки, наращивания социального и профессионального капитала путем приобретения основных компетенций, навыков и опыта – того, что можно назвать ресурсами построения второй карьеры.

Материалы и методы

Изучение ресурсов построения второй карьеры белорусских спортсменов международного уровня проводилось посредством двух взаимосвязанных и последовательных этапов:

1) 21 полуструктурированное социологическое интервью с участием бывших спортсменов меж-

дународного уровня – членов национальных команд;

2) анкетный онлайн-опрос 145 продолжающих спортивную карьеру белорусских атлетов международного уровня, относящихся к различным федерациям (союзам, ассоциациям) по виду (видам) спорта.

Результаты и обсуждение

Наиболее распространенным теоретическим основанием изучения окончания спортивной карьеры и процесса перехода ко второй карьере является концепция Б. Тейлора и Дж. Огилви, которая базируется на результатах эмпирических исследований и предшествующих теорий. В рамках данной модели происходит определение причин окончания карьеры, мотивов принятия такого решения, анализ необходимых и имеющихся ресурсов для построения второй карьеры; выявление факторов успешной адаптации ко второй карьере и определение путей вмешательства для оказания помощи в преодолении возникших трудностей [5].

Согласно общепринятой среди западных исследователей второй карьеры точке зрения успешное приспособление к жизни после спорта во многом зависит от имеющихся у атлетов ресурсов для решения новых сложностей. Спортивные психологи, как правило, выделяют два основных фактора, влияющих на способность спортсменов эффективно справляться с этими проблемами: умения пре-

одолевать трудности и находить социальную поддержку [6; 7]. Однако, по нашему мнению, этим данный перечень не исчерпывается, он должен также включать в себя прочие материальные и нематериальные факторы, такие как освоенные за время спортивной карьеры умения и навыки, полученное образование и приобретенный социальный и финансовый капитал.

Сначала рассмотрим навык планирования окончания карьеры как один из важных ресурсов, позволяющий осуществить безболезненный переход ко второй карьере.

Несмотря на относительно непродолжительный этап спортивной карьеры, атлеты не всегда заблаговременно задумываются о том, чем они будут заниматься после ухода из спорта и какими ресурсами обладать. К. Эвери и Ф. Яблин в своем исследовании отмечают, что, хотя преимущества заблаговременного планирования окончания карьеры неоспоримы, многие атлеты оказывают явное или латентное сопротивление планированию этого перехода [8].

В этой связи важно выяснить, готовятся ли осознанно белорусские спортсмены к жизни после спорта, и если да, то какие шаги предпринимают.

Как показали ответы участников интервью, первые мысли об окончании карьеры не всегда являются катализатором совершения каких-либо шагов по подготовке к наступлению данного события. Это объяснялось различными причинами: нехваткой времени для занятия какой-либо иной деятельностью, спонтанностью окончания карьеры, простым обдумыванием возможных вариантов. Более любопытными являются случаи тех атлетов, которые целенаправленно готовились к уходу из спорта и заранее переключались на другие занятия.

В 22 года я разговаривал с одним словенцем, который владел компанией, занимающейся поставками бумаги с защитными знаками. Он был среди спонсоров команды. Его интересовал русский и белорусский рынки, и я просто на тот момент начал пробовать продвигать это у нас. У меня всегда были задатки предпринимателя. Когда с бумагой не получилось, стал дальше думать, что мне хотелось бы делать. Спустя время появилось осмысление, осознание, пришел к тому, чем занимаюсь – сельское хозяйство, производство удобрений (Сергей Рутенко, гандбол).

Возникли новые интересы, стал читать литературу. Перестроилось сознание, и начал заниматься другими вещами. Еще понял, что карьера заканчивается, хотелось быть независимым, и начал деньги не прогуливать, а вкладывать. Были и бизнес-проекты – не очень удачные (Сергей Штанюк, футбол).

Никогда не было такого, что я, кроме спорта, больше ничего не умею. Когда я жила в Словакии, у нас там был бизнес, и не один, мы с мужем им занимались. Это нисколько не мешало спорту. Понятно, что он больше на себя брал, был моим менеджером. Я 80 % времени уделяла тренировочному процессу, и дело параллельно развивали (Ирина Нафранович, лыжные гонки).

На основании этих и других ответов можно сделать вывод о том, что элитным спортсменам даже на этапе продолжения выступлений доступны различные параллельные траектории по приспособлению к грядущему окончанию карьеры: это и ведение бизнеса, получение (дополнительного и не связанного со спортом) образования, поиски возможностей накопления, приумножения имеющихся финансовых активов (инвестиционная деятельность) и пр.

Следует особо отметить, что большую роль в успешном приспособлении ко второй карьере имеют материальные средства, накопленные в ходе спортивной деятельности: так, они были у 80 % респондентов на первом этапе исследования, а поло-

вина участников второго занимают их аккумуляцией сейчас.

Говоря о нематериальных ресурсах, полезных в выстраивании второй карьеры, наибольшее внимание стоит уделить образованию, получаемому атлетами. Выявлено, что еще в школе юный спортсмен начинает отдаляться от учебы, которая отодвигается на второй план, замещается спортивной подготовкой; продолжение подобной линии прослеживается на этапе получения среднего специального образования. Как следствие, происходит падение уровня необходимых, базовых знаний, становится ограниченным круг общения, а также закладывается фундамент для дальнейшего выстраивания непродуктивного взаимодействия по линии «спортсмен – образование», основанного на постоянных послаблениях в учебе и выдаче не всегда необходимых от нее освобождений [4, с. 123]. Два приведенных ниже высказывания атлетов указывают на то, как построен образовательный процесс в таких школах и какие риски он несет для дальнейшей жизни спортсмена.

Я осталась в спортивной школе, карьера шла в рост, все получалось. И я не пожалела. Хотя, пройдя определенный этап жизни, могу сказать, что, наверное, многое потеряла. В плане учебы, каких-то других моментов. Ведь школа – это этапы взросления, которые человек должен пройти. А у нас – тех, кто был в спорте, – оно мимо пролетело (Глафира Мартинович, гимнастика).

У нас с образованием всегда было проблематично. Вся наша система базируется на том, что спортсмену не то чтобы не нужно образование – оно вторично. На мой взгляд, это неправильно, я уделял бы одинаковое внимание и учебе, и спорту. Но расписание в спортивной школе было составлено так, что главными были тренировки. Я в десятом классе на химии в третьей четверти был только на двух уроках. И все пропускал у меня по уважительной причине. Я выступал тогда уже за несколько селекций, плюс за клуб, и я физически не мог попасть на урок (Сергей Рутенко, гандбол).

Выявлено, что априорное нахождение образовательного процесса на втором месте относительно тренировочной и спортивной деятельности в высшем учебном заведении, свободное посещение занятий, часто чрезмерно лояльное отношение со стороны преподавателей существенно снижает реальную ценность получаемого диплома о высшем образовании, не прививает выпускникам осознания необходимости постоянного саморазвития и поддержания актуального уровня знаний по своей специальности, а также не готовит к той реальности, с которой молодым атлетам придется столкнуться после завершения спортивной карьеры,

тем самым ограничивая ресурсы для построения второй карьеры [4, с. 123].

Помимо образовательных умений и навыков (в особенности умения учиться), на этапе перехода ко второй карьере и в процессе ее построения большую роль играют освоенные компетенции за период спортивных выступлений. Отвечая на вопрос: «Какие компетенции (умения и навыки) вам удалось развить во время спортивной карьеры?», – участники исследования отмечали большое значение спорта в развитии целеустремленности, трудолюбия, самоорганизации, навыков работы в команде и т. д.

Спорт дает терпеливое упорство, я бы сказал. Падать, вставать и опять идти к своей цели. Сколько бы ты ни падал, все равно нужно встать, идти и добиваться своего. Какую-то стойкость, закалку дает. Еще спорт дисциплинирует. Ну и интеллект тоже. Поэтому если даже ты одарен физически, но без царя в голове, то ты ничего не добьешься (Виталий Захаров, фехтование).

Основное – это умение быстро оценивать ситуацию и принимать правильное решение. Еще терпение – и в самой игре, и на турнирах есть куча моментов, где нужно ждать и выжидать. Выносливость – допустим, приезжаешь на турнир с утра, и до вечера ты на ногах (Ярослав Кавецкий, Warcraft).

Спорт закалил характер, дал умение добиваться того, что, казалось бы, невозможно, но ты все равно будешь пытаться достичь. Ну и коммуникабельность, общение – самое важное. Потому что благодаря спорту ты учишься контактировать со всеми людьми, от мала до велика. И даже с соперниками – на площадке вы соревнуетесь, а потом уходите и разговариваете. Много друзей появилось благодаря спорту (Надежда Попко, гандбол).

Если проводить обобщение перечисляемых респондентами навыков и умений, которые им помог приобрести или развить спорт, то их можно условно разделить на две группы по распространенной дихотомии:

1) *soft skills (гибкие навыки)* – комплекс неспециализированных, важных для карьеры надпрофессиональных навыков, которые отвечают за успешное участие в рабочем процессе, высокую производительность и являются сквозными, т. е. не связаны с конкретной предметной областью. В нашем случае к ним относятся овладение иностранными языками, работа в команде, целеустремленность, ответственность, коммуникабельность, самоорганизованность, самосознание и самонаблюдение, умение распределять имеющиеся ресурсы, эрудированность, субординация, способность к планированию и достижению цели под давлением, лидерские качества;

2) *hard skills (жесткие навыки)* – это технические способности или наборы навыков, которые легко определить количественно и наглядно продемонстрировать. В контексте данного исследования к ним можно отнести работу за компьютером и овладение методиками проведения тренировок.

На этапе анкетного онлайн-опроса было выявлено, что доля выбора предложенных к ответу и перечисленных выше *мягких навыков* варьируется от 63,6 до 89,5 %, что свидетельствует о значительной развитости личных качеств белорусских спортсменов.

Многие атлеты – участники первого этапа исследования – также отмечали, что спорт оказал большое влияние на формирование социального капитала, который был им полезен при решении тех или иных вопросов по ходу и после окончания спортивной карьеры.

На основе анализа полученной информации стало возможно сделать вывод, что потенциал бывшего спортсмена для благополучного перехода на новую карьерную траекторию достаточно велик, а его реализация во многом зависит от усилий самого атлета и воли его потенциального работодателя.

Говоря о приспособлении ко второй карьере и возможной помощи в ее выстраивании, удалось выявить, что важным ресурсом в процессе поиска первого места работы после ухода из спорта являются личные связи, заработанная репутация, известность и хорошие отношения с лицами, принимающими решения. Спортивные выступления на элитном уровне так или иначе оказали воздействие на дальнейшую трудовую карьеру практически всех респондентов, принимавших участие в первом этапе исследования.

На первом этапе также была подтверждена гипотеза о том, что связь со спортом после окончания деятельности позволяет бывшим атлетам безболезненнее осуществить переход ко второй карьере. Данная связь может приобретать следующие наиболее распространенные формы: занятия спортом для себя; участие в соревнованиях для ветеранов либо по другим видам спорта; мысли о возвращении в спорт, поддержание контакта с тренером/товарищами по команде; работа тренером.

Еще одной разновидностью ресурсов, способных оказать поддержку в приспособлении ко второй карьере, является знание о предоставляемых со стороны государства видах помощи бывшим спортсменам. Однако в ходе анализа данного фактора были выявлены три основные проблемы. Первая из них – это избирательность в применении возможных способов государственного вмешательства для помощи в приспособлении ко второй карьере. Многие из существующих мер предназначены исключительно для спортсменов самого высокого уровня (со званием «заслуженный мастер спорта»),

что оставляет без дополнительной защиты других спортсменов международного уровня, имеющих звания «мастер спорта международного класса» и «мастер спорта», которые на протяжении длительного времени представляли Беларусь на международной арене, но не смогли добиться заметного спортивного результата. Вторая проблема – это отложенность многих предоставляемых государством видов помощи (в первую очередь – пенсии). Третья заключается в том, что сами бывшие спортсмены зачастую не знают о доступных им видах существующей государственной поддержки.

Ввиду выявленных проблем с текущим содержанием возможных ресурсов построения второй карьеры и форматом их предоставления атлетам, участвующим в обоих этапах исследования, была предложена к обсуждению концепция специализированных центров поддержки спортсменов при переходе ко второй карьере [9] как разновидности поддержки, получение которой в большей степени зависит от сознательности и самостоятельности самого человека, его готовности жертвовать собственными временем и деньгами для повышения своих шансов на успешную адаптацию ко второй карьере.

Респонденты оценили вероятную эффективность и полезность предложенных к обсуждению основных возможных функций данных центров (к которым относятся профориентация, психологическая помощь, обучение навыкам создания резюме и прохождения собеседований, подбор курсов переподготовки и образовательных онлайн-курсов), на основании чего сделан вывод об их востребованности в целом.

Так, высокую поддержку среди респондентов снискала функция профориентации бывших спортсменов (75 % положительных ответов на втором этапе исследования), а также подбор специальных курсов переподготовки и повышения квалификации под конкретного атлета (в том числе в формате онлайн-образования), с чем оказались согласны 56 % участников онлайн-опроса. Помимо этого, в меньшей степени проецируя на себя необходимость обращения к психологической помощи для приспособления к жизни после окончания спортивной карьеры, многие респонденты отметили ее необходимость (34,6 % на втором этапе). Обучение созданию резюме, навыкам прохождения собеседований и созданию личных страниц в профессиональных социальных сетях вызвало наименьший отклик среди респондентов первого этапа исследования, однако снискало достаточно высокую востребованность среди каждого третьего действующего спортсмена.

Заключительный вопрос, касающийся центров поддержки, затрагивал готовность оплачивать их услуги: две трети респондентов оказались готовы или скорее готовы это делать, а 17 % отказались бы от подобного предложения. Данное распределение ответов свидетельствует о значительном уров-

не готовности инвестировать часть заработанных и накопленных средств в устройство своей жизни после окончания спортивной карьеры с помощью профессионалов.

По итогам обсуждения концепции создания специализированного центра по сопровождению перехода ко второй карьере как возможного источника нематериальных ресурсов, был сформулирован близкий к оптимальному формат оказания услуг.

Так, подобная организация, созданная при участии частного инвестора или на основе какого-либо регионального центра занятости, может оказывать следующие услуги:

1) профориентация, выражающаяся в разработке и предоставлении специализированных опросников, позволяющих выявить личностные и профессиональные наклонности и определить, в какой профессии анкетиремый может добиться успеха;

2) консультирование по выбору образовательной траектории, выполнение которой актуализировало и углубляло бы имеющиеся у атлета знания, или помогало получить новые компетенции, необходимые для не связанной со спортом профессии (выявленной при помощи теста на профориентацию); выбор предпочтительных или релевантных форматов обучения – заочное, очное, дистанционное (в том числе посредством онлайн-курсов);

3) психологическая помощь бывшим атлетам, вынужденным внезапно окончить спортивную карьеру и в связи с этим не готовым к наступлению нового жизненного этапа;

4) обучение созданию резюме и навыкам прохождения собеседований.

Целевой группой центра сопровождения перехода ко второй карьере в первую очередь будут являться атлеты, находящиеся на этапе завершения спортивных выступлений (которые планируют ее окончание в срок до 5 лет); во вторую – спортсмены, претерпевшие ненормативный переход (окончание карьеры в связи с травмой, дисквалификацией); в третью – те, кто по каким-либо причинам ранее не задумывался о своей деятельности после ухода из спорта, однако испытал трудности при адаптации к этому жизненному этапу.

Поддержка, предоставляемая центром, оказывается на возмездной основе, конкретная стоимость которой подлежит расчету исходя из затрат на организацию и поддержание его функционирования. Для спортсменов, попавших в затруднительную жизненную и финансовую ситуацию, необходимо предусмотреть систему грантовой поддержки, подлежащей возврату спустя определенное время после обретения ими работы и материальной стабильности.

Таким образом, анализ имеющихся и потенциальных ресурсов для построения второй карьеры спортсменов позволил сделать следующие выводы.

1. Исследователи, использующие для изучения окончания спортивной карьеры и процесса перехода ко второй карьере концепцию Б. Тейло-

ра и Дж. Огилви, выделяют два основных фактора, влияющих на способность спортсменов эффективно справляться с проблемой ухода из спорта: умения преодолевать трудности и получать социальную поддержку со стороны «значимых других».

2. Не соглашаясь с исчерпывающим характером данного перечня, в качестве ресурсов построения второй карьеры мы проанализировали освоенные за время спортивной карьеры умения и навыки, полученное образование и приобретенный социальный и финансовый капитал.

3. Выявлено, что, хотя первые мысли об окончании карьеры могут не являться катализатором совершения каких-либо шагов по подготовке к наступлению данного события, элитным спортсме-

нам на этапе продолжения выступлений все равно доступны различные параллельные траектории по облегчению процесса приспособления к грядущему окончанию карьеры.

4. Обнаруженные барьеры в освоении формальных знаний при получении образования, существующие проблемы в принятии помощи со стороны государства, но в то же время обширность развиваемых атлетами в ходе спортивной карьеры *гибких навыков* показывают, что целесообразным является формат оказания услуг по качественному наращиванию уже имеющихся у атлета ресурсов для перехода ко второй карьере в виде создания в Республике Беларусь специализированных центров по сопровождению данного перехода.

Библиографические ссылки

1. Alfermann D, Stambulova N. Career transitions and career termination. In: Tenenbaum G, Eklund RC, editors. *Handbook of sport psychology*. Hoboken: John Wiley and Sons; 2007. p. 712–733.
2. Stambulova NB. Developmental sports career investigations in Russia: a post-perestroika analysis. *The Sport Psychologist*. 1994;8(3):221–237. DOI: 10.1123/tsp.8.3.221.
3. Stambulova NB. Athlete's crises: a developmental perspective. *International Journal of Sport Psychology*. 2000;31(4):584–601.
4. Миронцов ИВ. Образовательный потенциал спортсменов-учащихся и их риски при переходе ко второй карьере. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;4:122–127.
5. Taylor J, Ogilvie BC. A conceptual model of adaptation to retirement among athletes. *Journal of Applied Sport Psychology*. 1994;6(1):1–20. DOI: 10.1080/10413209408406462.
6. Cohen S, Wills TA. Stress, social support, and the buffering hypothesis. *Psychological Bulletin*. 1985;98(2):310–357. DOI: 10.1037/003-2909.98.2.310.
7. Smith RE. A component analysis of athletic stress. In: Weiss M, Gould D, editors. *Competitive sports for children and youths. Proceedings of the Olympic scientific congress*. Champaign: Human Kinetics; 1985. p. 107–112.
8. Avery CM, Jablin FM. Retirement preparation programs and organizational communication. *Communication Education*. 1988;37(1):68–80. DOI: 10.1080/03634528809378704.
9. Lavallee D. Career development programs for athletes. In: Patton W, McMahon M. *Career development programs: preparation for lifelong career decision making*. Camberwell: Acer; 2001. p. 125.

References

1. Alfermann D, Stambulova N. Career transitions and career termination. In: Tenenbaum G, Eklund RC, editors. *Handbook of sport psychology*. Hoboken: John Wiley and Sons; 2007. p. 712–733.
2. Stambulova NB. Developmental sports career investigations in Russia: a post-perestroika analysis. *The Sport Psychologist*. 1994;8(3):221–237. DOI: 10.1123/tsp.8.3.221.
3. Stambulova NB. Athlete's crises: a developmental perspective. *International Journal of Sport Psychology*. 2000;31(4):584–601.
4. Mirontsov IV. The educational potential of student athletes and their risks in the transition to a second career. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;4:122–127. Russian.
5. Taylor J, Ogilvie BC. A conceptual model of adaptation to retirement among athletes. *Journal of Applied Sport Psychology*. 1994;6(1):1–20. DOI: 10.1080/10413209408406462.
6. Cohen S, Wills TA. Stress, social support, and the buffering hypothesis. *Psychological Bulletin*. 1985;98(2):310–357. DOI: 10.1037/003-2909.98.2.310.
7. Smith RE. A component analysis of athletic stress. In: Weiss M, Gould D, editors. *Competitive sports for children and youths. Proceedings of the Olympic scientific congress*. Champaign: Human Kinetics; 1985. p. 107–112.
8. Avery CM, Jablin FM. Retirement preparation programs and organizational communication. *Communication Education*. 1988;37(1):68–80. DOI: 10.1080/03634528809378704.
9. Lavallee D. Career development programs for athletes. In: Patton W, McMahon M. *Career development programs: preparation for lifelong career decision making*. Camberwell: Acer; 2001. p. 125.

Статья поступила в редколлегию 09.03.2020.
Received by editorial board 09.03.2020.

УДК 316.334.22(476-22)(043.3)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ СЕЛЕ (НА ПРИМЕРЕ МЯДЕЛЬСКОГО РАЙОНА)

А. Ю. СAKOVIЧ¹⁾

¹⁾Свирский сельский исполнительный комитет,
ул. А. Гуриновича, 29, корп. 1, 222387, г. п. Свирь, Мядельский район, Минская обл., Беларусь

Представлены результаты социологического исследования, проведенного методом глубинного интервью. Установлены особенности социальной адаптации молодых специалистов к жилищным условиям, трудовой деятельности, медицинскому обслуживанию, транспортному сообщению, торговому обеспечению, способу проведения досуга. Определена специфика взаимоотношений молодых специалистов в трудовом коллективе, дружеской компании, сельской общине. Раскрыты перспективы профессиональной, творческой и личностной самореализации молодых специалистов в сельском населенном пункте. Определены факторы, способствующие адаптации молодых специалистов в селе, и барьеры, ей препятствующие. Сформулированы рекомендации по закреплению молодых специалистов в современном белорусском селе.

Ключевые слова: современное белорусское село; социальная адаптация; молодые специалисты; условия адаптации; факторы адаптации.

THE PECULIARITIES OF SOCIAL ADAPTATION OF YOUNG PROFESSIONALS IN CONTEMPORARY BELARUSIAN VILLAGE (ON THE EXAMPLE OF MIADZIEŹ DISTRICT)

A. Yu. SAKOVICH^a

^aThe Svir Rural Executive Committee,
29 A. Hurynoviča Street, 1 building, Svir 222387, MiadzieŹ District, Minsk Region, Belarus

The article presents the results of a sociological study conducted by the method of an in-depth interview. The peculiarities of social adaptation of young professionals to housing conditions, working life, medical service, transport service, trade provisioning, the choice of leisure activities have been established. The specifics of the relationship between young professionals in the work community, in a friendly company, in a rural community have been defined. The prospects of professional, creative and personal self-realization of young professionals in a rural settlement have been revealed. The factors contributing to the adaptation of young professionals in the village and the barriers to it have been identified. Recommendations on keeping young professionals attached to contemporary Belarusian village have been proposed.

Keywords: contemporary Belarusian village; social adaptation; young professionals; conditions for adaptation; adaptation factors.

Село играет значимую роль в экономическом, социальном и культурном развитии Республики Беларусь. Важнейшей проблемой современного

белорусского села является депопуляция и старение сельского населения. В 2019 г. численность сельчан составила 2046,0 тыс. человек, что на 312 тыс.

Образец цитирования:

Сакович АЮ. Особенности социальной адаптации молодых специалистов в современном белорусском селе (на примере Мядельского района). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;2:46–50.

For citation:

Sakovich AYU. The peculiarities of social adaptation of young professionals in contemporary Belarusian village (on the example of MiadzieŹ district). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020; 2:46–50. Russian.

Автор:

Анжела Юрьевна Сакович – кандидат социологических наук; ведущий специалист.

Author:

Anzhela Yu. Sakovich, PhD (sociology); leading specialist. sakovich05@mail.ru

человек меньше по сравнению с 2011 г.¹ Доля молодежи в возрасте от 14 до 31 года в общей численности сельского населения на начало 2019 г. составляла 14,7 %, в то время как в начале 2012 г. – 18,8 %². Одним из ресурсов восполнения молодежи в селе являются молодые специалисты, направленные работать в сельские поселения по распределению. На современном этапе в ситуации демографического кризиса существует потребность в закреплении молодых специалистов в сельских населенных пунктах, что обуславливает актуальность изучения их социальной адаптации к условиям сельской жизни и труда.

В январе – феврале 2019 г. нами было проведено социологическое исследование, целью которого являлось изучение особенностей процесса социальной адаптации молодых специалистов, прибывших на работу в сельские населенные пункты Мядельского района, к новым условиям жизни и труда. Методом глубинного интервью были опрошены 12 человек.

В ходе исследования рассматривались вопросы, позволяющие изучить удовлетворенность молодых специалистов, во-первых, жилищными условиями, медицинским обслуживанием, торговым обеспечением, транспортным сообщением, трудовой деятельностью, досугом; во-вторых, взаимоотношениями в трудовом коллективе, дружеской компании, сельской общине; в-третьих, возможностью реализовать свой профессиональный, творческий, личностный потенциал.

По результатам анализа глубинных интервью было установлено, что жилищные условия, качество и доступность медицинского обслуживания, торгового обеспечения в агрогородках Мядельского района молодые специалисты оценивали неоднозначно. Например, юноши и девушки, прибывшие на работу в учреждения здравоохранения, выражали полную удовлетворенность своими жилищными условиями.

Мне предоставили две отдельные комнаты в общежитии. Общежитие хорошее, в нем сделан хороший ремонт, есть горячая и холодная вода. Расположено оно недалеко от работы. Не нужно никуда ехать, что, безусловно, очень удобно (Д., врач).

В отличие от молодых специалистов, работающих в учреждениях здравоохранения, юноши и девушки, прибывшие в учреждения образования Мядельского района, выражали полную неудовлетворенность состоянием предоставленного жилья. Характеризуя свои жилищные условия, респонденты отмечали, что в доме отсутствовали удобства,

отопление было печное, поэтому им приходилось искать варианты съемного жилья, в котором была горячая и холодная вода, санузел в доме, газовое отопление.

Некоторым молодым специалистам по ходатайству администрации школы и сельсовета по истечении определенного промежутка времени были предоставлены арендные квартиры со всеми удобствами. Однако респонденты отмечали, что новое жилище не в полной мере соответствовало изначально заявленным требованиям. Так, получая арендное жилье, юноши и девушки рассчитывали, что в нем будет горячая вода, однако в действительности была только холодная, поэтому молодым специалистам приходилось за свои деньги устанавливать водонагреватели. Респонденты также отмечали такие недостатки в предоставленных им квартирах, как холод, плесень, запах из подвала, плохое состояние ванной комнаты.

Молодым аграриям предоставлялись дома коттеджного типа с такими удобствами, как горячая и холодная вода, туалет, ванная комната. Среди минусов участники исследования отмечали паровое отопление (на дровах). Однако, по словам респондентов, дровами их обеспечивало сельхозпредприятие, поэтому состоянием своего жилья они в целом были удовлетворены.

Что касается медицинского обслуживания, то все категории молодых специалистов отмечали, что медицинская помощь в их населенном пункте была доступна. В агрогородках, в которых проводился опрос, медицинская помощь оказывалась в таких учреждениях здравоохранения, как поликлиника, участковая больница, пост скорой медицинской помощи и амбулатория. Кроме того, в одном из населенных пунктов была построена новая поликлиника, в которой возможно сделать все необходимые анализы. Весной приезжал выездной флюорограф, все население об этом было проинформировано. При необходимости пройти более серьезное обследование либо лечение пациента направляли в районную больницу, а оттуда, по показаниям, в областную больницу. Главная проблема в плане доступности медицинской помощи в сельских населенных пунктах, по мнению респондентов, состояла в недостатке врачей.

Основная проблема – это недостаток врачей. А так в остальном, я считаю, все доступно. Мы проводим диспансеризацию населения. Это определенный перечень обследований населения разных возрастов, с разными хроническими заболеваниями. Если говорить о доступности обследования, то мы

¹Регионы Республики Беларусь : стат. сб. : в 2 т. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 2019. Т. 1. С. 58.

²Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2013 года и среднегодовая численность населения за 2012 год : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 2012 ; Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2019 года и среднегодовая численность населения за 2018 год. : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

всех можем обследовать. Все основные анализы у нас можно сделать на месте. Никуда не нужно ехать (Д., врач).

В случае необходимости получения медицинской помощи молодые специалисты сталкивались с такими трудностями, как отсутствие в сельском населенном пункте врачей узкой специализации и невозможность рентгенологического обследования. Городские юноши и девушки, как правило, обращались за медицинской помощью во время поездок домой. В сельскую поликлинику или амбулаторию они приходили только в случае экстренной необходимости. При этом респонденты отмечали, что обычные терапевтические услуги в селе были представлены на достойном уровне.

Оценивая доступность и качество торговых услуг в агрогородке, молодые специалисты указывали на достаточно высокую плотность торговых точек как государственной, так и частной формы собственности.

Я удивлен, что в таком маленьком населенном пункте столько магазинов. На маленький агрогородок у нас уже пять продуктовых магазинов. Там сейчас конкуренция реально большая. Там есть частники. Трое частников. У одного две точки сейчас. И два государственных магазина. Это большой плюс для населения (А., врач).

Респонденты отмечали, что не испытывали недостатка в продовольственных товарах, указывали на хорошее качество и широкий ассортимент данной продукции в торговых точках. Однако, что касается непродовольственных товаров, по мнению участников интервью, здесь существовали определенные ограничения. И девушки, и юноши указывали, что, живя в сельском населенном пункте, они не могли купить себе подходящую одежду. По их словам, предприниматели ориентировались на местных жителей, среди которых преобладали люди среднего и старшего возраста, преимущественно небольшого достатка, поэтому представленный в торговых точках ассортимент, качество и цена товаров были ориентированы на них. Респонденты отмечали малый выбор молодежной одежды в агрогородках. Среди других ограничений в предоставлении торговых услуг молодые специалисты называли недостаточный выбор косметики, бытовых товаров, а также электротехники. Недостаточные товары юноши и девушки покупали в городах либо посредством интернета. В сельских населенных пунктах была возможность купить как продовольственные, так и непродовольственные товары в онлайн-магазинах. Молодые специалисты пользовались услугами таких онлайн-магазинов, как *E-доставка*, *21vek*, *Wildberries* и др.

Респонденты выражали полную неудовлетворенность работой общественного транспорта в Мядельском районе.

По их словам, в соседние населенные пункты, районный центр и другие города на общественном транспорте добраться было трудно: маршрутные автобусы ходили редко, расписание транспорта было неудобное. По мнению молодых специалистов, живя в сельской местности, необходимо иметь личный автомобиль.

Переходя к вопросу трудовой деятельности, следует отметить, что молодым специалистам нравилось, что они работали по специальности. Уровень своей профессиональной подготовки респонденты оценивали по-разному. Некоторые юноши и девушки отмечали, что после окончания учреждения образования им не хватало определенных знаний и опыта. По их словам, работая по распределению, они восполнили имевшиеся пробелы знаний и чувствовали себя профессионалами. Некоторые же, наоборот, считали, что уровень их профессиональной подготовки после окончания университета был на более достойном уровне, чем после отработки. По их мнению, за время работы по распределению они утратили некоторую часть знаний и приостановились в развитии.

Мне нравится то, что я работаю по специальности. Но я думаю, что очень важен опыт. Просто у меня бывали случаи, когда пациенту становилось плохо и нужно было оказывать неотложную помощь. Первый раз у меня дрожали руки. Потом, когда это происходило все чаще, уже было намного легче. Поэтому, кроме профессиональной подготовки, здесь очень важен опыт (Ю., медсестра).

Я считаю, что мои преподаватели в вузе дали нам больше, чем пять лет работы сейчас. Поэтому в некоторой степени чувствуется определенный регресс в развитии (А., учитель).

Молодым специалистам, работающим в сфере здравоохранения, их работа нравилась больше, чем молодым специалистам, работающим в сфере образования и сельскохозяйственной отрасли. Медицинские работники отмечали, что им в их работе нравилось прежде всего помогать людям.

Молодым специалистам, работающим в школе, в их работе нравилось общаться с детьми, учить их чему-то новому, также их привлекал тот предмет, который они преподавали. На вопрос: «Что вам не нравится в вашей работе?» – респонденты отмечали, что им не нравилось поведение детей, неуважение к учителю.

Отношение к труду молодых специалистов, работающих на сельскохозяйственных предприятиях Мядельского района, во многом зависело от его специфики. Так, например, молодые люди, занятые непосредственно на производстве, отмечали, что им нравился результат труда. Молодых специалистов, работающих в администрации, в их работе привлекала профессия и общение с людьми.

В свободное от работы время молодые специалисты, как правило, занимались домашними делами (готовка, уборка). У некоторых были хобби, такие как рыбалка, волейбол, баскетбол. Весной и осенью молодые специалисты любили просто гулять по улице. Некоторые в свободное время читали книги, смотрели фильмы, катались на велосипеде и т. д. На вопрос: «Какие в Вашем населенном пункте есть объекты культурного отдыха (клубы, кафе, бары и др.)?» – молодые специалисты, прибывшие в сельские населенные пункты Мядельского района из городов, особенно крупных, таких как Минск и Брест, отвечали: «Не знаю». По словам этих респондентов, если бы в агрогородке и функционировали какие-то объекты культурного отдыха, то они были бы неинтересны им, потому что там «не та аудитория». Участники интервью родом из Мядельского района отмечали, что либо в их населенном пункте было кафе, но его закрыли, либо его не было вообще. В некоторых населенных пунктах работал Дом культуры, однако, по словам молодых специалистов, мероприятия там проводились редко и были ориентированы преимущественно на людей среднего возраста, а не на молодежь. Таким образом, молодым специалистам, прибывшим на работу в сельские населенные пункты Мядельского района, в свободное от работы время сходить было некуда. Однако респонденты не выражали по этому поводу большого недовольства. Для них не составляло труда съездить на дискотеку или в кафе в город. Главное, по их мнению, чтобы для этого были финансовые возможности.

Рассматривая дружеское окружение молодых специалистов, следует отметить, что типичным их ответом на вопрос: «Как бы вы охарактеризовали молодежь в Вашем населенном пункте?» – был следующий: «Молодежи моего возраста здесь очень мало, поэтому характеризовать особо некого». Респонденты указывали на то, что молодые люди, окончив школу, уезжают учиться в города и, как правило, обратно не возвращаются. Молодежь в их населенном пункте составляли преимущественно школьники, поэтому молодым специалистам, прибывшим на работу в сельские населенные пункты, фактически не с кем общаться.

Молодежи здесь очень мало. Особенно моего возраста. Все поступают учиться. Многие работают в городах. Молодежи очень мало. Все разъехались. И не с кем общаться. Есть кто постарше, но мы с ними мало общаемся (С., медсестра).

Дружескую компанию молодых специалистов, прибывших в сельские населенные пункты Мядельского района, как правило, составляли другие молодые специалисты. Если это не сотрудники одной организации (предприятия), то знакомились они либо на различного рода спортивных мероприятиях, проводимых в их населенном пункте, секциях в школе, либо случайно, гуляя по улице.

Сокращение численности молодежи сужает круг потенциальных брачных партнеров в селе. Типичным ответом молодых специалистов, которые не состояли ни в браке, ни в отношениях, на вопрос: «Как бы вы охарактеризовали круг потенциальных брачных партнеров в Вашем населенном пункте?» – являлась фраза: «Их здесь нет». Респонденты отмечали, что вероятность встретить будущего супруга (супругу) в городе намного выше, чем в сельской местности.

Отношения с сельским населением у молодых специалистов были хорошие, однако по причине пристального внимания со стороны сельчан, некоторые юноши и девушки ощущали чрезмерный социальный контроль за собой. Молодым специалистам, прибывшим в сельские населенные пункты из городов, во многом был непонятен сельский менталитет.

Свои взаимоотношения в трудовом коллективе, с коллегами и администрацией, молодые специалисты оценивали неоднозначно. Респонденты, работающие по распределению в учреждениях здравоохранения Мядельского района, отмечали, что в их трудовом коллективе взаимоотношения были хорошие, в случае необходимости коллеги оказывали им помощь. Молодые специалисты, работающие в сельских школах Мядельского района, свои взаимоотношения с коллегами оценивали по-разному. Одни отмечали, что им нравилось работать в данном трудовом коллективе: как только они приступили к работе, к ним был приставлен учитель, который курировал их деятельность, вводил в курс дела, помогал адаптироваться. Другие утверждали, что взаимоотношения с коллегами и администрацией были сложные, натянутые, и это являлось одной из причин, по которой молодые специалисты, отработав распределение, планировали сменить место работы.

Что касается юношей и девушек, работающих по распределению на сельскохозяйственных предприятиях Мядельского района, то здесь у сотрудников администрации отношения с коллегами и руководством были хорошие. Молодые специалисты, работающие непосредственно на производстве, отмечали, что у них отношения с простыми рабочими агропромышленного комплекса были хорошие, а с администрацией – натянутые.

В ходе исследования также задавались вопросы, позволяющие определить ценностные ориентации молодых специалистов, их установки, предпочтения, представления об успехе, богатстве, представления о норме жизни, а также оценку того, насколько, живя в сельской местности, можно добиться успеха в жизни.

Гайд глубинного интервью содержал вопрос: «Ради чего вы живете?» В ходе исследования было установлено, что юноши и девушки родом из сельских населенных пунктов Мядельского района жили преимущественно ради того, чтобы в буду-

щем создать семью, родить детей, а также ради своей родительской семьи. При этом юноши отмечали, что для обеспечения семьи нужна хорошая заработная плата, поэтому важнейшими жизненными ценностями для них являлись семья и высокооплачиваемая работа.

Я живу, наверное, чтобы в дальнейшем выйти замуж, родить троих детей. Чтобы было все уютно дома. Чтобы было спокойно. Чтобы дети были счастливы. Наверное, так (С., медсестра).

Нужна семья, стабильная работа, стабильный заработок. Чтобы ни я, ни моя семья ни в чем не нуждались (С., энергетик).

Ответы молодых специалистов, прибывших на работу по распределению в сельские населенные пункты Мядельского района из городов, были неоднозначны. Среди них встречались следующие формулировки: «Ради себя»; «Просто жить, наслаждаться жизнью»; «Чтобы реализовать себя»; «Чтобы меня запомнили»; «Познавать мир».

Представления об успехе у молодых специалистов родом из сельской местности и из городов также были различны. Так, юноши и девушки родом из села считали, что успешным человеком является тот, у кого есть семья, дети, здоровье, свое жилье и достаток в доме. Молодые специалисты родом из городов понятие успеха связывали преимущественно с престижной работой, хорошей заработной платой, наличием квартиры в городе, автомобиля, общественным признанием. Семья и дети как критерий успеха в жизни для них уходили на второй план.

По вопросу: «Можно ли стать успешным, живя в сельской местности?» – мнения респондентов различались. Молодые люди родом из городов были убеждены, что это невозможно. Юноши и девушки из сельской местности считали, что стать успешным можно, живя как в городе, так и в сельских населенных пунктах.

Как это ни печально, но я думаю, живя в сельской местности, стать успешным невозможно. Если это только какой-нибудь предприниматель живет в сельской местности и при этом имеет одну или несколько фирм в городе или даже за рубежом (Е., учитель, родом из города).

Конечно, можно. Это все зависит от самого человека. Мне кажется, что много людей, живя в сельской местности, добились успеха. У них есть дом, семья, дети, достаток в доме. А есть люди, которые живут в городе в съемной квартире, у них нет ни семьи, ни

детей и маленькая зарплата (Ю., медсестра, родом из села).

На вопрос: «Можно ли, живя в сельской местности, реализовать свои креативные, творческие способности?» – все респонденты однозначно отвечали, что можно. По их мнению, творческий человек способен реализовать себя везде, главное, чтобы был талант.

Таким образом, результаты исследования показали, что адаптация молодых специалистов в селе является сложным многофакторным процессом. К факторам, оказывающим позитивное влияние на их адаптацию, следует отнести следующие: доступность медицинских услуг, продуктов питания, хорошая экологическая обстановка; наличие в сельском населенном пункте других молодых специалистов, с которыми можно провести свободное время; связь представлений о жизненном успехе как о возможности реализовать себя в семье (супружество, материнство, отцовство). К барьерам, затрудняющим приспособление молодых специалистов к жизни и труду в сельском населенном пункте, относятся следующие факторы: недостаточно развитое транспортное сообщение, ограниченные возможности для досуга, менее комфортные по сравнению с городом жилищные условия, для работников сельскохозяйственной отрасли – низкий уровень заработной платы, тяжелые условия труда³. Кризисная демографическая ситуация в селе существенно сужает круг друзей и потенциальных брачных партнеров в сельских регионах. Большое влияние на адаптацию молодых людей оказывает место их жительства до поступления в учреждение образования. Так, молодые специалисты родом из села, прибыв по распределению в сельский населенный пункт, предъявляют меньшие требования к жилищным условиям, торговому обеспечению, медицинскому обслуживанию, чем молодые специалисты родом из городов. Сельская молодежь считает возможным реализовать свой профессиональный, творческий и личностный потенциал, живя и работая в селе. В то же время у городской молодежи по данному вопросу мнение противоположное. Исходя из сказанного, следует сделать вывод о том, что для закрепления молодых специалистов в селе необходимо не только развивать его социальную инфраструктуру, транспортное сообщение с ближайшими городами, повышать уровень материального благополучия сельчан, но также ориентироваться при распределении на молодые семьи, которые родились и выросли в сельской местности.

*Статья поступила в редакцию 25.03.2020.
Received by editorial board 25.03.2020.*

³Сакович А. Ю. Социальная адаптация молодых кадров в современном белорусском селе: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. соц. наук : 22.00.01. Минск, 2019. С. 5.

Философия

И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

PHILOSOPHY

AND METHODOLOGY OF SCIENCE

УДК 165.5

ФЕНОМЕН ИСТИНЫ И ЕЕ КОРРЕЛЯТЫ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ: К ПРОБЛЕМЕ ПОЛИМОРФИЗМА ЗНАНИЯ

В. Т. НОВИКОВ¹⁾, О. В. НОВИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Социальное познание характеризуется рядом специфических черт, среди которых можно выделить две основные: во-первых, разнообразие видов познавательной деятельности, их относительную автономность и суверенность; во-вторых, многообразие и различное функциональное назначение форм закрепления результатов познания. В этой связи рассмотрена специфика квалификации итогов познавательной деятельности как истинного знания. Если квалификация истины свойственна научному знанию, то ее коррелятами в зависимости от основных функций знания в других сферах деятельности человека выступают иные феномены. Так, для донаучного, обыденного знания это житейская мудрость и здравый смысл, для вненаучного – составляющее основу мировоззрения убеждение, а для институционального – практическая эффективность.

Ключевые слова: знание; истина; вненаучное знание; жизненная мудрость; здравый смысл; убеждение; практическая эффективность.

Образец цитирования:

Новиков ВТ, Новикова ОВ. Феномен истины и ее корреляты в социальном познании: к проблеме полиморфизма знания. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;2:51–58.

For citation:

Novikau UT, Novikava VU. The phenomenon of truth and its correlates in social science: to the problem of knowledge polymorphism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;2:51–58. Russian.

Авторы:

Владимир Тимофеевич Новиков – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Ольга Владимировна Новикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Authors:

Uladzimir T. Novikau, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. novikovvt@tut.by

Volha U. Novikava, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. mod@tut.by

THE PHENOMENON OF TRUTH AND ITS CORRELATES IN SOCIAL SCIENCE: TO THE PROBLEM OF KNOWLEDGE POLYMORPHISM

U. T. NOVIKAU^a, V. U. NOVIKAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezalieznasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. U. Novikava (mod@tut.by)

Social cognition is characterized by a number of specific features, among which there are two main. The first is associated with a variety of types of cognitive activity, their relative autonomy and sovereignty. The second feature deduces the diversity and various functional purpose of the forms of consolidating the results of knowledge. In this regard, the article considers the specifics of qualification of the results of cognitive activity as true knowledge. If the qualification of truth is inherent in scientific knowledge, then other phenomena act as its correlates, depending on the basic functions of knowledge in other areas of human activity. So for pre-scientific, everyday knowledge truth is related to worldly wisdom and common sense, for extra-scientific knowledge truth correlates with the conviction that forms the basis of the worldview, and for institutional knowledge the correlate of truth is practical efficiency.

Keywords: knowledge; truth; extra-scientific knowledge; life wisdom; common sense; belief; practical efficiency.

Возможность, важность и необходимость достижения истинного знания издавна занимала человека, порождая разные мнения о мировоззренческом, когнитивном и экзистенциальном статусе истины. В частности, свое отношение к данному феномену однозначно высказал Омар Хайям в одном из рубаи, в котором исходной является установка на релятивизацию знания:

Так как истина вечно уходит из рук –
Не пытайся понять непонятное, друг.
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нету смысла, поверь, в изученье наук¹
[1, с. 138].

Иная, скептическая, установка свойственна Рене Декарту, который, стремясь, по его словам, полностью разрушить в науках прежние сомнительные утверждения, ищет новое методологическое основание для постижения истины. В итоге он приходит к выводу: «...таким образом, после более чем тщательного взвешивания всех “за” и “против” я должен, в конце концов, выдвинуть следующую посылку: всякий раз, как я произношу слова *Я есмь, я существую* или воспринимаю это изречение умом, оно по необходимости будет истинным» [2, с. 21–22]. Показательно, что в данной работе – «Размышления о первой философии», – в которой приводится доказательство существования бога и проводится различие между человеческой душой и телом, французский мыслитель подвергает сомнению существующие и претендующие на статус истины представления из сферы здравого смысла, науки и философии.

Взяв за основу установку Р. Декарта в рассмотрении возможности квалификации знаний из этих сфер рационального знания как истинных, конкретизируем цель и предмет нашего анализа. Во-первых, мы обратим внимание только на спе-

цифику и прерогативы социального знания, что относится к ведению социальной эпистемологии, и, во-вторых, дифференцируем социальные знания, выделив в качестве особых его типов *донаучное, вне-научное, научное и дисциплинарное знание*, артикулируя тем самым его полиморфизм и, как следствие, полифоничность социального познания. В этой связи зададимся вопросом о том, всякий ли результат познавательной деятельности нацелен на получение знания, которое можно квалифицировать в качестве истинного, и является ли ориентация на достижение объективно истинного знания приоритетной для деятельности человека как субъекта не только теоретической, но и практической деятельности.

Говоря о полифоничности социального знания, мы имеем в виду принципиальную автономность и самоценность каждого из данных типов. В этом состоит одно из существенных отличий социального знания от знания естественно-научного, которое с очевидностью проступает в самом названии последнего. В обществе со времени эпохи Просвещения в качестве презумпции утвердилось представление о том, что в системе знаний о природных явлениях легитимным и эталонным признается только научное. В социологии научное знание не обладает однозначной привилегией. Следовательно, если для результатов научного познания приоритетом (и целью) является достижение знания, которое можно было бы квалифицировать как истину, то для оценки статуса результатов иных типов и форм социального познания требуются другие критерии и квалификации. Достижение иных видов знания определяется поставленными актором целями, и их, на наш взгляд, можно было бы характеризовать как эквиваленты истины, поскольку так или иначе они коррелируют с научным знанием и содержат признаки объективно истинного знания.

¹Цитата приводится с сохранением орфографии оригинала. – В. Н., О. Н.

Прежде всего особый статус свойственен *донаучному знанию*, которое не только выполняет важную регулятивную роль в социальной адаптации и поведении отдельного человека, но и в принятии или отказе от принятия социально значимых решений в обществе в целом. Отметим, что донаучное знание возникает в процессе повседневной жизни, являясь следствием поступков как самого человека, так и его окружения. Это знание закрепляется в трех основных формах повседневного опыта, имеющего неспециализированный характер: чувственном, перцептивном опыте, естественном языке и здравом смысле [3, с. 125–126]. Эти три формы представляют диалектическое единство. Так, если чувственный опыт весьма текуч, динамичен и фрагментарен, то здравый смысл является фиксатором наличия некоторой повторяемости и стабильности в потоке восприятий и представлений, закрепляя и догматизируя устойчивость посредством человеческого рассудка.

Особая роль принадлежит естественному языку, который выступает как связующее звено между этими компонентами знания и в вербальной форме закрепляет их рациональное содержание. В диалектическом единстве чувственного опыта и здравого смысла проявляется принципиальное лингвологическое единство – органическая связь мышления и языка, причем если содержание слов как элементов языка характеризуется дискретностью и фрагментарностью в репрезентации явлений, то использование их в речевых практиках позволяет охарактеризовать их с позиций динамики и процессуальности. При этом донаучное знание не может претендовать на раскрытие сущности рассматриваемых объектов, ограничиваясь установлением предметно-ориентировочных связей, относящихся к сфере обыденных, но жизненно важных для человека явлений. Это специфическая форма знания, поэтому, по словам М. Хайдеггера, «философия никогда не сможет опровергнуть обыденный рассудок, так как он глух к ее языку» [4, с. 9].

Однако неправомерно сводить назначение донаучного знания только к обеспечению нормальной жизнедеятельности отдельного человека. Это знание может выступать как индикатор состоятельности разработки и практического осуществления проектов, прошедших научную апробацию, но при этом затрагивающих интересы государства и гражданского общества. В этой связи можно вспомнить опирающиеся на научные изыскания 1970–80-х гг. и получившие одобрение государственных чиновников проекты поворота таких сибирских рек, как Иртыш, Обь и некоторых других, в целях обеспечения водными ресурсами засушливых районов среднеазиатских советских республик. Реализация этих проектов должна была содействовать практике орошения земель, повышению плодородия и в итоге интенсификации хлопководства. Отказу

от намеченных планов способствовали именно соображения здравого смысла с учетом опыта и негативных экологических последствий осуществленной десятилетием ранее программы поворота Печоры и Северной Двины.

Следовательно, донаучное знание можно квалифицировать не с позиции его соответствия канонам научной рациональности и критериям объективной истины, а как житейскую мудрость, являющуюся ориентиром в сложных перипетиях практической жизни людей с характерными для нее необходимыми и случайными связями. Житейская мудрость в обыденной жизни проявляется в том, что люди в своем поведении и деятельности опираются как на рациональность, так и на интуицию. Без изучения повседневного знания как основы интересующего мира и теоретических абстракций в феноменологической социологии невозможно понять специфику научного знания об обществе и эксплицировать феномен полиморфизма социального знания в целом. Об этом прямо говорил основоположник этого направления социологической мысли А. Шютц, отмечавший, что особенность гуманитарных наук состоит в их укорененности в обыденном знании. По его словам, «исследование основных принципов, в соответствии с которыми человек в повседневной жизни организует свой опыт и, в частности, опыт социального мира, является первостепенной задачей методологии общественных наук» [5, с. 491].

Исходя из этого, на наш взгляд, существует корреляция между феноменами истины, с одной стороны, и здравым смыслом и житейской мудростью, с другой, но все же эти феномены относятся к разным сферам деятельности человека и их результатам. Так, в одном случае речь идет о сфере познания и, соответственно, гносеологии, в другом – о сфере обыденной, повседневной жизнедеятельности, имеющей практический характер. И, говоря об их взаимосвязи, можно вспомнить слова К. Маркса о том, что «люди никоим образом не начинают с того, что “стоят в этом теоретическом отношении к предметам внешнего мира”». Как и всякое животное, они начинают с того, чтобы есть, пить... т. е. не “стоять” в каком-нибудь отношении, а активно действовать, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности» [6, с. 377].

Еще одной фундаментальной формой социального знания является *внеаучное знание*. Его специфика заключается в непосредственной связи с определенным типом мировоззрения, который характерен для общества, образом жизни и системой ценностных ориентаций, предпочтениями и в целом с типом духовной культуры. Это знание включено в систему мировоззрения, идет ли речь о системе взглядов на мир отдельного человека, группы людей – класса, этноса, корпорации, – или

исторического типа общества. В последнем случае имеются в виду мифологическое, религиозное и философское мировоззрение, в структуре которых знания всегда находятся в состоянии сосуществования с другими компонентами, составляющими архитектуру мировоззрения, а потому обязательно испытывают их влияние. Спектр факторов этого влияния весьма широк: это влияние ценностных установок, идеалов, стереотипов поведения и др. Очевидно, что в этом случае можно говорить о специфике рациональности, которая коррелирует с чувствами, переживаниями, эмоциями и характеризуется своеобразием потребностей и интересов. Рациональность при необходимости соотнобразуется с конкретными задачами воспитания и образования личности, учитывает круг общения и духовно-психологический климат человека (или социальной группы), определяющие своеобразие интерпретации, понимания и оценки социальных явлений и процессов. В итоге эти факторы формируют отношение социальных субъектов к явлениям общественной жизни и характер реакции на них.

В частности, таким вненаучным знанием выступает мифологическое и религиозное знание, которое, возникнув в глубокой древности, оказывается востребованным и в наши дни. Причины живучести мифологического сознания объяснил Э. Фромм: «Человеческий мозг живет в двадцатом веке; сердце большинства людей – все еще в каменном. Человек в большинстве случаев еще недостаточно созрел, чтобы быть независимым, разумным, объективным. Человек не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен сам придать смысл своей жизни, а не получить его от какой-то высшей силы, поэтому людям нужны идолы и мифы» [7, с. 11]. В свою очередь, автор «философии символических форм» Э. Кассирер отмечал, что современная социальная мифология создается целенаправленно, причем «миф всегда рядом с нами и лишь прячется во мраке, ожидая своего часа. Этот час наступает тогда, когда все другие силы, цементирующие социальную жизнь, по тем или иным причинам теряют свою мощь и больше не могут сдерживать демонические, мифологические стихии... Наши современные политики прекрасно знают, что большими массами людей гораздо легче управлять силой воображения, нежели грубой физической силой» [8]. В этой связи можно упомянуть идеологию – систему вненаучного мировоззренческого знания, которую Р. Барт характеризует как «искусственный миф, понятный массам благодаря средствам агитации и пропаганды» [9, с. 251].

Среди вненаучных форм знания особый статус принадлежит философскому знанию, которое имеет амбивалентный характер, что было отмечено еще древними греками, видевшими его специфику в наличии у него не только стремления к достижению *эпистемы*, понимаемой как истина, но и *док-*

сы, рассматриваемой как мнение, и которое в этом смысле является носителем субъективной оценки событий. Показательна характеристика философского знания французских энциклопедистов. «Истина для философа, – говорится в Энциклопедии Д. Дидро и Ж. Л. Д’Аламбера, – не любовница, которая развращает его воображение и которую он рассчитывает найти повсюду: он довольствуется возможностью выяснить ее там, где может ее заметить. Он не смешивает ее с правдоподобием; он принимает за истинное то, что истинно, за ложное – то, что ложно, за сомнительное – то, что сомнительно, за правдоподобие – то, что правдоподобно. Он способен сделать и больше, и великое преимущество философа состоит в том, что он, не имея достаточного мотива для суждения, умеет держаться на неопределенной позиции» [10, с. 598–599]. Показательно, что эта уклончивая в отношении суждений философа об истинности знания позиция свидетельствует не о его индифферентности по отношению к возможности достижения истины как таковой, а о мировоззренческом статусе философии, для которой философское знание имеет личностное измерение, выражая отношение человека к происходящему и предполагая рефлекссию над ситуацией.

В целом же *вненаучное знание*, учитывая его мировоззренческий характер, связано с научным, что находит воплощение в общем для них стремлении к достижению, как отмечалось выше, *эпистемы*, но, в отличие от науки как особой формы культуры, мифология, религия, искусство, философия, являясь формами духовного опыта, немыслимы без *доксы*, и, следовательно, выражения собственного мнения, которое характеризует отношение к тому, что познает человек. В этом смысле *вненаучное знание* обладает латентной интенцией на *истинное знание*, но главное в нем – отражение действительности с позиций интересов, ценностей и идеалов человека или социальной группы. В данном случае коррелятом истины выступает убеждение, в котором знания, содержащие «зерна» истины, координированы с ценностными установками, социальными идеалами. Эти внерациональные компоненты мировоззрения находятся в синкретическом единстве с верой в правильность существующей у человека системы взглядов на мир, его самого и его места в мире.

Специфической формой социального знания является также *институциональное знание*, в котором проявляется практическая природа познания, поскольку оно непосредственно предназначено для достижения утилитарного, значимого для нужд общества результата. В данном случае имеется в виду, что если *предметное знание* в полной мере должно соответствовать критериям научной рациональности и претендовать на статус научной истины, то *институциональное знание* можно характеризовать как *технологическое знание*, а его

презумпция оценивается по критерию практической реализуемости и эффективности. В частности, Г. П. Щедровицкий писал, что «основные продукты методологической работы – конструкции, проекты, нормы, методические предписания и т. п. – не могут проверяться и никогда не проверяются на истинность. Они проверяются лишь на реализуемость на практике» [11, с. 95].

Институциональное знание – это знание прикладного характера, предназначенное для использования в конкретных областях практической деятельности человека – хозяйственно-экономической, социально-политической, организационно-управленческой и других. Думается, что не требует детализации сравнение тех знаний, которые оказываются востребованными ученым-политологом или теоретиком-экономистом, с одной стороны, и практикующим политиком или хозяйственником, с другой. Это хотя и близкие по предметной сфере, но все же разные по назначению и служебной функции знания, поскольку проблемы, поставленные перед ученым и руководителем-практиком, и вопросы, которые им приходится решать, качественно разные. Политику и экономисту-хозяйственнику, так как они имеют дело не с идеализированными объектами, а с объектами, данными в конкретно-чувственной форме и обладающими полиметрическими характеристиками, необходимо учитывать их многообразные качества и свойства. Надлежит принимать в расчет условия существования, конъюнктуру, а также традиции, ценности и нормы общежития, поскольку принимаемые решения и успех их осуществления зависят от состояния общественного сознания и отношения к итоговым результатам практических преобразований населения.

В психологической науке подобное различие стало предметом специального анализа в работе Б. М. Теплова «Ум полководца» [12]. Из проведенного исследования специфики мышления военачальника следует вывод о различии теоретического и практического типов мышления, ориентированных на решение задач, которые относятся к разным сферам деятельности человека и, соответственно, нацелены на достижение коррелятивного знания. Между ними существуют отношения координации, но не субординации. Таким образом, коррелятом и эквивалентом истины в *институциональном знании* является практическая эффективность полученных результатов, а поскольку социальная практика многообразна, то столь же многообразны формы институционального, практико-ориентированного знания. Это, в частности, знания-умения, знания-правила, знания-нормы и другие формы, которые имеют технологический характер и обладают статусом полезности, что является версией прагматической концепции истины.

Специфика достижения истины как атрибута научного знания определяется наличием у социально-

гуманитарного познания трех интенций. Во-первых, это знание, что, очевидно, должно иметь когнитивную ориентацию и, следовательно, соответствовать общепринятым для наук о природе и обществе нормам – так называемым канонам научной рациональности. Во-вторых, что тоже естественно, это знание в принципе должно иметь прагматическую ориентацию и быть актуальным или потенциально практически полезным. В-третьих, это знание обязательно должно обладать ценностно-нормативной, аксиологической ориентацией, поскольку востребованным является такое социальное знание, которое будет соответствовать принятым в данном обществе социально-культурным ценностям, идеалам и нормам и не иметь деструктивных для него нововведений, т. е. соответствовать диалектике традиций и новаций. При этом по определению желательным является существование интенций в гармоническом единстве, что представляет серьезную проблему для достижения объективно-истинного знания об изучаемых явлениях и процессах общественной жизни. Обратим внимание на некоторые из них.

Первое обстоятельство определяется так называемым предпосылочным характером социального познания, непосредственно сказывающемся на его результате – знании – и определяющем проблемный характер его квалификации как истинного знания. Показательным является влияние метанаучных, социально-культурных факторов, в частности, социального интереса на ход и итоги познания. Хрестоматийным в этом случае является высказывание Т. Гоббса, согласно которому «люди отступают от обычая, когда этого требуют их интересы, и действуют вопреки разуму, когда он против них... Я не сомневаюсь, что если бы истина, что три угла треугольника равны двум углам квадрата, противоречила чьему-либо праву на власть и интересам тех, кто уже обладает властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии» [13, с. 132–133]. Субъект познания, характеризуя социально-историческую ситуацию, должен осознавать, в каком статусе он выступает и какой характер носит его высказывание в конкретном случае: знания или мнения.

Второе обстоятельство, имеющее также метанаучный и в этом смысле предпосылочный для познания социальных связей и отношений характер, касается роли ценностей и идеалов в постижении истины. Их воздействие осуществляется посредством ценностных установок, которые формируются у человека на основе разделяемых им и его окружением корпоративных социально-экономических, политико-идеологических, религиозных традиций, обычаев и стереотипов мышления. В частности, характеризуя особенности методологии одного из ведущих представителей Кембриджской шко-

лы интеллектуальной истории Дж. Покока, исследователи его творчества отмечают, что в центре его внимания «оказывается либеральная практика языковой игры как элемента политической борьбы, не санкционированной прямым авторитетом и насилием. Такой подход созвучен либерализму как принятию мнения и значения *Другого* и пониманию множественности проявлений любой истины» [14, с. 32]. Очевидно, что системы ценностей и свойственные им ценностные установки, связанные с социальными интересами и отражающие партикулярные – классовые, этнические, социокультурные традиции, обычаи, стереотипы поведения, наконец, особенности образа жизни людей, находят отражение в их представлениях о статусе человека в обществе. В этой системе содержатся представления о жизненных перспективах, добре и зле, справедливости и несправедливости и других ценностях общежития, что определяет особую роль оценки в социальном познании.

Третье обстоятельство имеет отношение к роли предпосылочного знания и его влияния на возможность достижения истинного знания и касается воздействия ценностей и оценочных суждений на результат познания. Обратим внимание на две позиции, существующие в социальной эпистемологии. Первая позиция, свойственная классическому обществознанию, исходит из презумпции достижения истины «в чистом виде» и рассматривает необходимость элиминации оценки как ведущей к субъективизации и, следовательно, к релятивизации знания. Так, по словам М. Вебера, «в обществознании действует принцип *отнесения к ценности* объекта, но не применима оценка. Это вообще не проблемы ценностей» [15, с. 570]. Как следует из высказывания, в методологии немецкого социолога действуют два принципа: принцип *свободы от оценочных суждений*, касающийся деятельности историка и методолога науки, и принцип *отнесения к ценностям*, предполагающий учет влияния социокультурных условий, воздействующих на процесс познания и, следовательно, на возможность достижения истины.

Вторая позиция артикулирует влияние как ценностей, так и связанных с ними оценок на ход и результаты социального познания. В качестве обязательного условия достижения истинного знания выступает необходимость учета влияния закономерностей и объективной логики социальной практики, обуславливающей возможность достижения истинного знания не в свободных от нужд практики условиях, а в прямой связи с практикой. Об этом ведет речь К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе»: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления» [16, с. 1].

Таким образом, суть рассмотренных методологических позиций не в том, что в реальной исторической практике акторы – субъекты социального действия – не руководствуются социокультурными ценностями и идеалами, а значит, определенными принятыми в социуме нормами. В этом нет проблемы. Суть в том, должны ли, и если должны, то в какой мере, исследователи – ученые-историки, политологи, правоведы – пользоваться аппаратом оценочных суждений, что получило, например, распространение в конце 1980–90-х гг. в советской и постсоветской литературе в форме появления ряда работ, использовавших методологию *повелительное наклонение в истории*.

Наконец, обратим внимание на еще одно – четвертое, специфическое, в отличие от естествознания, обстоятельство, имеющее отношение к роли предпосылочного знания, а также напрямую связанное с проблемой ценностей и их влиянием на квалификацию знания. В частности, говоря о трех группах потребностей человека, известный русский философ и социолог П. Л. Лавров особо выделяет третью группу потребностей, побуждающих субъекта к активным социально-историческим действиям. При этом он отмечает, что именно здесь проявляется «потребность лучшего, влечение к расширению знаний, к постановке себе высшей цели, потребность изменить все данное извне сообразно своему желанию, своему пониманию, своему нравственному идеалу, влечение перестроить мыслимый мир по требованиям истины, реальный мир – по требованиям справедливости» [17, с. 40]. Обратим внимание на имеющую знаковый характер фразу П. Л. Лаврова – «по требованиям справедливости». В этой связи отметим, что в русской философской традиции во второй половине XIX – начале XX в. актуальной была обозначенная Н. К. Михайловским проблема диалектики истины и правды. В ее обсуждении феномены совести и справедливости – *правды-справедливости*, как правило, рассматривались в качестве приоритетных по отношению к формальной, имеющей статус официальной истины – *правды-необходимости*. Подобной трактовке соотношения этих понятий, имеющих не столько гносеологический, сколько аксиологический характер, в социальной онтологии соответствовало предпочтение, отдаваемое в общественном мнении гражданского общества оценке происходящих событий и действий людей с позиций норм естественного права и нравственности по сравнению с нормами позитивного права и юридического закона.

Таким образом, анализ проблемы истины в социальном познании определяется многообразием форм социального знания и их функциональным назначением. Конечно, социальное познание ориентировано на получение объективно-истинного знания, соответствующего действительности, но поскольку человек оказывается в различных жиз-

ненных ситуациях и решает многие практические задачи, то знание, получить которое он стремится и которым руководствуется в своих действиях и поступках, можно квалифицировать по-разному. Если в социальных науках ученый стремится к объективной истине как таковой, то в других сферах жизни и деятельности можно говорить о ее эквивалентах как специфических формах, в которых предстает это истинное знание. Такой формой – коррелятом истины – в донаучном познании выступают житейская мудрость и здравый смысл, во вненаучном – составляющее основу мировоззрения убеждение, а в институциональном – практическая эффективность полученного знания.

При полиморфизме и различном функциональном назначении социального знания определяющим является достижение объективно-истинного знания – интенции, которая способствовала возникновению культуры человечества и значение которой в современном прагматичном и технократизированном мире все более принижается. Серьезная опасность хорошо осознается многими деятелями науки и культуры. В частности, эту обеспокоенность разделяет Й. Хейзинга, отмечающий, что «прагматизм лишил понятие истины претензий на всеобщую значимость, поместив его в русло потока времени. Истина есть то, что обла-

дает существенной ценностью для людей, ее исповедующих. Нечто есть истина, если и поскольку она имеет значение для определенного отрезка времени. Грубый ум мог бы легко понять: это имеет значение, стало быть, это истина. Следствием этого редуцированного, относительного понятия истины было известное духовное и моральное нивелирование идей, снятие всех различий между ними в градации и ценности. <...> Идеалом всегда оставалось постижение истины. Я не знаю ни одной культуры, которая бы отвергала познание в самом широком смысле или отрекалась от Истины» [18, с. 69–70].

Проблема истины в социальном познании, учитывая его полифоничность и многообразие форм знания, в которых репрезентируются результаты познавательной деятельности, непосредственно связана с существованием и активностью человека в различных сферах его жизнедеятельности и имеет мировоззренческий характер, затрагивая основания человеческой культуры. Отметим, что рефлексия над данной проблемой способствует дальнейшему осмыслению специфики и проблемного поля социальной эпистемологии, а следовательно, дальнейшей разработке вопросов такого важного раздела философского знания, как философия и методология науки в целом.

Библиографические ссылки

1. Курганцев М, составитель. *Лирики Востока*. Москва: Правда; 1986. 480 с.
2. Декарт Р. *Сочинения*. Том 2. Соколов ВВ, редактор. Москва: Мысль; 1994. 640 с.
3. Филатов ВП. *Научное познание и мир человека*. Москва: Политиздат; 1989. 270 с.
4. Хайдеггер М. *Разговор на проселочной дороге*. Доброхотов АЛ, редактор. Москва: Высшая школа; 1991. 192 с.
5. Кравченко ЕИ, составитель. *Американская социологическая мысль: тексты*. Добренков ВИ, редактор. Москва: Издательство МГУ; 1994. 496 с.
6. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения*. Том 19. Москва: Госполитиздат; 1961. 670 с.
7. Фромм Э. *Бегство от свободы*. Швейник ГФ, переводчик; Гуревич ПС, редактор. Москва: Прогресс; 1989. 272 с.
8. Кассирер Э. Техника современных политических мифов. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 1990;2:58–65.
9. Барт Р. *Мифологии*. Зенкин СН, переводчик, редактор. Москва: Издательство имени Сабашниковых; 2000. 320 с.
10. Богуславский ВМ, редактор. *Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера*. Москва: Наука; 1994. 720 с.
11. Щедровицкий ГП. *Избранные труды*. Пископпель АА, Щедровицкий ЛП, редакторы. Москва: Школа культурной политики; 1995. 800 с.
12. Теплов БМ. *Ум полководца*. Москва: Педагогика; 1990. 208 с.
13. Гоббс Т. *Избранные произведения*. Том 2. Вейцман ЕМ, редактор. Москва: Мысль; 1964. 736 с.
14. Атнашев Т, Велижев М, составители. *Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории*. Москва: Новое литературное обозрение; 2018. 632 с.
15. Вебер М. *Избранные произведения*. Давыдов ЮН, переводчик, редактор. Москва: Прогресс; 1990. 808 с.
16. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения*. Том 3. Москва: Госполитиздат; 1955. 625 с.
17. Лавров ПЛ. *Философия и социология*. Книжник-Ветров ИС, составитель. Москва: Мысль; 1965. 703 с.
18. Хейзинга Й. *Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир*. Сильвестров ДВ, переводчик, составитель. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха; 2017. 450 с.

References

1. Kurgantsev M, compiler. *Liriki Vostoka* [Lyrics of the East]. Moscow: Pravda; 1986. 480 p. Russian.
2. Descartes R. *Sochineniya*. Tom 2 [Works. Volume 2]. Sokolov VV, editor. Moscow: Mysl'; 1994. 640 p. Russian.
3. Filatov VP. *Nauchnoe poznanie i mir cheloveka* [Scientific knowledge and the human world]. Moscow: Politizdat; 1989. 270 p. Russian.
4. Heidegger M. *Razgovor na proselochnoy doroge* [Talking on a country road]. Dobrohotova AL, editor. Moscow: Vysshaya shkola; 1991. 192 p. Russian.

5. Kravchenko EI, compiler. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': teksty* [American sociological thought: texts]. Dobrenkova VI, editor. Moscow: Moscow University Press; 1994. 496 p. Russian.
6. Marks K, Engels F. *Sochineniya. Tom 19* [Works. Volume 19]. Moscow: Gospolitizdat; 1961. 670 p. Russian.
7. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Shveynik GF, translator; Gurevich PS, editor. Moscow: Progress; 1989. 272 p. Russian.
8. Kassirer E. [Technique of modern political myths]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 1990;2:58–65.
9. Barthes R. *Mifologii* [Mythologies]. Zenkin SN, translator. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh; 2000. 320 p. Russian.
10. Boguslavskij VM, editor. *Filosofiya v Entsiklopedii Didro i Dalamberta* [Philosophy in the Encyclopedia of Didro and D'Alembert]. Moscow: Nauka; 1994. 720 p. Russian.
11. Schedrovitskiy GP. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Piskoppel AA, Schedrovitskiy LP, editors. Moscow: Shkola kul'turnoi politiki; 1995. 800 p. Russian.
12. Teplov BM. *Um polkovodtsa* [General's mind]. Moscow: Pedagogika; 1990. 208 p. Russian.
13. Gobbes T. *Izbrannyye proizvedeniya. Tom 2* [Selected works. Volume 2]. Veytsman EM, editor. Moscow: Mysl'; 1964. 736p. Russian.
14. Atnashev T, Velizhev M, compilers. *Kembridzhskaya shkola. Teoriya i praktika intellektualnoi istorii* [Cambridge school. Theory and practice of intellectual history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2018. 632 p. Russian.
15. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Davyidova YuN, translator, editor. Moscow: Progress; 1990. 808 p. Russian.
16. Marks K, Engels F. *Sochineniya. Tom 3* [Works. Volume 3]. Moscow: Gospolitizdat; 1955. 625 p. Russian.
17. Lavrov PL. *Filosofiya i sotsiologiya* [Philosophy and sociology]. Knizhnik-Vetrov IS, compiler. Moscow: Mysl'; 1965. 703 p. Russian.
18. Huisinga J. *Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kultura. Zatemnennyiy mir* [The shadows of tomorrow. Man and culture. Darken world]. Silvestrov DV, translator, compiler. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha; 2017. 450 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2020.
Received by editorial board 10.02.2020.

КОСМИЧЕСКИЕ ИДЕИ А. Е. ФЕРСМАНА И ОСОБЕННОСТИ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ

П. С. КАРАКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрывается вклад А. Е. Ферсмана в развитие русского космизма и расширение предмета его осмысления. Выявляется влияние космизма В. И. Вернадского на формирование космических идей у его ученика и последователя А. С. Ферсмана. Подчеркивается своеобразие этих воззрений, связанных с установлением многообразных форм воздействия космических факторов на химические элементы и процессы, происходящие в земной коре, проявлении красоты камней и минералов. Обращается внимание на обоснование ученым важности разумного потребления природных ресурсов природы и их сохранения для будущих поколений.

Ключевые слова: природа; биосфера; космос; земная кора; химический элемент; геохимия; минералогия; красота; русский космизм; чувство прекрасного.

COSMIC IDEAS OF A. E. FERSMAN AND FEATURES OF THEIR EXPRESSION

P. S. KARAKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezalieznasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article reveals the contribution of A.E. Fersman to the development of Russian cosmism and the expansion of the subject of its expression. The influence of V. I. Vernadsky cosmism on the formation A. E. Fersman's cosmic ideas, who was his student and follower, is revealed. The originality of these ideas, which are associated with the establishment of diverse forms of the influence of cosmic factors on the chemical elements and processes of the earth's crust, that are manifesting the beauty of its stones and minerals, is also emphasized. Attention is drawn to the importance of the rational consumption of natural resources and their conservation for future generations of people, justified by A. E. Fersman.

Keywords: nature; biosphere; space; Earth's crust; chemical element; geochemistry; mineralogy; beauty; Russian cosmism; sense of beauty.

В работах В. Н. Демина, С. И. Шлёкина отмечается, что число представителей русского космизма растет, причем некоторые новые исследователи причисляются к этому течению на основании весьма расплывчатых оценок их соответствующих воззрений. Порой лишь название отдельной статьи дает повод назвать ее автора космистом. Так, С. И. Шлё-

кин приписывает космизм известному советскому философу Э. В. Ильенкову, исходя из содержания его статьи «Космология духа» [1, с. 287–296]. Однако она не имеет отношения к данному направлению мысли. При этом исследователь игнорирует философские основания названной работы, ее научную обоснованность и связь с базовыми идеями вид-

Образец цитирования:

Карак ПС. Космические идеи А. Е. Ферсмана и особенности их выражения. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;2: 59–66.

For citation:

Karako PS. Cosmic ideas of A. E. Fersman and features of their expression. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;2:59–66. Russian.

Автор:

Петр Семенович Карак – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Petr S. Karako, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kafedra628@gmail.com

нейших представителей русского космизма, в первую очередь В. И. Вернадского.

Нельзя согласиться и с теми, кто делает попытки принизить вклад В. И. Вернадского в развитие научного знания и, в частности, русского космизма. В наши дни этого выдающегося мыслителя уже не обвиняют так, как это делали в 1930-х гг. А. М. Деборин и другие партийные философы. Но до сих пор некоторые авторы весьма определенно отрицают научность идей ученого и их влияние на умонастроение современников. Так, Р. К. Баландин утверждает, что «научные прозрения Вернадского не нашли должного отзвука в среде ученых второй половины XX века» [2, с. 273]. Абсурдность данного заявления настолько очевидна, что нет необходимости его опровергать. Но все же данный автор признает, что некоторые идеи академика «разра-

батывали А. Е. Ферсман, Л. С. Берг и многие другие у нас и за рубежом. Позже его цитировали, повторяли, восхваляли – и только» [2, с. 273]. Какие же именно подходы мыслителя были актуальны для специалистов в 1950–60-х гг., не сказано.

Приведенные обстоятельства определили наше внимание к творчеству вышеназванных ученых. В первую очередь в статье будет выявлена сущность некоторых теоретических идей А. Е. Ферсмана, обсужден вопрос о возможности причисления его к представителям русского космизма. Принципиальное значение имеет и раскрытие воздействия космических идей В. И. Вернадского на становление и выраженность космизма у А. Е. Ферсмана, его ученика и последователя. Сформулированные задачи стали предметом нашего исследования в данной публикации.

«Земная оболочка есть часть Космоса»

Выдающийся ученый-минералог и геохимик, академик, вице-президент АН СССР А. Е. Ферсман (1883–1945) оставил заметный след в отечественном естествознании. Вся его научная деятельность была связана с В. И. Вернадским (1863–1945). Еще будучи студентом Московского университета в 1903–1907 гг., он испытал на себе влияние этого крупнейшего ученого и мыслителя. Под его воздействием проходило становление А. Е. Ферсмана как минералога и геохимика и в целом как представителя естественно-научной ветви русского космизма. Несмотря на 20-летнюю разницу в возрасте, их связывала личная дружба, продлившаяся 40 лет. По свидетельству академика Н. Д. Зелинского, «уже на университетской скамье, под руководством своего выдающегося учителя, с которым впоследствии он 40 лет совместно работал, питая к нему глубокую любовь и уважение, А. Е. Ферсман проявил себя как минералог-энтузиаст, страстный исследователь природы, стремящийся познать ее во всем многообразии» [3, с. 110]. От себя отметим: и во взаимосвязи ее земного и космического бытия.

В. И. Вернадский высоко ценил своего ученика и младшего друга. В январе 1941 г. он писал, что А. Е. Ферсману «принадлежат крупнейшие научные обобщения, оказывающие огромное влияние на научную мысль не только нашей страны, выражающиеся в нашей государственной жизни многочисленными практическими приложениями» [3, с. 461]. Далее А. Е. Ферсман характеризуется и как блестящий оратор, и как художник-писатель, осознающий тесную связь науки с жизнью и что наука есть не только мысль, но и действие.

Под влиянием В. И. Вернадского происходило становление А. Е. Ферсмана как ученого-естествоиспытателя и космиста. Уже с первых лет своей научной деятельности он стал приверженцем идей

своего учителя, содержание которых автор данной статьи раскрыл ранее в специальной работе [4]. Ученик творчески развивал их на протяжении всей своей научной деятельности.

Свидетельством вышесказанному может быть весьма значимый труд А. Е. Ферсмана «Химические элементы Земли и Космоса» (1923). Уже на его первых страницах отмечается, что исследование химического состава земной коры не может быть удачным, если ограничиваться только представлением о его земном происхождении. При таком подходе земной объект вычленяется из «мирозда-ния и освещается только один уголок космических явлений», поэтому естествоиспытателю следует выйти за пределы земной коры и «признать нашу земную оболочку лишь частью космоса, тесно связанную с ним в своей истории и в своих физических и химических судьбах» [5, с. 3].

Вышеупомянутая работа А. Е. Ферсмана основана на сформулированной стратегии познания состава земной оболочки и положениях ряда сочинений В. И. Вернадского, написанных им в 1922–1923 гг.: «Химические элементы и механизм земной коры», «Химический состав живого вещества», «История минералов земной коры» и др. А. Е. Ферсману импонировали также научные идеи русского физика-теоретика, одного из первых представителей естественно-научного течения в русском космизме – Н. А. Умова, который считал, что человек, постигая природу, не может ограничиваться только данными, полученными благодаря своим органам чувств: он обязан выходить за пределы последних и включать в сферу своей познавательной деятельности не только известные электрические и магнитные силы, но и «миллиарды неощутимых лучей, пронизывающих Вселенную», так как «все в мире связано между собой если не непосредственно, то посредственно; это есть основной принцип есте-

ствознания» [6, с. 113]. Данному принципу следовал и А. Е. Ферсман.

Так, при исследовании химического состава земной коры и распределения химических элементов ученый опирался на многие положения видных химиков рубежа XIX–XX вв. – С. Аррениуса, Д. И. Менделеева и т. д. Собственные эмпирические исследования и теоретическое обобщение знаний о составе химических элементов земной коры позволили А. Е. Ферсману выявить закономерное сочетание последних. Такие совокупности были названы им естественными геохимическими ассоциациями [5, с. 31]. Подобное распределение данных элементов наблюдается как в поверхностных слоях земной коры, так и на ее разной глубине. Современное состояние химических элементов и их ассоциаций ученый не считал законченной и постоянной формой: по его мнению, они находятся в непрерывном перемещении и перераспределении. Он был убежден, что данное явление обусловлено действием внутренних и внешних факторов. Так, к первым относятся силы радиоактивного распада атомов, теплового движения атомов и молекул, химического сродства и кристаллизационных процессов и т. д. Весьма значимыми причинами перемещения химических элементов в земной коре А. Е. Ферсман признавал внешние, космические факторы. В его вышеназванном труде отводилось особое место выявлению роли последних в существовании земной коры.

Эпиграфом к разделу книги, в котором выдающийся геохимик освещал данную проблему, послужило суждение Н. А. Умова: «Вселенная явилась в величественном образе электромагнитного поля, в котором разворачивается двигатель жизни – излучение» [5, с. 113]. Именно разнообразные космические излучения А. Е. Ферсман считал теми внешними силами, которые влияют на положение химических элементов в земной коре: имеются в виду силы мирового тяготения, светового давления, движения космических тел, а также тепловой режим космоса и звездных миров, который «определяет ход химических реакций и физических процессов и этим вызывает в земной коре то или иное распределение химических элементов» [5, с. 136].

Основным источником тепла ученый признавал энергию Солнца. Мощным космическим фактором, детерминирующим состояние земных химических элементов ее поверхностной оболочки, он считал и те «излучения мирового пространства, природа которых еще не установлена» [5, с. 118]. Позднее, в трудах В. И. Вернадского, были определены подобные источники: космическая пыль, атомы и молекулы из космического пространства, энергия рассеянных элементов и т. д. Современной астрофизикой получены данные о том, что многие виды излучений высокоэнергетического свойства приходят на Землю из-за пределов Солнечной системы.

А. Е. Ферсман подчеркивал важность положений своего учителя о роли живого вещества (совокупности всех форм живого в биосфере Земли) и деятельности человека в изменении процессов миграции и перегруппировки химических элементов в земной коре, а также желание В. И. Вернадского количественно выразить значимость данных оснований в подобного рода процессах. Ученый формулирует следующий вывод: «Постепенно геохимическим фактором делается и человек... Он вызывает мощную группировку некоторых элементов, соизмеримую с процессами природными» [5, с. 124]. В наши дни деятельность человека по изменению элементов земной коры значительно превосходит аналогичные процессы, происходящие в природе.

Обобщения, отражающие роль земных и космических факторов в определении химической структуры земной коры, А. Е. Ферсман считал исходными. Их обстоятельное подтверждение он связывал с наукой будущего [5, с. 148]. Значительный вклад в решение этих вопросов он внес в последующие годы своей научной деятельности. Но уже в самых ранних исследованиях этого молодого естествоиспытателя, посвященных химическому составу земной коры, явно обнаруживается осознание им роли космических детерминантов в становлении оболочки Земли. Они и стали предметом его научной деятельности. Принятие А. Е. Ферсманом данной стратегии познания способствовало освоению им идей космизма, характерных для его университетских учителей – В. И. Вернадского и Н. А. Умова.

«Жизнь планеты Земля связана с жизнью Космоса»

Выдающиеся работы В. И. Вернадского «Биосфера» и «Очерки геохимии» оказали большое влияние на дальнейший характер исследования А. Е. Ферсманом вопросов, поставленных им в книге «Химические элементы Земли и Космоса». Теоретические положения, изложенные в названных трудах, стали основой его дальнейших исследований структуры земной коры и процессов, происходящих в ней. На их постижение и сориентирована геохимия. В. И. Вернадский отмечал, что данная наука «изу-

чает химические элементы, т. е. атомы земной коры, и насколько возможно – всей планеты. Она изучает их историю, их распределение и движение в пространстве-времени, их генетические на нашей планете соотношения» [7, с. 14]. Академик подчеркивал, что все это происходит под воздействием земной и космической энергии: последняя «притекает на нашу планету из космических пространств, туманностей, метеоритов и космической пыли, Солнца. Энергия Солнца пока кажется самой

важной, и она единственная, которую обыкновенно принимают во внимание... Земная кора представляется нам не инертной массой, а массой вещества, проникнутого действенной энергией космоса» [7, с. 110]. Эти мысли высказывались в 1930–40-х гг., а в наши дни названные виды космической энергии уже общепризнаны. Этими идеями руководствовался и А. Е. Ферсман.

Он широко использовал важнейшие научные понятия, типичные для вышеназванных работ учителя: «биосфера», «живое вещество», «функции живого в биосфере Земли» и т. д. Не оставил ученый без внимания и тезис своего наставника о важной связи «явлений жизни с основными элементами, проявляющимися в Космосе» [7, с. 55]. А. Е. Ферсман определял предмет геохимии весьма близко к трактовке В. И. Вернадского: «Геохимия изучает всю физико-химическую обстановку, где протекают земные реакции, количественное распространение и роль отдельных элементов, законы их совместного нахождения в природе» [8, с. 24]. Его интересовало сравнительное изучение состава химических элементов земной коры и космоса.

В ферсмановской концепции предмета геохимии принципиально обоснование необходимости выявления «общего содержания элемента в земной коре и условий образования его главнейших соединений» [8, с. 24].

Ученый предложил и краткую историю появления атомов в мироздании: вначале, на *космической стадии* бытия нашей Вселенной, появляются элементарные частицы – протоны, нейтроны и электроны. Взаимодействие протонов и нейтронов приводит к образованию ядер атомов. Вокруг этих ядер еще нет вращающихся по особым орбитам отрицательно заряженных электронов. Такого рода образования А. Е. Ферсман называет «раздетыми» атомами: именно в «космической фазе мироздания в обстановке лучистой энергии и сказочных температур атомы нам представляются “раздетыми” и весьма сходными друг с другом по своим химическим свойствам» [8, с. 95]. Несколько позже к этим атомам присоединяются отрицательно заряженные электроны, которые и есть те атомы, зафиксированные в периодической системе химических элементов Д. И. Менделеева. На *планетарной стадии* развития природы из образовавшихся клубков атомов зарождаются планеты, в том числе и Земля. На *магматической стадии* возникла земная кора. Условия, сложившиеся в определенный период ее существования под воздействием космических факторов, особенно излучений Солнца, способствовали зарождению и формированию на земной оболочке живого вещества особого мира природы Земли.

Так, А. Е. Ферсман во многих своих трудах подчеркивал космическую обусловленность становле-

ния и бытия живого в биосфере Земли: «Органический мир – дитя Солнца, и живет он за счет Солнца, превращая его лучи в формы живой природы... Так накапливает внутренние силы растительное вещество, строящее свои молекулы из углерода, водорода и кислорода, поглощая только 0,0042 % всей солнечной энергии» [8, с. 70–71]. Процитированное высказывание совпадает с положением В. И. Вернадского: «Твари Земли являются созданием сложного космического процесса, необходимой и закономерной частью стройного космического механизма, в котором, как мы знаем, нет случайности» [9, с. 10]. Академик и людей считал «детьми Солнца».

Как известно, солнечная энергия поглощается зелеными растениями, синтезирующими органическое вещество, которое потребляют гетеротрофные организмы. Растения выделяют и кислород, необходимый для дыхания всего живого. Свободный кислород – это составная часть гидросферы и нижних слоев атмосферы, окислитель многих неорганических веществ. Тем самым он влияет на процессы миграции и перегруппировки химических элементов в земной коре.

Еще большее воздействие на ее поверхностные слои оказывают сами живые организмы. Весьма убедительно об этом влиянии писал В. И. Вернадский: «На земной поверхности нет химической силы, более постоянно действующей, а потому и более могущественной по своим конечным последствиям, чем живые организмы в целом. И чем более мы изучаем химические явления биосферы, тем более мы убеждаемся, что на ней нет случаев, где бы они были независимы от жизни» [9, с. 22]. Ученый подробно раскрывал воздействие живого на неживое окружение (горные породы, почвы и т. д.).

В трудах А. Е. Ферсмана также много внимания уделяется выявлению роли организмов в образовании почвенного покрова Земли, коралловых рифов, разрушении горных пород, разложении сложных химических соединений земной коры до отдельных атомов. Ученый подчеркивает воздействие космической энергии на процессы, происходящие в земной коре и на ее поверхности: «В силе светлого луча, в центральном тепле Земли и его охлаждении, во внутренних силах атома – причина всей химической жизни нашей планеты. Тысяча нитей связывают эту жизнь с жизнью космоса: от него наша планета получила свои силы, от него она черпает свои силы и сейчас» [10, с. 512–513]. Он убежден, что в самой горной породе «скованы колоссальные количества космической энергии, и даже внутри каждого атома как сложнейшего мирка внутренних сил» [10, с. 513]. Все это происходило в период образования Земли из хаоса газообразных и диссоциированных элементов.

А. Е. Ферсман считал излучение космоса значимым для становления и осуществления химических процессов в поверхностных слоях Земли: «Солнце и сложные излучения Космоса приносят свою энергию на земную поверхность, и снова атом начинает свои странствования – миграции, подчиняясь все тем же законам физической химии и кристаллохимии. В кажущемся хаосе рассеянного атома постепенно выявляется перед нами ряд глубочайших закономерностей, и постепенно шаг за шагом начинает уясняться картина химии земного покрова» [8, с. 102–103]. Здесь следует иметь в виду, что на эту картину влияло и вещество, связанное с космосом и его излучениями.

«Поэт красоты природы и камней»

Теме красоты природы ученый уделял особое внимание. Во время своих экспедиций в разные регионы страны он отмечал не только наличие в недрах земли тех или иных необходимых для человека и народного хозяйства полезных ископаемых, но и ее красоту, и все увиденное описывал в научно-художественном стиле. Вот почему в книгах А. Е. Ферсмана картины природы предстают яркими, неповторимыми, остающимися в памяти читателей. Например, описание Кольского полуострова, особенно Хибинских гор: хотя они и невысоки, но природа здесь «грозная, с дикими ущельями и обрывами в сотни метров высоту. <...> Волшебное северное сияние фиолетово-красными завесами озаряет полярный ландшафт лесов, озер и рек. Здесь, наконец, целый мир научных задач, заманчивость неразгаданных загадок далекого геологического прошлого великого северного гранитного щита, в котором содержится целая гамма редчайших минералов: кроваво-красные или вишневые эвдиалиты, как золото сверкающие блестки лампрофиллита, ярко-зеленые эгирины, фиолетовые плавиковые шпаты, темно-красные, как запекшаяся кровь, нептуниты, золотистые сфены» и т. д. [12, с. 23]. Он не может скрыть своего восхищения от всего увиденного и добытого им: «Какое богатство! Какое прекрасное открытие! Ведь отсюда все музеи Земли можно снабдить великолепными шtuфами этих редчайших минералов» [11, с. 25].

Особенно красочны камни: «Голубым цветом сверкают нежно окрашенные топазы, зеленоватосизым цветом отливают редкие аквамарины, нежные небесно-голубые тона приносит нам восточная бирюза. Еще более драгоценны и редкие голубые и синие кристаллы эвклаза...» [12, с. 109]. Подобной разноцветной палитрой описываются сапфиры и многие другие природные минералы.

«Поэтом камня», «певцом камня», «пламенным светочем знания» и другими возвышенными выражениями характеризовали А. Е. Ферсмана его ученики и сотрудники научных учреждений, кото-

А. Е. Ферсман неоднократно замечал, что растительные организмы причастны к образованию минералов (фосфатных скелетов животных, кремниевых панцирей и т. д.) из отдельных химических элементов. Другие организмы участвуют в этом процессе после своей смерти, когда начинается распад и гниение их останков. По заключению ученого, «организмы являются крупнейшими геологическими деятелями, и неизбежно весь характер минералов земной поверхности будет зависеть, как он зависит уже и сейчас, от истории развития органического мира» [11, с. 107]. С космосом и его излучениями геохимик А. Е. Ферсман связывал и красоту природного мира Земли.

рыми он руководил [3, с. 94, 196, 383]. А. М. Горький называл этого ученого «прекрасным популяризатором и подлинным “художником”, артистом своего дела» [3, с. 458].

С особым восторгом ученый описывал среднеазиатские пустыни. Поистине замечательны его краски при передаче цвета песков: предметом его внимания были и огромные такыры с их розовыми оттенками, и сверкающая желтой окраской самородная сера, и ярко горящие золотистым цветом сульфаты железа. Так, здесь представлена вся палитра цветов – от белых до красных и желтых [12].

А. Е. Ферсман отмечал в красоте территорий Средней Азии резкие перепады и крайности: темные цветущие оазисы и безжизненные пески, черные, темные, красные краски камней и скал и белоснежные поля солей. Им был сделан вывод о том, что «в цветной палитре – все краски поlynных степей, лесовых покровов скал, нагорий, пустынь, здесь основные черты южного ландшафта, в котором тенистый оазис лишь небольшой кусочек природы, затерянной в мире желтых, бурых и красных красок» [8, с. 153].

Столь же восторженно ученый описывает и незабываемую пеструю природу Ферганы: в ней он, как геохимик, усматривает прежде всего высокую степень окисления марганца, железа, ванадия и меди, преобладающих во всем минеральном царстве этого региона Узбекистана. Он указывает, что подобные процессы происходят под воздействием космических факторов: красота этих мест сформировалась именно «благодаря южному солнцу, ионизированному воздуху с его кислородом и озоном, разрядом электричества в часы тропических гроз, с превращением азота в азотную кислоту, быстрому сгоранию растительности без обычного восстановления» [8, с. 154]. Например, цвет отдельных природных камней зависит от излучений Солнца: камень лазурит, будучи «ярким и сверкающим при солнечном свете, становится темным и мрачным при свечах и электричестве», поэтому он «ценит-

ся больше всего на юге, где роскошь и пышность убранства были рассчитаны на солнечный цвет» [12, с. 100].

С действием космических факторов (и прежде всего Солнца) А. Е. Ферсман связывал и смену окрасок минералов, руд и других объектов природы земной коры. Оказывается, что от северных широт до солнечных пустынь и глубин океанов цвета меняются в следующем порядке: белый, серый, желто-бурый, коричневый, красно-коричневый, красный, темно-красный, черный. В пустынях и субтропиках преобладают желтые, желто-зеленые, оранжевые, красные, синие и зеленые цвета. Это обуславлива-

ется не только более мощным излучением Солнца, повышенными температурами, но и повышенным содержанием кислорода в воздухе, усилением его окислительного действия на металлы, руды и т. д.

Из всего отмеченного минералог и геохимик А. Е. Ферсман делает вывод, что «окраска минералов есть выражение глубоких закономерностей, лежащих в основе нашей природы и изучаемых геохимией – наукой о законах сочетания и распределения атомов в земной коре» [8, с. 151]. Но такое сочетание и распределение атомов детерминируется внутренними (земными) и внешними (космическими) факторами.

А. Е. Ферсман об использовании природы и ее охране

Через все научные и научно-популярные труды А. Е. Ферсмана красной нитью проходит идея сохранения красоты природы для будущих поколений. Он верил, что «красота и радость сделаются мерилом человеческого богатства» [8, с. 236], но уже сейчас людям следует задумываться о сбережении природных богатств своей страны. Ученый возмущался фактами потребительского отношения к природе и писал о необходимости воспитывать человека в уважении к ней, особенно в ситуации нарастания мощи технического прогресса. А. Е. Ферсман был убежден, что «чувство прекрасного в его лучших и облагораживающих формах не должно будет подавляться завоеваниями технического прогресса... истинное искусство явится необходимым элементом человеческого обихода» [12, с. 236]. Можно только сожалеть, что эти идеи космиста не воплотились повсеместно в практику.

Тема красоты природы заняла достойное место в работах представителей русского космизма: в научных и философских трудах В. И. Вернадского, лирике и живописных работах А. Л. Чижевского, сочинениях В. С. Соловьева, В. Я. Брюсова, А. А. Блока и др. [13; 14; 15, с. 89–113]. А. Е. Ферсман не только поддержал, но и обогатил эту традицию русского космизма, раскрыв красоту камней, минералов и тех территорий страны, которые были предметом его исследования.

Ученый немало сделал для организации мер, направленных на охрану и сбережение всего многообразия отечественной природы, рациональное использование ее объектов в народном хозяйстве. Он внес значительный вклад в освоение природных богатств Кольского полуострова, создание фабрик и заводов по их переработке: например, Гомельский химический завод, на котором из хибинских апатитов извлекают фосфор и производят удобрения для повышения плодородия пахотных земель. В бывшем СССР было построено множество подобных заводов по переработке ископаемых руд и других ресурсов.

Обосновывая важность использования многих природных ресурсов в народном хозяйстве,

А. Е. Ферсман подчеркивал исчерпаемость каменного угля, нефти, торфа и газа. Он разделял мнение Н. А. Умова, высказанное еще в 1912 г.: приближается конец потребления имеющихся на планете видов энергии, поэтому человечеству «остается один выход: нужно подняться на следующую ступень – исканий энергии не в запасах земли, а в сокровищах небесных пространств – космоса» [11, с. 254]. К таким сокровищам выдающийся геохимик относил излучения Солнца, а с их практическим применением связывал будущее человечества.

А. Е. Ферсман также выражал твердую уверенность, что впоследствии люди будут способны «улавливать энергию светового луча, умело использовать свет, который придет на смену и углю, и торфу, и нефти, и струе воды, когда человечество истощит природу, использует недра, обуздает падающие воды и порывы ветра и на смену черному алмазу вольт в заводы и фабрики энергию солнечного луча» [11, с. 255].

Это предвидение становится реальностью наших дней. Энергия, получаемая солнечными батареями, стала вливаться в энергосистемы многих стран мира, пилотируемые космические станции и т. д. Ученый понимал, что и человек, и человечество в целом – это части биосферы Земли. Их будущее он связывал прежде всего с ее ресурсами, особенно радиоактивными элементами. Вот почему «главный источник энергии будущего – энергия, скованная внутри самого атома; она в миллионы раз больше энергии угля... Вот где будущее человечества» [11, с. 255]. Сегодня такого рода энергия имеет значительный вес в энергетике многих стран мира. Идеи А. Е. Ферсмана относительно обеспечения человечества энергией воплощены в жизнь. Однако в глобальном масштабе они вновь и вновь становятся предметом обсуждения мирового научного сообщества.

Итак, можно сделать вывод, что академик А. Е. Ферсман, занимаясь проблемами геохимии и минералогии, подошел к их осмыслению с позиций космизма. Он не только воспринял воззрения В. И. Вернадского и Н. А. Умова, своих университет-

ских профессоров, но и творчески их развил, демонстрируя при этом поистине высоконравственное отношение к учителям. В своих научных и научно-популярных работах ученый подчеркивал соответствие собственных выводов представлениям старших космистов (особенно В. И. Вернадского). Через всю свою весьма насыщенную и творческую научную деятельность А. Е. Ферсман пронес уважение и благодарность учителю, другу и соратнику. В статье, посвященной его памяти, он писал, что последними словами наставника «всегда были слова любви к стране и к людям. Любовь к жизни и науке, являющейся той энергией, которой он зажигал и сам долго горел...» [16, с. 23]. К сожалению, через 5 месяцев после ухода из жизни В. И. Вернадского закончилась и земная жизнь А. Е. Ферсмана. Он похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище рядом с учителем.

Именно В. И. Вернадский увлек своего ученика и последователя геохимией и минералогией,

задачей выявления роли космических факторов в становлении и осуществлении физико-химических процессов, происходящих в земной коре. Все своеобразие космизма А. Е. Ферсмана и связано с раскрытием влияния космоса и его факторов на формирование и протекание указанных процессов. Именно благодаря этому расширился предмет русского космизма. Именно доказательство того, что космос влияет на структуру литосферы и процессы, происходящие в ней, – несомненная заслуга ученого. Он, как и другие русские космисты, подчеркивал значимость космических факторов, влияющих на появление жизни на Земле и формирование всех других структурных компонентов ее биосферы. Он обосновал важность разумного природопользования, этического и эстетического отношения к природе, сохранения ее ресурсов для будущих поколений. Его по праву следует считать достойным представителем русского космизма, его естественно-научной ветви.

Библиографические ссылки

1. Шлёкин СИ. *Русский космизм: проблемы иррационального знания, художественного чувства и научно-технического творчества*. Москва: ЛЕНАНД; 2017. 344 с.
2. Баландин РК. *Ноосфера Земли. Прозрения и заблуждения Вернадского*. Москва: Вече; 2017. 288 с.
3. Коган ЯБ, редактор. *Александр Евгеньевич Ферсман: жизнь и деятельность. 1883–1945*. Москва: Наука; 1965. 480 с.
4. Карако ПС. Предпосылки и сущность космических воззрений В. И. Вернадского. *Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)*. 2018;1:13–22.
5. Ферсман АЕ. *Химические элементы Земли и Космоса*. Петроград: Научное химико-техническое издательство научно-технического отдела ВСНХ; 1923. 175 с.
6. Умов НА. Эволюция мировоззрений в связи с учением Дарвина. В: Семенова СГ, Гачева АГ, составители. *Умов. Русский космизм. Антология философской мысли*. Москва: Педагогика-Пресс; 1993. с. 111–114.
7. Вернадский ВИ. *Очерки геохимии*. Москва: Наука; 1983. 422 с.
8. Ферсман АЕ. *Очерки по минералогии и геохимии*. Москва: Наука; 1977. 192 с.
9. Вернадский ВИ. *Биосфера и ноосфера*. Москва: Наука; 1989. 261 с.
10. Ферсман АЕ. *Избранные труды. Том 4*. Москва: АН СССР; 1959. 858 с.
11. Ферсман АЕ. *Занимательная минералогия*. Челябинск: Урал LTD; 2000. 316 с.
12. Ферсман АЕ. *Рассказы о самоцветах*. Москва: Наука; 1974. 252 с.
13. Карако ПС. Вопросы красоты природы в научном и философском наследии В. И. Вернадского. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2017;2:18–28.
14. Карако ПС. «Космическая философия» А. Л. Чижевского: сущность и место в системе русского космизма. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;2:40–50.
15. Карако ПС. *Эстетика природы*. Минск: Экоперспектива; 2012. 246 с.
16. Ферсман АЕ. Жизненный путь академика Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945). *Записки Всесоюзного минералогического общества*. 1946;75(1):5–24.

References

1. Shlyokin SI. *Russkii kosmizm: problemy irratsional'nogo znaniya, khudozhestvennogo chuvstva i nauchno-tekhniceskogo tvorchestva* [Russian cosmism: problems of irrational knowledge, artistic feeling, and scientific and technical creativity]. Moscow: LENAND; 2017. 344 p. Russian.
2. Balandin RK. *Noosfera Zemli. Prozreniya i zabluzhdeniya Vernadskogo* [Noosphere of the Earth. The insights and fallacies of Vernadsky]. Moscow: Veche; 2017. 288 p. Russian.
3. Kogan BYa, editor. *Aleksandr Evgen'evich Fersman: zhizn' i deyatel'nost'. 1883–1945* [Alexander Evgenievich Fersman: life and activity. 1883–1945]. Moscow: Nauka; 1965. 480 p. Russian.
4. Karako PS. Prerequisites and essence of V. I. Vernadsky's cosmic views. *Vesnik MDU imja A. A. Kuljashova. Seryja A. Gumanitarnyja navuki (gistoryja, filasofija, filalogija)*. 2018;1:13–22. Russian.
5. Fersman AE. *Khimicheskie elementy Zemli i Kosmosa* [Chemical elements of the Earth and Space]. Petrograd: Nauchnoe khimiko-tekhnicheskoe izdatel'stvo nauchno-tekhnicheskogo otdela VSNKh; 1923. 175 p. Russian.
6. Umov NA. [Evolution of worldviews in connection with the teachings of Darwin]. In: Semenova SG, Gacheva AG, editors. *Russkii kosmizm. Antologiya filosofskoi mysli* [Russian cosmism. Anthology of philosophical thought]. Moscow: Pedagogika-Press; 1993. p. 111–114. Russian.

7. Vernadsky VI. *Ocherki geokhimii* [Essays on geochemistry]. Moscow: Nauka; 1983. 422 p. Russian.
8. Fersman AE. *Ocherki po mineralogii i geokhimii* [Essays on mineralogy and geochemistry]. Moscow: Nauka; 1977. 192 p. Russian.
9. Vernadsky VI. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow: Nauka; 1989. 261 p. Russian.
10. Fersman AE. *Izbrannye trudy. Tom 4* [Selected works. Volume 4]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1959. 858 p. Russian.
11. Fersman AE. *Entertaining mineralogy*. Chelyabinsk: Ural LTD; 2000. 315 p. Russian.
12. Fersman AE. *Stories about gems*. Moscow: Nauka; 1974. 254 p. Russian.
13. Karako PS. Quations of beauty of the nature in the scientific and philosophical heritage of V. I. Vernadsky. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2017;2:18–28. Russian.
14. Karako PS. «Cosmic philosophy» of A. L. Chizhevsky: essence and place in the system of Russian cosmism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2018;2:40–50. Russian.
15. Karako PS. *Estetika prirody* [Aesthetics of nature]. Minsk: Ekoperspektiva; 2012. 246 p. Russian.
16. Fersman AE. Life path of Academician Vladimir Ivanovich Vernadsky (1863–1945). *Zapiski Vsesoyuznogo mineralogicheskogo obshchestva*. 1946;75(1):5–24. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2020.
Received by editorial board 10.02.2020.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 113/119(430)(091)

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ И. КАНТА, И. ФИХТЕ И НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА НА ФОРМИРОВАНИЕ НАТУРФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ Ф. ШЕЛЛИНГА

Н. В. ПУХОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявляется влияние идей предшественников Ф. Шеллинга – И. Канта и И. Фихте, а также немецких романтиков на формирование его натурфилософских взглядов. Ф. Шеллинг является создателем одной из грандиозных и наиболее влиятельных концепций философии природы в западноевропейской мысли XIX столетия. Главным тезисом всей его натурфилософии становятся вопросы о том, как из природы возникает дух, каким образом она развивается, как может познаваться человеческим разумом. Показано, в частности, что, отвечая на главный вопрос своей натурфилософии, Ф. Шеллинг опирается на идею И. Канта о внутренней целесообразности, тезис И. Фихте о тождестве Я и не-Я и поэтическое понимание природы, представленное в учении немецких романтиков.

Ключевые слова: натурфилософия; история философии; И. Кант; И. Фихте; немецкий романтизм; Ф. Шеллинг; философия природы.

Образец цитирования:

Пухова НВ. Влияние идей И. Канта, И. Фихте и немецкого романтизма на формирование натурфилософских взглядов Ф. Шеллинга. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020; 2:67–72.

For citation:

Pukhava NV. Influence of the ideas of I. Kant, I. Fichte and German romanticism on the formation of natural philosophy views of F. Schelling. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;2:67–72. Russian.

Автор:

Наталья Владимировна Пухова – аспирантка кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т. Г. Румянцева.

Author:

Natallia V. Pukhava, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
pukhava.natallia@gmail.com

INFLUENCE OF THE IDEAS OF I. KANT, I. FICHTE AND GERMAN ROMANTICISM ON THE FORMATION OF NATURAL PHILOSOPHY VIEWS OF F. SCHELLING

N. V. PUKHAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This article reveals the influence of the ideas of F. Schelling's predecessors – I. Kant and I. Fichte, as well as the German romantics on the formation of natural philosophy views of Schelling. He is creator of one of the grandiose and most influential concepts of the philosophy of nature in Western European thought of the 19th century. The main questions of all his natural philosophy becomes the question of how the spirit arises from nature, and the question of how nature develops, that it can be known by the human reason. It is shown that in answering the main questions of his natural philosophy, F. Schelling relies on the idea of Kant on internal expediency, and Fichte's thesis on the identity of *the Self* and *the non-Self*, and the poetic understanding of nature presented in the doctrines of the German romantics.

Keywords: natural philosophy; history of philosophy; I. Kant; I. Fichte; German romanticism; F. Schelling; philosophy of nature.

На формирование натурфилософских взглядов Ф. Шеллинга особенно повлиял ряд идей предшественников мыслителей, среди которых прежде всего следует отметить И. Канта, И. Фихте и представителей немецкого романтизма (И. Гёте, Новалис, Ф. Гельдерлин и др.). Здесь нельзя не упомянуть и о том, что философ был в курсе достижений естествознания своего времени и его новейших открытий, таких как законы сохранения и превращения энергии, исследования свойств электричества и магнетизма, развитие современной химии (в этот период становится популярной теория теплорода, флогистона, хотя кислород и открыт, но до конца не был понятен процесс горения и тепла) и биологии (возникает идея развития, т. е. историчности природы). На фоне кризиса механистической картины мира и вышеперечисленных открытий он разрабатывает свою концепцию природы. Речь здесь идет, в частности, об идее И. Канта о внутренней целесообразности природы, тезисе И. Фихте о тождестве *Я* и *не-Я* в *Я* и акцентированном в немецком романтизме поэтическом понимании природы.

Суммируя главные идеи всей натурфилософии, а это работы главным образом раннего периода творчества Ф. Шеллинга («Идеи к философии природы» (1797), «О мировой душе» (1798), «Введение к наброску системы философии природы» (1799) и более поздние работы после написания «Трансцендентального идеализма» (1800), «Изложение моей системы философии» (1801) и др.), его концепцию можно свести к следующему. Человек появляется в процессе развития самой природы и становится, таким образом, ее частью. Отсюда вполне закономерно возникает вопрос: «Каким образом развитие природной реальности приводит к тому, что она познается человеческим разумом?» И если под природой понимается мир, который предшествует человеческому сознанию и его познанию,

т. е. мир, не заключающий в себе еще знания, но познаваемый, то как природа (в самом человеке) приходит к знанию? Каким образом из природы возникает духовная реальность?

Все эти идеи являются проблемными точками философии природы Ф. Шеллинга. Впервые именно его критическая философия правильно поставила вопрос о возникновении знания, показала, что оно не существует как некая данность, а возникает из природы; что наши представления о мире – это необходимый продукт самого разума, который, в свою очередь, заложен и организован природой в человеке. Ф. Шеллинг значительно расширил и дополнил познавательную теорию И. Канта, добавив в нее исторический, или, как он сам его называл, генетический аспект. Он реформировал ее в теорию о развитии природы и духа. Хотя, по словам А. И. Герцена, «последователи Шеллинга взяли формальную сторону его учения; дух, веющий в его писаниях, не был ими схвачен; они не сумели раздуть искры глубокого созерцания, рассеянные у него везде, в светлую струю пламени. Нет, они соорудили из его воззрения какое-то странное здание, метафизико-сентиментальное; схоластическая сухость сочеталась у них с чисто немецкой гемютлихкейт» [1, с. 133].

Влияние идей И. Канта на Ф. Шеллинга неочевидно в XXI в., особенно это касается вопросов о понятии цели в природе и ее познании. Если обязанностью природы является организация и формирование знания, то к числу главных идей натурфилософии принадлежит понятие организующей природы, т. е. природы, которая действует по внутренним целям. Вопрос о ее целесообразности поставил и решил именно И. Кант. Он обозначил его так: каким образом мы даем оценку возникновению органического тела или возможности организованного природного продукта? Ответ однозначный: мы не можем счи-

тать возникновение такого продукта результатом действия только механической причинности. Мы должны рассматривать связь и устройство частей органического продукта как их взаимодействие, которое, в свою очередь, определяется понятием целого, т. е. идеей цели: «В продукте природы каждая часть так же, как она существует посредством всех остальных, мыслится и как существующая ради других и ради целого, т. е. как орудие (орган); однако этого недостаточно (ибо она могла бы быть и орудием искусства и представляться возможной только как цель вообще) – она должна мыслиться как орган, создающий другие части (следовательно, каждая часть как создающая другую и наоборот); такой орган не может быть орудием искусства, он может быть только орудием предоставляющей весь материал для орудий (даже орудий искусства) природы; и лишь в этом случае и поэтому такой продукт может быть назван в качестве организованного и само организующего целью природы» [2, с. 215]. Если в природе все взаимодействует между собой без наличия цели, то органический продукт не будет понятен нашему познанию. Такие внутренние цели природы являются естественными; в противном случае, если цели располагаются вне природы и являются идеями божественного разума, то они будут носить не органический, а технический характер. При внешнем обосновании любой продукт природы будет произвольным изделием, и когда его возникновение является не необходимым, а случайным, то идея природы теряет свой смысл. Другими словами, любое органическое тело мы должны считать возникшим в соответствии с внутренней и естественной целесообразностью.

И. Кант пишет об идеальном значении такого принципа, отвергая при этом его реальное значение. Он признает, что телеология необходима только для нашей рефлектирующей способности суждения, но не для познающей (определяющей) способности суждения. Такие выводы являются одной из особенностей трансцендентальной философии. Для кёнигсбергского философа объективная целесообразность не может существовать в реальном значении, так как она принципиально непознаваема. Цель понимается как внутренняя причина и намерение. В материи не может быть никаких внутренних причин, она только объект внешнего сознания. Целесообразность в природе познаваема лишь постольку, поскольку она руководствуется только интеллектом, т. е. она познаваема только в нас самих, а не во внешних телах. «Слепая» целесообразность не является объектом нашего опыта и поэтому не служит для нашего знания предметом исследования. И. Кант ограничивает значение телеологии нашей рефлектирующей способностью суждения, т. е. субъективным рассмотрением вещей.

Ф. Шеллинг соглашается со знаменитым кёнигсбергским философом в тех пунктах, которые касаются внутренней целесообразности как необходимого представления органических продуктов природы; понятия, интеллекта, духа в любой целесообразности и самоорганизации материи, при которой требуется присутствие в ней интеллекта, или духа в природе. Однако И. Кант отрицал такое сочетание признаков в качестве объекта знания, а Ф. Шеллинг его признает. Это является одним из главных расхождений между философами. Натурфилософские идеи Ф. Шеллинга проникнуты духом гилозоизма, так как природа у него действует по внутренним законам самой живой материи, что было отвергнуто И. Кантом: «Если мы, в конце концов, объединяем природу в одно целое, то механизм, т. е. нисходящий ряд причин и действий, и целесообразность, т. е. независимость от механизма, одновременность причин и действий, противостоят друг другу. Благодаря тому, что мы объединяем еще и эти два предела, в нас возникает идея целесообразности целого... ни единичное не могло образоваться без целого, ни целое без единичного. Эта абсолютная целесообразность целого природы есть идея, которую мы мыслим не произвольно, а необходимо» [3, с. 126].

Для преодоления преграды, которую поставил И. Кант, следовало показать, что существует бессознательный интеллект («слепая» целесообразная деятельность), т. е. всякой деятельности человеческого сознания предшествуют необходимые бессознательные творения природы, которые и являются условиями знания и сознания. Этим также обосновывается и их реальность. Именно такое доказательство и дал И. Фихте в своем учении о творческом воображении, а Ф. Шеллинг сохранил и заимствовал ее.

Бессознательный интеллект, как главное условие созидającego Я, расширило систему философии природы. Однако методологическая установка И. Фихте в понимании «объективного» вела к целому ряду неувязок. В его системе сознание не углубляется в «объективное». Оно осуществляет свое движение от «субъективного» к «объективному», однако обратного движения здесь нет. В силу такой односторонности система не может получить своего завершения и подтвердить, что *Я есть все*. Вопреки замыслу И. Фихте, *Я* и *не-Я* так и не воссоединяются: в деятельности *Я* «объективное» постоянно становится проблемой на пути к тождеству *Я* (с самим собой и *не-Я*). Правда, анализ «объективного» мог бы стать заключительным пунктом всей системы и дать окончательное подтверждение первому основоположению наукоучения, согласно которому *Я равно Я* (т. е. *Я* есть *Я* и *не-Я*). Но система И. Фихте не заканчивается таким принципом. Он не рассматри-

вает «объективное» в отдельности от субъективного сознания; по сути, оно лишено самостоятельности и может быть осмыслено только по отношению к «субъективному». Задуманный как всеобщий, фихтевский диалектический подход оказывается применимым только в узком смысле: «...это возвышение своего Я, начатое Кантом и завершенное Фихте, должно было неизбежно погрузить человеческий разум в своего рода ужас и заставить его отшатнуться от необходимости в будущем раз и навсегда рассчитывать на одни только свои единичные силы; поневоле человеческому разуму пришлось искать убежища в *абсолютном тождестве* Шеллинга, *искать* помощи и содействия в чем-то вне самого себя, в чем-то таком, что не есть он сам. К несчастью, разум обратился к природе, и, к еще большему несчастью, он, в конце концов, слился с природой» [4, с. 83].

Отсюда становится понятным, что Ф. Шеллинг попытается преодолеть ограниченность фихтевского метода, что будет невозможно без внесения существенных изменений в понимание самого «объективного» как такового.

В науках о природе Ф. Шеллинг видит изменения, процессы и тенденции, а не состояния, как это полагал И. Фихте. Это стало результатом его глубокого изучения тех открытий, которые происходили в естествознании того времени (исследования магнетизма и электричества, идея историчности природы, законы сохранения и превращения энергии, а особенно идеи теплорода, флогистона в химии). Ф. Шеллинг пишет о том, что естествознание принимает по умолчанию объективное (или природу) как первичное, но явления природы переводит в форму теории, и таким образом объективные процессы объясняются исходя из субъективных установок. Эмпирическое же естествознание характеризуется своей теоретичностью, вступая тем самым на общую с философией почву разума. Тогда хаос явлений становится разумно упорядоченным.

Если мы все же допустим вслед за И. Фихте, что научные теории об одном и том же объекте сменяют друг друга на основании субъективных конструкций, то появление каждой из них не обосновано с точки зрения объективной необходимости. Однако Ф. Шеллинг, в отличие от своего предшественника, отталкивается от идеи эволюционирующего естествознания и объясняет развитие тех или иных научных теорий на основе выявленных закономерностей в развитии самих природных процессов. Их можно выразить как тенденцию к все большей идеализации объекта и его постепенной дематериализации. Таким образом, Ф. Шеллинг выявляет внутри естественно-научного познавательного процесса то, что не усмотрел И. Фихте, акцентируя лишь движение от объективного в сторону субъек-

тивного. Он расширяет метод наукоучения, называя его *методом потенцирования*.

Помимо идей И. Канта и И. Фихте, большое влияние на понимание природы и ее познания Ф. Шеллингом оказали идеи немецкого романтизма. Об этом пишет известный немецкий биолог XIX в. А. Браун: «Как прямо противоположно плоскому материализму это воззрение! Но к нему порываемся и мы, только идеализм может оказать нам помощь. И такой идеализм был свойственен Шеллингу и всему его времени – стоит лишь сравнить его гениальные “Чтения о методе академической науки” с воззрениями, господствующими теперь во всей научной области! Пламенный идеализм одушевлял этого мыслителя и его современников, и ему обязаны мы той прекрасной культурой, какой мир еще никогда не видел» [5, с. 10].

Принципы фихтевской системы немецкие романтики (Гельдерлин, Новалис и др.) рассматривают сквозь призму провозглашаемого ими призыва «Творить!». Принцип же деятельного сознания, по Фихте, они преобразуют в деятельность по созданию художественного творения: абстрактное Я – в гения, не-Я – в произведение искусства. Не-Я, таким образом, становится живым объектом, в который художником вложена душа. Другими словами, в ходе творческой переработки природа становится очеловеченной и поэтизированной. Искусство является теперь привилегированной сферой взаимодействия природы и человека. Только поэтам дано понять, чем природа может быть для человека.

Такой подход был отличен от естественно-научного понимания природы того времени, которое преимущественно базировалось на принципах механики. Во многом он стал своего рода ответом на запрос самих же этих наук, находившихся в поиске универсальных принципов развития природы. Естественно-научные методы, аналитически расчленявшие природу и исследовавшие лишь отношения между ее частями, не выявляя ее внутреннюю целостность и единство, были отвергнуты романтиками, которым такой рассудочный взгляд на природу казался избыточно односторонним, не способным постичь ее внутреннюю глубину. Предлагаемый же ими поэтический подход, противостоящий натурализации человека, чрезвычайно импонировал Ф. Шеллингу, который под его влиянием так писал о природе: «Именуемое нами природой – лишь поэма, скрытая под оболочкой чудесной тайнописи» [6, с. 393–394].

С позиций разума взгляд на природу романтиков и Ф. Шеллинга представляется почти что фантастическим, он был хотя и радикальным, но тем не менее вполне возможным ответом на избыточно расчетливое отношение к природе, провозглашенное философией Просвещения с ее безгранич-

ной верой в разум. У романтиков, а вслед за ними и у Шеллинга, природа становится неким «человекоподобным существом», субъектом и объектом одновременно.

Влияние идей романтиков проявилось особенно отчетливо, когда Ф. Шеллинг стал интересоваться проблемами художественного творчества и соотношением между искусством и природой: «Прежде всего таким философским осознанием мистического чувства природы, более современным, более соответствующим требованиям науки и вместе с тем монистическим по существу, явилась для романтиков философия Шеллинга. В самом Шеллинге жило непосредственное поэтическое чувство природы: вот почему его философские произведения похожи на поэмы» [7, с. 48].

Таким образом, «учителями в философии были для Шеллинга Кант и Фихте. Великой заслугой Канта было то, что он, занимаясь рассмотрением опытного знания, положил момент всеобщности в мышлении. Это – резюме всех трех “Критик”» [8, с. 12; 9].

Благодаря И. Канту он развивает идею о целесообразности природы или ее предзаданности. У И. Фихте же он заимствует идею о бессознатель-

ном интеллекте, не противопоставляя при этом природу разуму, как это делали его великие предшественники (феноменальное – ноуменальному, Я – не-Я). Ф. Шеллинг преодолевает чисто субъективистский подход к пониманию природы и предлагает свой принцип *единства природы и духа* (разума), согласно которому разум становится завершающим этапом эволюции самой природы, и, более того, возникновение его из природы является неоспоримым свидетельством желания самой этой природы (идея романтизма). Это возникновение разума из природы обосновывает и саму «разумность» природы.

Натурфилософские тезисы Ф. Шеллинга находят себя и в современных научных дискуссиях, поскольку идеи этого немецкого мыслителя предвосхитили главное открытие XIX в. – теорию эволюции Ч. Дарвина. Именно Ф. Шеллинг показал, что человеческое сознание не возникает само по себе, а этому предшествуют действия природных сил. Таким образом, природа сама создает человеческий разум, который и является инструментом для познания ей самой себя. Такая точка зрения возникает благодаря предшествующей традиции немецких философов и романтиков.

Библиографический ссылки

1. Герцен АИ. Письма об изучении природы: письмо первое. Эмпирия и идеализм. В: Пустарнаков В, составитель. *Фридрих Шеллинг: pro et contra*. Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия; 2001. с. 132–134.
2. Кант И. *Критика способности суждения*. Том 5. Москва: Чоро; 1994. 414 с.
3. Шеллинг Ф. *Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки*. Санкт-Петербург: Наука; 1998. 518 с.
4. Чаадаев ПЯ. Отрывки и афоризмы. В: Пустарнаков В, составитель. *Фридрих Шеллинг: pro et contra*. Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия; 2001. с. 83–84.
5. Борн М. *Моя жизнь и взгляды*. Арский М, Белоконов В, переводчики. Москва: Прогресс; 1973. 176 с.
6. Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма. В: Шеллинг Ф. *Сочинения*. Том 1. Москва: Мысль; 1987. с. 227–489.
7. Жирмунский ВМ. *Немецкий романтизм и современная мистика*. Санкт-Петербург: Аксиома; 1996. 231 с.
8. Пестов АЛ. Натурфилософское учение Шеллинга. В: Шеллинг Ф. *Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки*. Санкт-Петербург: Наука; 1998. с. 5–62.
9. Фишер К. Учение Шеллинга о природе. В: Шеллинг Ф. *Лекции о методе университетского образования*. Фокин И, переводчик. Санкт-Петербург: Издательский дом «Мир»; 2009. с. 141–346.

References

1. Gertsen AI. [Letters on the study of nature: first letter. Empiria and idealism]. In: Pustarnakov V, compiler. *Friedrich Schelling: pro et contra*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy; 2001. p. 132–134. Russian.
2. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya*. Tom 5 [Critique of judgment. Volume 5]. Moscow: Choro; 1994. 414 p. Russian.
3. Schelling F. *Idei k filosofii prirody kak vvedenie v izuchenie etoi nauki* [Ideas for the philosophy of nature as an introduction to the study of this science]. Saint Petersburg: Nauka; 1998. 518 p. Russian.
4. Chaadaev PYa. [Excerpts and aphorisms]. In: Pustarnakov V, compiler. *Friedrich Schelling: pro et contra*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy; 2001. p. 83–84. Russian.
5. Born M. *Moya zhizn' i vzglyady* [My life and views]. Arskiy M, Belokon' V, translators. Moscow: Progress; 1973. Russian.
6. Schelling F. [The system of transcendental idealism]. In: Schelling F. *Sochineniya*. Tom 1 [Works. Volume 1]. Moscow: Mysl'; 1987. p. 227–489. Russian.

7. Zhirmunskii VM. *Nemetskii romantizm i sovremennaya mistika* [German romanticism and modern mysticism]. Saint Petersburg: Aksioma; 1996. 231 p. Russian.

8. Pestov AL. [Schelling's natural philosophy]. In: Schelling F. *Idei k filosofii prirody kak vvedenie v izuchenie etoi nauki* [Ideas for the philosophy of nature as an introduction to the study of this science]. Saint Petersburg: Nauka; 1998. p. 5–62. Russian.

9. Fisher K. [Schelling's doctrine of nature]. In: Schelling F. *Lektsii o metode universitetskogo obrazovaniya* [Lectures on the method of university education]. Fokin I, translator. Saint Petersburg: Izdatel'skii dom «Mir»; 2009. p. 141–346. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2020.
Received by editorial board 10.02.2020.

УДК 316+338.48

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТУРИСТОВ У РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП РАБОТНИКОВ ГОСТИНИЦ И САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТУРИСТОВ – ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Д. В. КЛИМОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проведена верификация гипотез, связанных с влиянием пола респондентов, занимаемой ими должности и иных признаков на характер социальных представлений. Проведен сравнительный анализ социальных представлений работников гостиничных предприятий о различных национальных группах туристов с соответствующими саморепрезентациями туристов. Приведены результаты факторного анализа социальных репрезентаций по биполярным конструктам семантического дифференциала, раскрывающие особенности данной методики применительно к сфере туризма и гостеприимства.

Ключевые слова: социальные репрезентации; семантический дифференциал; гостиничный бизнес; индустрия гостеприимства; иностранные туристы.

Образец цитирования:

Климович ДВ. Социальные репрезентации туристов у различных групп работников гостиниц и саморепрезентации туристов – представителей отдельных государств. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;2:73–86.

For citation:

Klimovich DV. Social representations of tourists by various groups of hotel employees and self-representations of tourists representatives of separate countries. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;2:73–86. Russian.

Автор:

Дарья Викторовна Климович – аспирантка кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:

Darya V. Klimovich, postgraduate student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
dasha_by@mail.ru

SOCIAL REPRESENTATIONS OF TOURISTS BY VARIOUS GROUPS OF HOTEL EMPLOYEES AND SELF-REPRESENTATIONS OF TOURISTS REPRESENTATIVES OF SEPARATE COUNTRIES

D. V. KLIMOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the verification of hypotheses related to the influence of the gender of respondents, their position and other attributes on the nature of social representations. The article also includes the material of a comparative analysis of the social representations by hospitality industry employees about various national groups of tourists with relevant self-representations of tourists. The article concludes with the results of a factor analysis of social representations on bipolar constructs of the semantic differential, revealing the features of this methodology for tourism and hospitality.

Keywords: social representations; semantic differential; hotel business; hospitality industry; foreign tourists.

Материал продолжает цикл публикаций, описывающих различные аспекты социальных репрезентаций гостей из разных стран у работников предприятий гостиничного бизнеса [1–3]. Целями государственной программы «Беларусь гостеприимная» на 2016–2020 гг. являются формирование и развитие современного конкурентоспособного туристического комплекса, внесение вклада туризма в развитие национальной экономики¹. В свою очередь, конкурентоспособность туристической индустрии в значительной степени обусловлена качеством оказываемых услуг, а наиболее сложной и проблемной стороной гостиничного сервиса является обслуживание гостей из разных стран. При этом причинами неудовлетворительного обслуживания туристов, факторами потребительской неудовлетворенности зачастую являются не фактическое непонимание структуры и содержания их туристических запросов, а неверное представление о культурных, психологических особенностях, наличие деструктивных предубеждений, не вполне адекватных представлений и установок.

Изучение характера репрезентаций гостей из различных стран у работников предприятий гостиничного бизнеса, выделение ключевых детерминант, их обуславливающих, позволят подойти к решению проблемы повышения качества обслуживания иностранных гостей, создадут базис для выработки необходимых организационно-методических и управленческих мероприятий. В свою очередь, соотнесение репрезентаций у работников предприятий гостиничного бизнеса с саморепрезентациями туристов прольют свет на ключевые параметры несоответствий, их возможные причины, определяют направления совершенствования.

Таким образом, цель исследования – определение содержания социальных репрезентаций зару-

бежных и белорусских гостей у работников предприятий гостиничного бизнеса.

Использована методика личностного семантического дифференциала, содержащая 21 биполярную шкалу и включающая полюса трех классических факторов, таких как *оценка, сила и активность* [6; 7].

Исследование было проведено в гостиницах Минска различной категории. Выборка состояла из 107 респондентов – работников гостиничных предприятий в возрасте от 18 до 57 лет, среди которых 80 женщин и 27 мужчин. Респонденты представляли следующие должности: администратор, консьерж, швейцар, специалист по бронированию, телефонный оператор, менеджер, супервайзер, горничная, метрдотель, бармен, официант, крупье, охранник, инструктор по физической подготовке. Выборка респондентов для исследования национальных саморепрезентаций включала в себя 45 туристов – представителей Российской Федерации, 40 – Китайской Народной Республики и 44 – Республики Беларусь. Поскольку в исследовании ставилась цель не количественно оценить различия между репрезентациями работников сферы гостеприимства и национальными саморепрезентациями, а лишь выявить наличие или отсутствие таковых, выбор национальных групп был обусловлен не только значимостью с точки зрения туристической привлекательности того или иного национального сегмента рынка, но и фактором культурной дистанции. Иными словами, были выбраны как группы туристов с потенциально максимальной культурной дистанцией (китайцы как представители азиатской цивилизации, достаточно закрытой для европейцев на протяжении многих столетий вплоть до последнего десятилетия), так и с минимальной (россияне и белорусы). Таким образом, если описанные различия объектив-

¹Об утверждении Государственной программы «Беларусь гостеприимная» на 2016–2020 гг. : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 марта 2016 г., № 232 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь : сб. правовых актов. 2016. № 13. С. 179 ; Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2019. URL: http://president.gov.by/ru/tourism_ru/ (дата обращения: 19.12.2019).

но существуют даже на минимальном уровне, они, скорее всего, будут выявлены в группе туристов из КНР, если же различия носят существенный характер, то их обнаружение на статистически значимом уровне вероятно и в отношении групп туристов из Республики Беларусь и Российской Федерации.

Социальные репрезентации туристов из разных стран у работников гостиничных предприятий исследовались в несколько этапов. На первом этапе на основе анализа статистических данных въездного туризма были выделены страны, лидирующие по количеству прибытий в Республику Беларусь. Таким образом, объектами матрицы личностного семантического дифференциала стали представители стран – лидеров въездного туризма и туристы – граждане Республики Беларусь. На втором этапе исследования респондентам – работникам сферы гостеприимства – было предложено оценить каждый объект по 7-балльной шкале, заданной биполярными конструктами [1–3]. На третьем этапе исследования были опрошены туристы – представители Республики Беларусь, Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Для обработки полученных данных использованы следующие статистические критерии и виды анализа: 1) кластерный анализ; 2) факторный анализ; 3) непараметрические критерии (Манна – Уитни, Колмогорова – Смирнова, Вальда – Вольфовица).

В результате обнаружены различия в репрезентациях гостей из разных стран у мужчин и женщин – работников предприятий гостиничного бизнеса. Оценки женщин по биполярным конструктам *дружелюбный – враждебный* ($p \leq 0,01$) и *уверенный – неуверенный* ($p \leq 0,01$) были выше, нежели оценки мужчин. Иными словами, респонденты-женщины оценивали гостей из разных стран как более дружелюбных и уверенных (рис. 1).

Указанные различия могут быть объяснены как объективными, так и субъективными факторами. Туристы могут действительно вести себя с работниками гостиниц – представителями женского пола – более дружелюбно и уверенно. Субъективно можно отметить, что женщины менее склонны к агрессии, а более – к эмпатии и экстраполяции собственных поведенческих признаков на представителей социального окружения.

Выявлена статистическая взаимосвязь между владением иностранным языком работниками предприятий гостиничного бизнеса и социальными репрезентациями туристов (рис. 2). Так, работникам предприятий индустрии гостеприимства, не владеющим иностранным языком, туристы из различных стран представляются более обаятельными ($p \leq 0,01$) и разговорчивыми ($p \leq 0,01$).

Эти парадоксальные на первый взгляд статистические наблюдения могут быть объяснены конфликтогенным характером деятельности в гости-

Рис. 1. Различия в социальных репрезентациях гостей из разных стран у мужчин и женщин – работников предприятий гостиничного бизнеса

Fig. 1. Differences in social representations of guests from different countries in men and women – hospitality industry employees

ничной индустрии, что выражается в необходимости ежедневного реагирования на множество претензий, жалоб, проблем клиентов. При этом очевидно, что работники гостиничных предприятий, владеющие иностранным языком, значительно чаще разрешают конфликтные ситуации, чем их менее компетентные в языковом отношении коллеги. Таким образом, работникам, владеющим иностранным языком, приходится выслушивать недовольных, раздраженных гостей, что и может быть причиной формирования менее позитивных

репрезентаций. Работники сферы гостеприимства, не владеющие иностранным языком, воспринимают туристов как более разговорчивых, поскольку склонны давать позитивные оценки без объективной верификации фактов, т. е. реального языкового общения. В качестве признака высокой «разговорчивости» работники могут рассматривать невербальные формы коммуникации, к которым гости прибегают вынужденно: не зная языка, они более энергично и эмоционально жестикулируют, что может восприниматься как признак общительности.

Рис. 2. Различия в социальных репрезентациях гостей из разных стран у работников предприятий гостиничного бизнеса в зависимости от владения иностранным языком

Fig. 2. Differences in social representations of guests from different countries in hospitality industry employees depending on their knowledge of a foreign language

Кроме того, была выявлена взаимосвязь характера социальных репрезентаций и занимаемой должности. Для получения наиболее полной картины вариативности репрезентаций у представителей различных должностей, а также в целях определения близких и существенно различающихся профессиональных групп сотрудников был проведен кластерный анализ. В результате выделились четыре кластера: 1) инструкторы по физической подготовке и охранники; 2) горничные; 3) менеджеры, администраторы, телефонные операторы, бармены, крупье; 4) швейцары, консьержи, специалисты по бронированию, метрдотели и официанты (рис. 3).

Репрезентации туристов из разных стран у инструкторов по физической подготовке и охранников, образовавших кластер 1, в большей степени от-

личались от репрезентаций у представителей иных должностей (рис. 3).

Работники гостиничных предприятий, образовавшие кластер 1 (рис. 4), оценивали туристов как более обаятельных ($p \leq 0,01$), разговорчивых ($p \leq 0,01$), добросовестных ($p \leq 0,01$), открытых ($p \leq 0,01$), добрых ($p \leq 0,02$), независимых ($p \leq 0,01$), деятельных ($p \leq 0,01$), отзывчивых ($p \leq 0,01$), решительных ($p \leq 0,01$), энергичных ($p \leq 0,01$), справедливых ($p \leq 0,03$), уверенных ($p \leq 0,01$), общительных ($p \leq 0,01$) и самостоятельных ($p \leq 0,01$), в отличие от представителей иных должностей, вошедших в состав остальных кластеров, которые репрезентировали гостей из разных стран как более упрямых ($p \leq 0,01$), напряженных ($p \leq 0,01$) и раздражительных ($p \leq 0,01$).

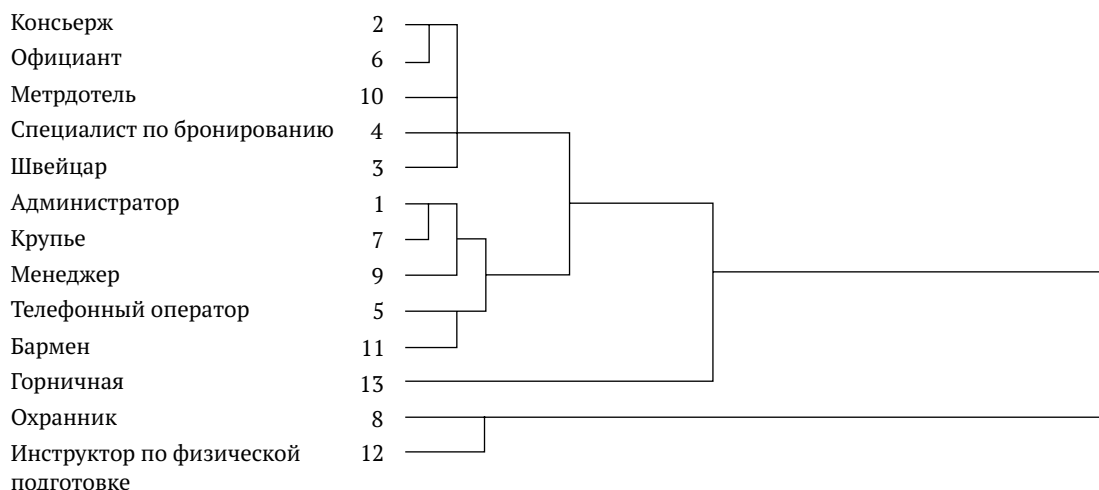

Рис. 3. Кластеризация социальных репрезентаций гостей из разных стран у представителей различных должностей предприятий гостиничного бизнеса

Fig. 3. Clustering social representations of guests from different countries in representatives of various positions of hospitality industry employees

Рис. 4. Различия в социальных репрезентациях гостей из разных стран у представителей первой (кластер 1) и второй (кластеры 2–4) групп кластеров

Fig. 4. Differences in social representations of guests from different countries in representatives of the first (cluster 1) and second (clusters of 2–4) cluster groups

Кластер 2 был образован исключительно горничными, которые оценивали туристов из различных стран как более раздражительных ($p \leq 0,01$), нежели сотрудники гостиничных предприятий, сформировавшие кластеры 3 и 4 (рис. 5), которые, в свою очередь, оценивали туристов как более сильных ($p \leq 0,01$), добросовестных ($p \leq 0,01$), открытых ($p \leq 0,01$), независимых ($p \leq 0,01$), отзывчи-

вых ($p \leq 0,01$), энергичных ($p \leq 0,01$), дружелюбных ($p \leq 0,01$), общительных ($p \leq 0,01$) и самостоятельных ($p \leq 0,01$).

Работники гостиничных предприятий, образовавшие кластер 3, в отличие от сотрудников отелей, вошедших в состав кластера 4 (рис. 6), репрезентировали туристов как более обаятельных ($p \leq 0,01$), сильных ($p \leq 0,01$), разговорчивых ($p \leq 0,01$), до-

бросовестных ($p \leq 0,01$), независимых ($p \leq 0,01$), желюбных ($p \leq 0,01$), уверенных ($p \leq 0,01$), общи-
деятельных ($p \leq 0,01$), решительных ($p \leq 0,01$), тельных ($p \leq 0,01$), честных ($p \leq 0,01$) и самостоя-
энергичных ($p \leq 0,01$), справедливых ($p \leq 0,01$), дру- тельных ($p \leq 0,01$).

Рис. 5. Различия в социальных репрезентациях гостей из разных стран у представителей группы базовых кластеров 3, 4 и кластера 2

Fig. 5. Differences in social representations of guests from different countries in representatives of groups basic clusters 3, 4 and cluster 2

Рис. 6. Различия в социальных репрезентациях гостей из разных стран у представителей кластеров 3, 4

Fig. 6. Differences in social representations of guests from different countries in representatives of clusters 3, 4

Различия в репрезентациях гостей из разных стран у представителей профессий, вошедших в состав кластера 1, были выявлены по биполярному конструкту *уверенный – неуверенный* ($p \leq 0,02$). При этом инструкторы по физической подготовке, в отличие от работников службы безопасности, считали туристов более уверенными (рис. 7).

Статистически значимых различий в репрезентациях туристов не было выявлено у следующих респондентов, вошедших в состав кластера 3: 1) у телефонных операторов и менеджеров; 2) телефонных операторов и барменов; 3) телефонных операторов и крупье. Бармены оценивали иностранных и белорусских гостей как более раздражительных ($p \leq 0,04$), нежели крупье и менеджеры. Менеджеры, в отличие от барменов, считали туристов из различных стран более независимыми ($p \leq 0,02$), а в отличие от крупье – более напряженными ($p \leq 0,01$) и суетливыми ($p \leq 0,01$). В отличие от администраторов, менеджеры оценивали гостей как более деятельных ($p \leq 0,01$), энергичных ($p \leq 0,01$), напряженных ($p \leq 0,01$) и упрямых ($p \leq 0,05$). Туристы представлялись администраторам гостиничных предприятий более раздражительными ($p \leq 0,04$), чем крупье, более упрямыми ($p \leq 0,01$), чем телефонным операторам, и более независимыми ($p \leq 0,03$), чем барменам. Бармены, по сравнению с администраторами, репрезентировали туристов как более раздражительных ($p \leq 0,01$) и упрямых ($p \leq 0,03$) (рис. 8).

В кластере 4 наиболее схожие представления об иностранных и белорусских туристах были у консьержей, официантов и метрдотелей. Швейцары, в отличие от представителей остальных профессий, входящих в состав данного кластера, оценивали гостей как более обаятельных ($p \leq 0,01$). Консьержи репрезентировали туристов как более энергичных ($p \leq 0,04$), чем швейцары, и более самостоятельных ($p \leq 0,04$), нежели специалисты по бронированию, которые, в свою очередь, считали туристов более раздражительными ($p \leq 0,01$). Оценки метрдотелей по конструкту *справедливость* ($p \leq 0,01$), а официантов по конструктам *независимость* ($p \leq 0,01$), *уверенность* ($p \leq 0,01$), *самостоятельность* ($p \leq 0,01$), *решительность* ($p \leq 0,02$) и *справедливость* ($p \leq 0,02$) в отношении гостей из различных стран были выше по сравнению с оценками специалистов по бронированию (рис. 9).

Наблюдаемую кластерную структуру формируют два фактора: 1) социокультурный; 2) профессиональный.

Наиболее отличные от иных групп репрезентации продемонстрировали охранники и инструкторы по физической подготовке. Вероятно, это обусловлено социокультурным фактором, поскольку как первые, так и вторые – физически развитые мужчины, зачастую прошедшие службу в вооруженных силах или иных силовых структурах, а также имеющие опыт занятий физической культурой и спортом.

Рис. 7. Различия в социальных репрезентациях гостей из разных стран у представителей профессий, образовавших кластер 1

Fig. 7. Differences in social representations of guests from different countries in representatives of professions formed cluster 1

Рис. 8. Различия в социальных репрезентациях гостей из разных стран у представителей профессий, образовавших кластер 3
Fig. 8. Differences in social representations of guests from different countries in representatives of professions formed cluster 3

Рис. 9. Различия в социальных репрезентациях гостей из разных стран у представителей профессий, образовавших кластер 4
Fig. 9. Differences in social representations of guests from different countries in representatives of professions formed cluster 4

Различия в оценках горничных, весьма вероятно, обусловлены характером их профессиональной деятельности, которая весьма специфична, поскольку, с одной стороны, их работа непосредственно направлена на удовлетворение потребностей гостя, а с другой, непосредственный контакт с постояльцами весьма ограничен и даже нежелателен. Репрезентации горничных, как правило, формируются не в процессе общения, а опосредованно – на основе взаимодействия с предметным миром гостя, в том числе оставленными им в номере личными вещами, предметами гардероба, их расположением, чистотой или неряшливостью. Можно сказать, что репрезентации горничных скорее формируются «социологией вещей».

Репрезентации остальных сотрудников гостиничных предприятий достаточно схожи, и наблюдаемые различия также могут быть объяснены спецификой профессиональной деятельности, а именно доминированием в их работе функций *front* и *back office*. Работа *front office* (швейцары, консьержи, специалисты по бронированию, метрдотели и официанты) предполагает доминирующий объем непосредственных взаимодействий с гостем. При этом работа менеджеров, администраторов, телефонных операторов, кроме прямого контакта с клиентом, которое в гостиничном бизнесе осуществляют все сотрудники, включая директора, выполняют множество технических, операционных управленческих функций, не требующих прямого комму-

никативного взаимодействия. Составляющие исключение из данного списка профессии бармена и крупье обладают специфичностью: в частности, работа крупье более формализована и подчиняется строгим правилам, ограничивающим возможности свободных межличностных коммуникаций. Бармены же наблюдают гостей в особой обстановке, предполагающей отдых, употребление алкогольных напитков, что могло существенно повлиять на характер их репрезентаций.

Небольшие межкластерные различия (кластеры 3, 4) можно объяснить наличием в структуре должностных обязанностей у одной из групп (кластер 3) управленческих функций. С одной стороны, это требует определенных личностных качеств и специальной подготовки при профессиональном отборе, а с другой стороны, сам характер управленческой деятельности может влиять на человека, а следовательно, и на социальные представления.

Одной из гипотез исследования являлось сходство между репрезентациями туристов у работников предприятий гостиничного бизнеса и саморепрезентациями этих туристов. Для ее подтверждения были опрошены респонденты – клиенты из Республики Беларусь, Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Статистически значимых различий между представлениями работников гостиничного бизнеса о белорусских гостях и их мнением о самих себе выявлено не было (рис. 10).

Рис. 10. Различия между социальными репрезентациями белорусских туристов у работников гостиничных предприятий и их представлениями о себе

Fig. 10. Differences between social representations of Belarusian tourists by hospitality industry employees and their representations of themselves

Между представлениями работников гостиничного бизнеса о российских туристах и их представлениями о самих себе статистически значимые различия были обнаружены по биполярным конструктам *обаятельный – непривлекательный* ($p \leq 0,01$) и *разговорчивый – молчаливый* ($p \leq 0,04$). Причем работники отелей описали российских туристов как обаятельных и разговорчивых, в то время как они сами не так высоко оценили себя (рис. 11).

Представления работников гостиничной сферы о туристах из Китая практически не соответствовали их мнениям о себе (рис. 12). Китайцы, в отличие

от персонала отелей, оценивали себя значительно выше практически по всем конструктам, таким как *обаятельность* ($p \leq 0,01$), *сила* ($p \leq 0,01$), *разговорчивость* ($p \leq 0,04$), *добросовестность* ($p \leq 0,01$), *открытость* ($p \leq 0,01$), *добродота* ($p \leq 0,01$), *независимость* ($p \leq 0,01$), *деятельность* ($p \leq 0,01$), *решительность* ($p \leq 0,01$), *отзывчивость* ($p \leq 0,01$), *энергичность* ($p \leq 0,01$), *справедливость* ($p \leq 0,01$), *дружелюбие* ($p \leq 0,01$), *общительность* ($p \leq 0,01$), *уверенность* ($p \leq 0,01$), *честность* ($p \leq 0,01$), *самостоятельность* ($p \leq 0,01$), и гораздо ниже по качествам *суетливость* ($p \leq 0,01$) и *раздражительность* ($p \leq 0,01$).

Рис. 11. Различия между социальными репрезентациями российских туристов у работников гостиничных предприятий и их представлениями о себе

Fig. 11. Differences between social representations of Russian tourists by hospitality industry employees and their representations of themselves

Анализ различий между социальными репрезентациями туристов у работников гостиничных предприятий и представлениями туристов о себе позволяет в качестве рабочей гипотезы рассматривать географическую и культурную дистанцию как основные детерминанты, обуславливающие степень данных различий. Отсутствие статистически значимых различий между репрезентациями белорусских туристов у работников гостиничных предприятий и их представлениями о себе, различия в некоторых параметрах в отношении российских туристов и практически полное несовпадение саморепрезентаций китайских туристов с репрезентациями относительно последних у работников гостиничных предприятий являются указанием на потенциальную продуктивность названной гипотезы.

Различия в направленности несовпадений, а именно свойство российских туристов недооценивать себя в сравнении с работниками гостеприимства и свойство китайских туристов значительно переоценивать свои положительные качества требуют отдельного рассмотрения, и формулировка даже предварительных гипотез в рамках данного исследования представляется преждевременной.

Для проведения исследований социальных репрезентаций используется один из наиболее популярных видов инструментария – семантический дифференциал на основе биполярных (в отдельных случаях – унополярных) конструктов. В работах Ч. Осгуда [4; 5] были выделены три основных фактора – *оценка, сила, активность*. А. Лавойе и П. Бентлер дополнили классификацию Ч. Осгуда

Рис. 12. Различия между социальными репрезентациями китайских туристов у работников гостиничных предприятий и их представлениями о себе

Fig. 12. Differences between social representations of Chinese tourists by hospitality industry employees and their representations of themselves

факторами: *сложность, упорядоченность, реальность, обычность*. Аналогичные результаты были получены и иными исследователями (В. Ф. Петренко и др.) [5].

Предлагаемые факторные структуры репрезентаций представляются логичными и достаточно полными, вместе с тем выделение тех или иных факторов должно быть обосновано не только логически, но и статистически.

В настоящем исследовании, основной целью которого было выявление социальных репрезентаций гостей из разных стран у работников предприятий гостиничного бизнеса, для определения групп взаимосвязанных конструктов и верификации существующих факторных моделей (Ч. Осгуд, А. Лавойе, П. Бентлер и др. [4; 5]) был проведен факторный анализ социальных репрезентаций.

В результате обработки полученных данных методами факторного анализа (метод главных компонент) были выделены три основных фактора и один дополнительный, имеющий не столь весомую, однако достаточно существенную факторную нагрузку. Остальные факторы могут быть признаны менее значимыми (рис. 13).

Первый по значимости фактор определял 27,6 % общей дисперсии, второй – 12,8 %, третий – 10 %, четвертый (дополнительный) объяснял 5,5 % общего разброса данных (см. таблицу). Таким образом, кумулятивный (накопленный) эффект четырех вы-

деленных факторов обозначал более половины общей дисперсии (55,8 %).

В комбинацию первого фактора вошли такие биполярные конструкты, как *решительный – нерешительный, самостоятельный – несамостоятельный, независимый – зависимый, уверенный – неуверенный, деятельный – пассивный, сильный – слабый, энергичный – вялый*. Данный фактор со всей определенностью можно именовать фактором *сила*, что в полной мере подтверждает существующие факторные модели Ч. Осгуда, А. Лавойе [4; 5].

Второй фактор определялся биполярными конструктами *честный – неискренний, справедливый – несправедливый, добрый – эгоистичный, дружелюбный – враждебный, отзывчивый – черствый, добросовестный – безответственный, упрямый – уступчивый*. Данный фактор также не противоречит существующим моделям и может именоваться *оценка*, поскольку содержит конструкты, носящие оценочный характер в отношении черт, по которым можно достаточно однозначно говорить о социальной приемлемости (желательности) или неприемлемости (нежелательности) проявления того или иного качества. Например, честность, справедливость, доброта, дружелюбие являются социально желательными качествами в большинстве культур и у большинства народов. Биполярный конструкт *упрямый – уступчивый* выбивается из данного ряда, характеризуется как более нейтральный и в не-

которой степени относится к фактору *сила*, имеет с последним далеко не нулевой коэффициент корреляции (0,208).

Третий фактор был сформирован биполярными конструктами *разговорчивый – молчаливый, открытый – замкнутый, общительный – нелюдимый, обаятельный – непривлекательный*. Этот фактор

может быть назван *общительность*, или *открытость*.

Четвертый фактор образовали биполярные конструкты *расслабленный – напряженный, спокойный – суетливый, невозмутимый – раздражительный*. Данный фактор может именоваться фактор *спокойствие* (см. таблицу).

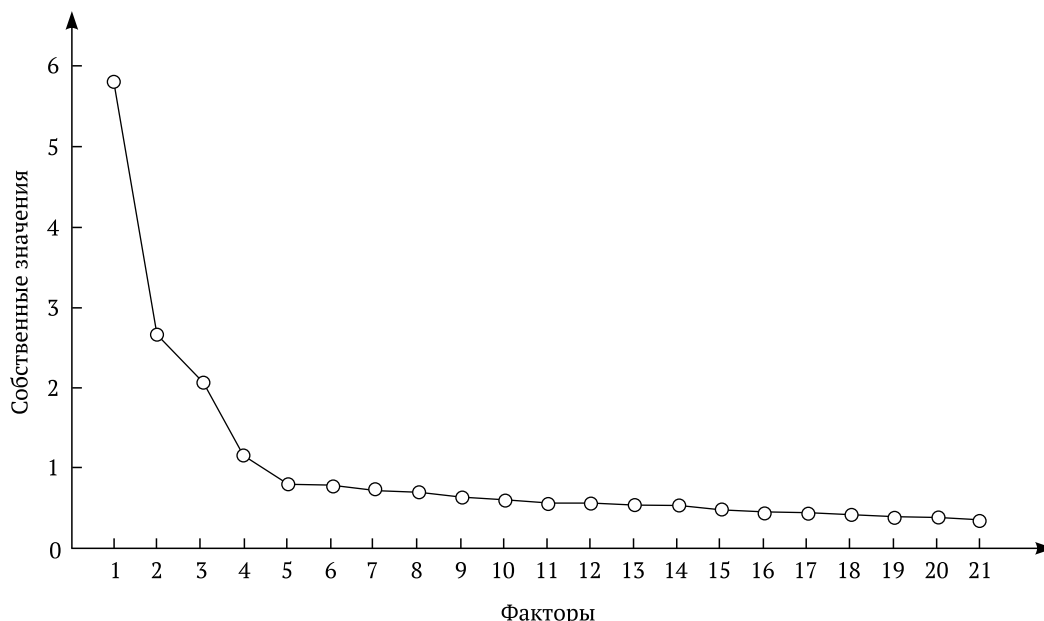

Рис. 13. График факторных нагрузок семантического дифференциала
Fig. 13. Schedule of factor loadings of semantic differential

Количественная структура факторных нагрузок семантического дифференциала

Quantitative structure of factor loadings of semantic differential

Компонента	Начальные собственные значения		
	Всего	Процент дисперсии	Кумулятивный процент
1	5,805	27,642	27,642
2	2,679	12,758	40,400
3	2,089	9,948	50,349
4	1,147	5,462	55,810
5	0,805	3,833	59,643
6	0,767	3,654	63,296
7	0,721	3,435	66,732
8	0,688	3,278	70,010
9	0,639	3,042	73,052
10	0,592	2,818	75,870
11	0,558	2,656	78,526
12	0,556	2,648	81,175
13	0,538	2,560	83,735

Окончание таблицы
Ending table

Компонента	Начальные собственные значения		
	Всего	Процент дисперсии	Кумулятивный процент
14	0,522	2,484	86,219
15	0,482	2,294	88,514
16	0,443	2,111	90,624
17	0,437	2,080	92,704
18	0,416	1,982	94,686
19	0,388	1,849	96,535
20	0,379	1,805	98,340
21	0,349	1,660	100,000

Статистический анализ данных на основе социальных репрезентаций туристов у работников гостиничного бизнеса показал необходимость дополнения существующей трехфакторной модели (*сила, оценка, активность*) и рассмотрения в качестве базовой четырехфакторной структуры социальных репрезентаций с выделением следующих факторов: *сила, оценка, общительность и спокойствие*.

Таким образом, в результате проведенного исследования было выявлено, что характер социальных репрезентаций в значительной степени детерминирован полом респондентов, занимаемой ими должностью, а также владением иностранным языком. В целом более положительные оценки туристам склонны давать женщины, работники гостиничных предприятий, не владеющие иностранным языком, работники службы безопасности и инструкторы по физической подготовке.

Сравнительный анализ социальных представлений работников гостиничных предприятий о различных национальных группах туристов с соответствующими репрезентациями представителей собственной нации у гостей из разных стран показал, что степень различий в основном обусловлена географической и культурной дистанцией. На это указывает отсутствие статистических различий в оценках белорусских туристов, наблюдаемые

незначительные различия в отношении россиян и практически полное несовпадение оценок в социальных репрезентациях китайских туристов.

Статистический анализ данных социальных репрезентаций туристов у работников гостиничного бизнеса показал необходимость дополнения существующей трехфакторной модели (*сила, оценка, активность*) и рассмотрения в качестве базовой четырехфакторной структуры социальных репрезентаций с выделением таких факторов, как *сила, оценка, общительность и спокойствие*.

Результаты данного исследования могут быть применены при разработке систем отбора и профессиональной ориентации сотрудников индустрии гостеприимства, программ подготовки и переподготовки кадров, направленных на совершенствование межкультурных коммуникаций.

Выявленные различия в социальных репрезентациях нескольких групп работников гостиничных предприятий могут быть использованы для оптимизации организационных структур, определения служебных полномочий и обязанностей.

Результаты факторного анализа семантического дифференциала будут полезны в дальнейших исследованиях и послужат основой для уточнения представленных моделей с новыми эмпирическими данными, полученными на иных социальных или профессиональных группах респондентов.

Библиографические ссылки

1. Климович ДВ. Кластеризация социальных репрезентаций туристов из различных стран у работников предприятий гостиничного бизнеса. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;2: 81–90.
2. Климович ДВ. Различия в социальных репрезентациях зарубежных гостей у работников предприятий гостиничного бизнеса. *Право. Экономика. Психология*. 2019;4:75–84
3. Климович ДВ. Социальные репрезентации туристов – мужчин и женщин – представителей различных стран у работников предприятий гостиничного бизнеса. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки*. 2019;15:58–65.
4. Косаревская ТЕ, Кутькина РР. *Психосемантический подход к исследованию индивидуального сознания*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2009. 61 с.

5. Петренко ВФ. *Основы психосемантики*. Санкт-Петербург: Питер; 2005. 480 с.
6. Сухов АН, Деркач АА. *Прикладная социальная психология*. Москва: Модэк; 1998. 600 с.
7. Фетискин НП, Козлов ВВ, Мануйлов ГМ. *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. Москва: Издательство Института психотерапии; 2002. 490 с.

References

1. Klimovich DV. Clustering of social representations of tourists from different countries by the hospitality industry employees. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;2:81–90. Russian.
2. Klimovich DV. Differences in the social representations of foreign guests according to the hotel business employees. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya*. 2019;4:75–84. Russian.
3. Klimovich DV. Social representations of tourists – men and women, representatives from different countries of the hospitality industry employees. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki*. 2019;15: 58–65. Russian.
4. Kosarevskaya TE, Kut'kina RR. *Psikhoosemanticheskii podkhod k issledovaniyu individual'nogo soznaniya* [Psychosemantic approach to the study of individual consciousness]. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherova; 2009. 61 p. Russian.
5. Petrenko VF. *Osnovy psikhosemantiki* [The basics of psychosemantics]. Saint Petersburg: Piter; 2005. 480 p. Russian.
6. Sukhov AN, Derkach AA. *Prikladnaya sotsial'naya psikhologiya* [Applied social psychology]. Moscow: Modek; 1998. 600 p. Russian.
7. Fetiskin NP, Kozlov VV, Manuilov GM. *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grup* [Socio-psychological diagnosis of personal development and small groups]. Moscow: Publishing House of the Institute of Psychotherapy; 2002. 490 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2020.
Received by editorial board 10.02.2020.

УДК 159.942.5–057.875

КОГНИТИВНО–АФФЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ЭСКАПИЗМА У СТУДЕНТОВ

И. Н. АНДРЕЕВА¹⁾

¹⁾Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк, Беларусь

Представлены результаты исследования когнитивно-аффективных факторов эскапизма у студентов. Рассмотрены эмоциональный интеллект, эмоциональная креативность, эмоциональные и интеллектуальные свойства личности в составе опросника 16 PF Р. Кеттелла, а также принятие себя и принятие других. Для обработки данных применялись *U*-критерий Манна – Уитни и *H*-критерий Краскела – Уоллиса, а также множественный регрессионный анализ. Достоверных различий в выраженности эскапизма, обусловленных полом и специальностью респондентов, не выявлено. Установлено, что эскапизму у студентов способствует сочетание низких показателей самопринятия и принятия других со слабовыраженной осознаваемой самооэффективностью в области эмоций (т. е. рефлексивным представлением индивида о его способностях к пониманию и управлению эмоциями), а также с высокой эмоциональной чувствительностью и тревожностью. Не выявлено влияния на эскапизм межличностного эмоционального интеллекта, инструментального эмоционального интеллекта и его компонентов, инструментальной эмоциональной креативности, компонентов рефлексивной эмоциональной креативности (подготовленность, эффективность и аутентичность), интеллектуальных факторов опросника 16 PF: *B* (интеллектуальность), *M* (мечтательность), *N* (дипломатичность), *Q₁* (восприимчивость к новому), а также *Q₄* (напряженность). Гипотеза подтвердилась частично.

Ключевые слова: эскапизм; самопринятие; принятие других; эмоциональный интеллект; эмоциональная креативность.

Образец цитирования:

Андреева И.Н. Когнитивно-аффективные факторы эскапизма у студентов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;2: 87–97.

For citation:

Andreyeva I.N. Cognitive affective factors of escapism in students. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;2:87–97. Russian.

Автор:

Ирина Николаевна Андреева – доктор психологических наук, доцент; профессор кафедры технологии и методики преподавания.

Author:

Iryna N. Andreyeva, doctor of science (psychology), docent; professor at the department of technology and teaching methods.
i.andreeva@tut.by

COGNITIVE AFFECTIVE FACTORS OF ESCAPISM IN STUDENTS

I. N. ANDREYEVA^a

^aPolotsk State University, 29 Blochina Street, Navapolack 211440, Belarus

The article presents the results of a study of the cognitive-affective factors of escapism in students, which were considered emotional intelligence, emotional creativity, emotional and intellectual personality traits as part of R. Kettell's 16 PF questionnaire, as well as self-acceptance and acceptance of others. For data processing, the criteria of *U* Mann – Whitney and *H* of Kruskal – Wallis, as well as multiple regression analysis, were used. No significant differences in the severity of escapism due to gender and specialty of the respondents were revealed. It was found that at all its stages, escapism in students was facilitated by a combination of low rates of self-acceptance and acceptance of others with weakly expressed conscious self-efficacy in the field of emotions (i. e., the reflective representation of the individual about his ability to understand and control emotions), and also with high emotional sensitivity and anxiety. No influence was revealed on escapism of interpersonal emotional intelligence, instrumental Emotional Intelligence and its components, instrumental emotional creativity, components of reflective emotional creativity (preparedness, effectiveness and authenticity), intellectual factors of the 16 PF test: *B* (reasoning), *M* (abstractedness), *N* (privateness), *Q₁* (openness to change), as well as *Q₄* (tension). The hypothesis was partially confirmed.

Keywords: escapism; self-acceptance; acceptance of others; emotional intelligence; emotional creativity.

Рост интереса исследователей к изучению эскапизма – ухода в той или иной форме от реальности социального бытия или от самого себя – в последние годы обусловлен массовой культурой и развитием технологий [1]. Так, современный молодой человек подвержен влиянию массовой культуры, которая осуществляет подмену или, говоря языком психоанализа, компенсацию реальности миром обманчивых и утешительных иллюзий [2, с. 33]. Наряду с этим молодежь практически постоянно существует в процессе интернет-коммуникации, а результатом гипервключенности в интернет-пространство является определенная утрата связей с окружающим миром [3]. Интерес к изучению эскапизма обусловлен и тем, что это многогранный и противоречивый феномен.

Термин «эскапизм» происходит от английского глагола *to escape* – убежать, избегать, спастись, ускользнуть. Англо-русский идеографический словарь дает два толкования слова *escape*: 1) избавление, спасение; 2) средство забыться, уйти от действительности [4, с. 176]. В «Большом российском энциклопедическом словаре» понятие «эскапизм», или «эскейпизм», рассматривается как стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазии в ситуации кризиса, бессилия, отчуждения [5, с. 1851]. Слова «эскапизм», «бегство» и «уход» синонимичны, так как они тесно связаны с понятиями отчуждения, отстраненности, утратой смысла, непринятием [6]. Наиболее близким по смыслу русским понятием может считаться слово «отдушина», в изначальном значении которого содержатся те же смыслы, что и в *escape* – бегство, с одной стороны, и спасение, с другой [7]. Термин «эскапизм» закрепился в русскоязычной научной литературе, так как для обозначения данного культурного, психического и общественного явления не было предложено соответствующего русского тер-

мина, разве что понятие «бегство от реальности», которое, по мнению Е. О. Труфановой, является достаточно «громоздким» и «привносит новые смыслы» [7, с. 96].

В социологии и философии эскапизм рассматривается как социальное явление, заключающееся в стремлении личности или социальной группы уйти от общепринятых стандартов, образцов общественной жизни. В основе данного явления – сомнение в целесообразности и необходимости использования существующих моделей взаимодействия и, как следствие, попытка критического переосмысления общепринятых норм [8].

В психологии эскапизм трактуется прежде всего как механизм психологической защиты от тревоги: интерпретация термина «ускользнуть от внимания», «не иметь возможности вспомнить» указывает на действие механизма вытеснения [6, с. 58]. Еще одна психологическая трактовка эскапизма связывает его с проблемой выработки новых адаптационных механизмов к социальной среде [8]. В связи с этим часто противопоставляются два вида эскапизма: продуктивный, «хороший» (эскапизм как стратегия адаптации, как условие для творчества и самореализации) и непродуктивный, «плохой» (эскапизм как отклонение от нормы, как механизм психологической защиты) [1; 7; 9]. Согласно подходу В. Н. Дружинина, им соответствуют два варианта жизни: «жизнь как творчество» и «жизнь как сон» [9; 10].

Наряду с «плохим» и «хорошим» эскапизмом в научной литературе рассматриваются в оппозиции друг к другу следующие его виды.

1. **«Мягкий» и «жесткий» эскапизм.** Первый предполагает деятельность, которая находится в стороне от предписанной социальной активности (чтение книг, занятия творчеством, путешествия). Как справедливо отмечает Е. О. Труфанова, эскапизмом может считаться любая деятельность, которая

не приносит обществу материальной пользы [7]. Напротив, «жесткий» эскапизм проявляется в «полном уходе личности в “другой” мир... речь идет не только об изменении окружения, но и о трансформации собственной психики, о бегстве от собственного Я» [7, с. 99]. Можно сказать, что «мягкий» и «жесткий» эскапизм различаются глубиной погружения в «иные» миры, а также мерой сложности возвращения «обратно», обусловленной во втором случае необратимыми личностными изменениями.

2. Инструментальный и экзистенциальный эскапизм. Первый рассматривается как способ бегства от повседневности в альтернативную реальность [11], второй отражает специфику современного общества, переживающего ослабление и распад социальных связей, и понимается как «осознанный отказ от встречи с Другим, от Другого как такового» [12, с. 308]. При этом одна и та же деятельность может рассматриваться как проявление и инструментального, и экзистенциального эскапизма (например, компьютерные игры, переодевание в одежду сказочных героев, создание произведений искусства).

Предпосылки эскапизма обнаруживаются как в социальном окружении человека, так и в области его личностных свойств. К внешним предпосылкам эскапизма можно отнести конфликт личности с современной социокультурной реальностью, которая является, по сути, тотальной симуляцией, способствующей утрате смысла и потере идентичности [12], а также слишком тесна для реализации потенциала индивида [9]. Вследствие этого индивид находится в постоянном состоянии бегства от той действительности, в которой существует [13]; при этом он стремится к разнообразию, вызванному недостаточностью впечатлений [14], ищет возможности расширения границ умственной реальности [9]. Непринятие социальной действительности способствует так называемому социальному эскапизму, одним из проявлений которого является дауншифтинг – пренебрежение карьерой, материальным успехом ради погружения в свои частные интересы [12]. Выделению конкретных внешних предпосылок эскапизма противостоит точка зрения, согласно которой глобальный эскапизм, как своеобразный уход от естественного бытия, присущ любой культуре [15].

При определении внутренних предпосылок эскапизма также наблюдается разброс мнений: от широкого понимания детерминант эскапизма (когда эскапистское сознание рассматривается как специфическая особенность человеческой психики в целом [14]) до выделения конкретных черт и мотивов личности, способствующих эскапизму [6; 16]. К внутриличностным детерминантам эскапизма относят сочетание личностных характеристик, таких как самостоятельность, отсутствие ориентации

на группу, чувство долга, ответственность, доброта, стремление к хорошим поступкам и добрым делам, непрактичность, мечтательность, склонность к идеализации, эмоциональная нестабильность [6]. У индивида, обладающего подобным сочетанием личностных свойств, тревога, вызванная внутриличностным конфликтом, вытесняется, но лишь частично, при этом конфликт прорывается в сознание в виде неприятия себя. Если внутриличностный конфликт осознается, то проявляется вовне в виде неудовлетворенности отношениями, чувства чрезмерной загруженности на работе, осознания трудностей, препятствующих возможности повышения статуса и карьерного роста [6].

Главной предрасполагающей к эскапизму чертой характера, по мнению П. В. Волкова, является дефензивность (от лат. *defensio* – защищать) [16, с. 34]. Дефензивный человек не авторитарен, не агрессивен, не склонен командовать, напротив, он астеничный, защищающийся, «поджимающий хвост» в той обстановке, где агрессивный «оскаливается». Суть его душевных переживаний – врожденная борьба чувства неполноценности с ранимым самолюбием [17]. Дефензивный конфликт астеника проявляется в его поведении. «Характерно сказал про себя один из них: “Я бегаю из норки во дворец”. Астеник ищет в жизни маленький уютный уголок, чтобы спрятать там душевную ранимость, комплекс неполноценности» [16, с. 34].

Одной из внутренних предпосылок эскапизма является резкое расхождение между *Я-реальным* и *Я-идеальным*. В данном случае эскапизм – это стремление скачком преодолеть расстояние между реальным и желанным образом Я [1].

Люди различаются и в отношении мотивации эскапизма. По мнению норвежских исследователей, одни прибегают к эскапистским практикам в целях достижения положительных эмоций, а другие пытаются таким образом избежать негативных [18]. Человек, ориентированный на внешнюю цель, менее склонен к эскапизму [7]. Однако при этом индивид становится инструментом для достижения внешних для него целей и «эскапирует» уже от собственной личности.

Молодым людям свойственен так называемый перфекционистский эскапизм [19], когда стремление к идеализации, изменению себя и окружающей действительности приводит к разочарованию и уходу от «неподдающейся» реальности. Эскапизм у молодежи обусловлен также спецификой современного образования, получая которое учащийся лишается возможности эстетического переживания в процессе коммуникаций. Эстетическая элиминация возникает по причине превращения системы образования в сферу услуг; использования тестовых методик, не включающих в себя проверку рефлексивной способности личности; пренебрежения

предметами эстетического цикла (таких как музыка, литература, изобразительное искусство) [20]. К эскапизму также может привести непопулярность в среде сверстников и связанный с этим уход от реальных отношений в виртуальную среду [6].

Последствия эскапизма противоречивы. С одной стороны, «мягкий» продуктивный эскапизм может послужить созданию творческих продуктов, накоплению знаний, более глубокому осмыслению реальности, а также содействовать релаксации. С другой стороны, «жесткий» неконструктивный эскапизм может способствовать потере понимания с окружающими за счет возникновения представлений о собственной исключительности и формирования замкнутого образа жизни.

Поскольку склонность к эскапизму особенно присуща молодым людям [6; 19; 20], его последствия для социализации молодежи далеко не однозначны [6–9], при этом систематическое изучение когнитивных и аффективных факторов эскапизма в юношеском возрасте не проводилось. Эмпирическое исследование, результаты которого изложены ниже, представляется весьма актуальным.

Цель исследования – выявить когнитивно-аффективные факторы эскапизма у студентов¹. Предполагалось, что в качестве когнитивно-аффективных факторов эскапизма выступают индивидуально-личностный и инструментальный эмоциональный интеллект (ЭИ), инструментальная и рефлексивная эмоциональная креативность, эмоциональные и интеллектуальные свойства личности в составе опросника 16 PF Р. Кеттелла, а также самопринятие и принятие других (как социальные установки, в составе которых выделяются когнитивные и аффективные компоненты). Не исключалось, что эмоциональные черты личности (в частности, эмоциональная чувствительность, тревожность, напряженность) способствуют эскапизму, а когни-

тивные ее характеристики (эмоциональный интеллект, эмоциональная креативность) способны компенсировать их влияние, направляя индивида в область творчества и самореализации.

В процессе эмпирического исследования использовались методы тестов и опроса. Практическая реализация эмпирических методов осуществлялась на основе применения следующих методик: 1) для диагностики эмоционального интеллекта – тест *MSCEIT V 2.0* Дж. Мейера, П. Сэловея, Д. Карузо (адаптация И. Н. Андреевой) [21] и опросник *ЭмИн* Д. В. Люсина [20]; 2) для диагностики эмоциональной креативности – тест Д. В. Ушакова – О. И. Ивановой [23] и опросник эмоциональной креативности Дж. Эверилла (*ECI*) (адаптация И. Н. Андреевой) [24]; 3) для измерения выраженности интеллектуальных и эмоциональных личностных свойств – 16-факторный (16 *PF*) личностный опросник Р. Кеттелла (форма *C*) (адаптация А. Н. Капустиной, Л. В. Мургулец и Н. В. Чумаковой) [25]; 4) в целях диагностики эскапизма, а также самопринятия и принятия других – методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд (адаптация А. К. Осницкого) [26]. Для обработки данных, которая осуществлялась с применением пакета статистических программ *Statistica 8.0*, использовались *U*-критерий Манна – Уитни и *H*-критерий Краскела – Уоллиса, а также множественный регрессионный анализ.

В качестве испытуемых ($N = 794$ человека, среди них 317 юношей и 477 девушек, $M = 19,8$, $SD = 1,3$) выступили студенты психологических, педагогических и технических специальностей Белорусского государственного университета, Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, Полоцкого государственного университета. В табл. 1 представлены описательные статистики выборки по показателю эскапизма.

Таблица 1

Описательные статистики выборки исследования по показателю эскапизма

Table 1

Descriptive statistics of a sample of research on the rate of escapism

Переменная	Среднее	Стандартное отклонение	Мода	Медиана	Минимум	Максимум
Эскапизм	18,32	4,62	19	19	1	35

Уровни эскапизма у испытуемых определялись по методу Р. Кеттелла [27]. Выявлено, что для 11 % испытуемых характерен низкий уровень эскапизма, для 76 % – средний, для 13 % – высокий. Для сравнения: по результатам исследования Е. В. Бе-

ловол, А. А. Кардопольцевой, проведенного с использованием авторской методики на испытуемых более зрелого возраста ($M = 27,4$), выявлено 37,1 % испытуемых с высоким уровнем эскапизма [9].

¹Под фактором понимается существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе или явлении. См.: Словарь русского языка С. И. Ожегова [Электронный ресурс]. 2012. URL: <https://slovar.cc/rus/ojegov/618674.html> (дата обращения: 02.01.2020).

На первом этапе исследования проводилось сопоставление показателей эскапизма у респондентов с учетом их пола и специальности. На достоверном уровне не было выявлено различий между юношами и девушками ($p = 0,75 > 0,05$), а также между студентами рассматриваемых специальностей ($p = 0,56 > 0,05$). В дальнейшем исследование проводилось без учета пола и специальности испытуемых.

На втором и последующих этапах изучалось влияние когнитивно-аффективных факторов на выраженность эскапизма у студентов. Первоначально в качестве независимых переменных были избра-

ны эмоциональный интеллект (инструментальный и индивидуально-личностный [28]), эмоциональная креативность (инструментальная, измеренная посредством объективного теста, и рефлексивная, которая измерялась посредством самоотчета), интеллектуальные (факторы B, M, N, Q_1) и эмоциональные (факторы C, I, H, F, O, Q_4) свойства по опроснику Р. Кеттелла, а также самопринятие и принятие других. Обнаружено совместное влияние независимых переменных на эскапизм ($r_2 = 0,45, F(16,765) = 12,01$ ($p < 0,001$); коэффициент Дарбина – Уотсона равен 2,05).

Таблица 2

**Результаты множественного регрессионного анализа
для определения влияния когнитивно-аффективных факторов на эскапизм у студентов
(первый этап исследования)**

Table 2

**The results of multiple regression analysis
to determine the effect of cognitively affective factors on student escapism
(first stage of the study)**

Когнитивно-аффективные факторы	Стандартизированные регрессионные коэффициенты β	Стандартная ошибка β	Регрессионные коэффициенты b	Стандартная ошибка b	Уровень значимости p
Свободный член (смещение)	–	–	24,15	2,226	0,000
Самопринятие	–0,212	0,044	–0,09	0,019	0,000
Принятие других	–0,141	0,043	–0,06	0,018	0,001
Индивидуально-личностный ЭИ	–0,088	0,038	–0,03	0,013	0,022
Рефлексивная эмоциональная креативность	0,187	0,035	0,06	0,011	0,000
Инструментальный ЭИ	–0,001	0,034	–0,19	4,283	0,965
B	–0,033	0,033	–0,11	0,112	0,320
C	–0,085	0,039	–0,19	0,088	0,028
F	0,080	0,036	0,19	0,085	0,027
H	0,078	0,039	0,16	0,079	0,045
I	–0,070	0,035	–0,15	0,073	0,047
M	–0,006	0,036	–0,01	0,084	0,875
N	0,033	0,033	0,08	0,082	0,310
O	0,084	0,037	0,16	0,071	0,024
Q_1	0,006	0,035	0,01	0,071	0,856
Q_4	0,020	0,037	0,04	0,079	0,599
Инструментальная эмоциональная креативность	0,057	0,033	0,05	0,028	0,084

В табл. 2 отражено, что у студентов совместное влияние на эскапизм оказывают самопринятие ($p \leq 0,001$) и принятие других ($p = 0,001$), а также индивидуально-личностный ЭИ ($p < 0,05$), рефлексивная эмоциональная креативность ($p < 0,001$); факторы C (эмоциональная устойчивость), F (беспечность), H (смелость), I (эмоциональная чув-

ствительность), O (тревожность) ($p \leq 0,05$). Иными словами, к эскапизму склонны индивиды с низким уровнем самопринятия и принятия других; с высоким уровнем креативности в области эмоций, однако со слабовыраженными способностями к пониманию эмоций и управлению ими; чувствительные к эмоциогенным воздействиям, тревожные, при

этом склонные к рискованному поведению. Не выявлено влияния на эскапизм инструментального ЭИ и инструментальной эмоциональной креативности, факторов B, M, N, Q_1 , а также Q_4 ($p > 0,05$).

На последующих этапах исследования были внесены определенные изменения в состав независимых переменных. Так, на втором этапе вме-

сто индивидуально-личностного эмоционального интеллекта были использованы его составляющие: внутриличностный и межличностный ЭИ. Обнаружено совместное влияние независимых переменных на эскапизм ($r_2 = 0,46$, $F(17,764) = 11,76$ ($p < 0,001$); коэффициент Дарбина – Уотсона равен 2,05).

Таблица 3

**Результаты множественного регрессионного анализа
для определения влияния когнитивно-аффективных факторов на эскапизм у студентов
(второй этап исследования)**

Table 3

**The results of multiple regression analysis
to determine the effect of cognitively affective factors on student escapism
(second stage of the study)**

Когнитивно-аффективные факторы	Стандартизированные регрессионные коэффициенты β	Стандартная ошибка β	Регрессионные коэффициенты b	Стандартная ошибка b	Уровень значимости p
Свободный член (смещение)	–	–	25,11	2,251	0,000
Самопринятие	–0,206	0,044	–0,09	0,019	0,000
Принятие других	–0,147	0,043	–0,06	0,018	0,001
Межличностный ЭИ	0,041	0,041	0,03	0,026	0,322
Внутриличностный ЭИ	–0,144	0,042	–0,08	0,024	0,001
Рефлексивная эмоциональная креативность	0,162	0,037	0,05	0,011	0,000
Инструментальный эмоциональный интеллект	–0,004	0,034	–0,45	4,269	0,915
B	–0,028	0,033	–0,09	0,112	0,398
C	–0,078	0,039	–0,18	0,088	0,044
F	0,066	0,036	0,15	0,085	0,071
H	0,064	0,039	0,13	0,079	0,101
I	–0,074	0,035	–0,15	0,073	0,034
M	–0,010	0,036	–0,02	0,084	0,772
N	0,035	0,033	0,09	0,082	0,290
O	0,075	0,037	0,14	0,071	0,045
Q_1	0,012	0,035	0,02	0,071	0,733
Q_4	0,004	0,038	0,01	0,079	0,926
Инструментальная эмоциональная креативность	0,056	0,033	0,05	0,028	0,093

Из табл. 3 видно, что у студентов обнаружено совместное влияние на эскапизм переменных самопринятия ($p < 0,001$) и принятия других ($p = 0,001$), а также внутриличностного ЭИ ($p = 0,001$), рефлексивной эмоциональной креативности ($p < 0,001$); факторов C (эмоциональная устойчивость), I (эмоциональная чувствительность), O (тревожность) ($p < 0,05$). Иными словами, склонность к эскапизму характерна для индивидов с низким уровнем самопринятия и принятия других; с высоким уровнем креативности в области эмоций, однако со слабо-

выраженными способностями к пониманию собственных эмоций и управлению ими; чувствительных к эмоциогенным воздействиям, тревожных. Не выявлено влияния на эскапизм межличностного эмоционального интеллекта, инструментального ЭИ и инструментальной эмоциональной креативности, факторов B, M, N, Q_1 , а также E, F, H, Q_4 ($p > 0,05$).

На третьем этапе исследования вместо инструментального эмоционального интеллекта были включены в процесс анализа его компоненты:

опытный и стратегический ЭИ. Обнаружено совместное влияние независимых переменных на эскапизм ($r_2 = 0,45$, $F(17,764) = 11,48$ ($p < 0,001$); коэффициент Дарбина – Уотсона равен 2,04). Результаты исследования представлены в табл. 4.

Выявлено совместное влияние на эскапизм переменных самопринятия ($p < 0,001$) и принятия других ($p = 0,001$), а также индивидуально-личностного ЭИ ($p < 0,05$), рефлексивной эмоциональной

креативности ($p < 0,001$); факторов C (эмоциональная устойчивость), F (беспечность), H (смелость), I (эмоциональная чувствительность), O (тревожность) ($p < 0,05$). Не выявлено влияния на эскапизм опытного и стратегического ЭИ, инструментальной эмоциональной креативности, факторов B , M , N , Q_1 , а также Q_4 ($p > 0,05$). Полученные результаты соответствуют данным первого этапа исследования.

Таблица 4

**Результаты множественного регрессионного анализа
для определения влияния когнитивно-аффективных факторов на эскапизм у студентов
(третий этап исследования)**

Table 4

**The results of multiple regression analysis
to determine the effect of cognitively affective factors on student escapism
(third stage of the study)**

Когнитивно-аффективные факторы	Стандартизированные регрессионные коэффициенты β	Стандартная ошибка β	Регрессионные коэффициенты b	Стандартная ошибка b	Уровень значимости p
Свободный член (смещение)	–	–	23,99	2,226	0,000
Самопринятие	–0,217	0,044	–0,09	0,019	0,000
Принятие других	–0,143	0,043	–0,06	0,018	0,001
Индивидуально-личностный ЭИ	–0,086	0,038	–0,03	0,013	0,026
Рефлексивная эмоциональная креативность	0,181	0,036	0,05	0,011	0,000
Опытный ЭИ	–0,044	0,035	–4,09	3,271	0,211
Стратегический ЭИ	0,051	0,037	5,95	4,282	0,165
B	–0,041	0,034	–0,14	0,113	0,224
C	–0,081	0,039	–0,18	0,088	0,036
F	0,082	0,036	0,19	0,085	0,024
H	0,078	0,039	0,16	0,079	0,045
I	–0,072	0,035	–0,15	0,073	0,042
M	–0,005	0,036	–0,01	0,084	0,894
N	0,031	0,033	0,08	0,082	0,343
O	0,080	0,038	0,15	0,071	0,034
Q_1	0,003	0,035	0,01	0,071	0,922
Q_4	0,020	0,037	0,04	0,079	0,598
Инструментальная эмоциональная креативность	0,050	0,034	0,04	0,028	0,139

На четвертом этапе вместо рефлексивной эмоциональной креативности были использованы ее составляющие: подготовленность, новизна, эффективность и аутентичность; остальные переменные остались без изменений. Обнаружено совместное влияние независимых переменных на эскапизм ($r_2 = 0,45$, $F(19,762) = 10,11$ ($p < 0,001$); коэффициент Дарбина – Уотсона равен 2,05). Результаты исследования представлены в табл. 5.

Выявлено совместное влияние на эскапизм переменных самопринятия ($p < 0,001$) и принятия других ($p < 0,01$), а также индивидуально-личностного ЭИ ($p = 0,05$), новизны ($p = 0,001$); факторов C (эмоциональная устойчивость), F (беспечность), H (смелость), I (эмоциональная чувствительность), O (тревожность) ($p \leq 0,05$). Иными словами, склонность к эскапизму демонстрируют индивиды с низким уровнем самопринятия и принятия других;

склонные к переживанию новых, нестандартных эмоций, однако со слабовыраженными способностями к пониманию эмоций и управлению ими; чувствительные к эмоциогенным воздействиям, тревожные, склонные к рискованному поведению. Не выявлено влияния на эскапизм инструментального ЭИ и инструментальной эмоциональной креативности, факторов B, M, N, Q_1 , а также Q_4 ($p > 0,05$).

На пятом этапе исследования вместо индивидуально-личностного эмоционального интеллекта были использованы его составляющие: внутриличностный и межличностный ЭИ; вместо инструментального эмоционального интеллекта – его компоненты: опытный и стратегический ЭИ; вместо рефлексивной эмоциональной креативности – ее составляющие: подготовленность, новизна, эффективность и аутентичность. Обнаружено совместное влияние независимых переменных на эскапизм

($r_2 = 0,46, F(21,760) = 9,64 (p < 0,001)$; коэффициент Дарбина – Уотсона = 2,04) (табл. 6).

В табл. 6 отражено совместное влияние на эскапизм переменных самопринятия ($p < 0,001$) и принятия других ($p = 0,001$), а также внутриличностного ЭИ ($p < 0,01$), новизны ($p < 0,01$), фактора I (эмоциональная чувствительность) ($p < 0,05$). Иными словами, склонность к эскапизму характерна для индивидов с низким уровнем самопринятия и принятия других; склонных к переживанию новых, нестандартных эмоций, однако со слабовыраженными способностями к пониманию собственных эмоций и управлению ими; чувствительных, сентиментальных, зависимых от других. Не обнаружено влияния на эскапизм инструментального ЭИ и инструментальной эмоциональной креативности, факторов B, M, N, Q_1 , а также C, F, H, O, Q_4 .

Таблица 5

**Результаты множественного регрессионного анализа
для определения влияния когнитивно-аффективных факторов на эскапизм у студентов
(четвертый этап исследования)**

Table 5

**The results of multiple regression analysis
to determine the effect of cognitively affective factors on student escapism
(fourth stage of the study)**

Когнитивно-аффективные факторы	Стандартизированные регрессионные коэффициенты β	Стандартная ошибка β	Регрессионные коэффициенты b	Стандартная ошибка b	Уровень значимости p
Свободный член (смещение)	–	–	23,89	2,263	0,000
Самопринятие	–0,211	0,044	–0,09	0,019	0,000
Принятие других	–0,141	0,044	–0,06	0,018	0,002
Индивидуально-личностный ЭИ	–0,079	0,041	–0,03	0,014	0,052
Подготовленность	0,054	0,038	0,05	0,037	0,155
Новизна	0,129	0,039	0,06	0,019	0,001
Эффективность	0,017	0,043	0,02	0,052	0,686
Аутентичность	0,059	0,037	0,08	0,049	0,112
Инструментальный ЭИ	–0,002	0,034	–0,20	4,334	0,963
B	–0,032	0,034	–0,11	0,112	0,341
C	–0,084	0,039	–0,19	0,088	0,030
F	0,080	0,036	0,19	0,085	0,028
H	0,078	0,039	0,16	0,079	0,046
I	–0,070	0,035	–0,15	0,073	0,047
M	–0,006	0,036	–0,01	0,084	0,874
N	0,035	0,033	0,09	0,083	0,296
O	0,082	0,038	0,16	0,072	0,032
Q_1	0,007	0,035	0,01	0,072	0,843
Q_4	0,019	0,038	0,04	0,079	0,613
Инструментальная эмоциональная креативность	0,056	0,033	0,05	0,028	0,092

Таблица 6

Результаты множественного регрессионного анализа
для определения влияния когнитивно-аффективных факторов на эскапизм у студентов
(пятый этап исследования)

Table 6

The results of multiple regression analysis
to determine the effect of cognitively affective factors on student escapism
(fifth stage of the study)

Когнитивно-аффективные факторы	Стандартизированные регрессионные коэффициенты β	Стандартная ошибка β	Регрессионные коэффициенты b	Стандартная ошибка b	Уровень значимости p
Свободный член (смещение)	–	–	24,74	2,294	0,000
Самопринятие	–0,210	0,044	–0,09	0,019	0,000
Принятие других	–0,149	0,044	–0,06	0,018	0,001
Межличностный ЭИ	0,043	0,041	0,03	0,026	0,304
Внутриличностный ЭИ	–0,135	0,044	–0,08	0,025	0,002
Подготовленность	0,048	0,038	0,05	0,037	0,212
Новизна	0,105	0,040	0,05	0,020	0,009
Эффективность	0,016	0,042	0,02	0,052	0,714
Аутентичность	0,053	0,037	0,07	0,049	0,150
Опытный ЭИ	–0,042	0,035	–3,92	3,270	0,231
Стратегический ЭИ	0,045	0,037	5,28	4,321	0,222
B	–0,034	0,034	–0,12	0,113	0,307
C	–0,074	0,039	–0,17	0,088	0,057
F	0,068	0,037	0,16	0,086	0,066
H	0,065	0,039	0,13	0,080	0,099
I	–0,076	0,035	–0,16	0,073	0,030
M	–0,009	0,036	–0,02	0,084	0,795
N	0,034	0,033	0,08	0,082	0,308
O	0,069	0,038	0,13	0,072	0,074
Q_1	0,010	0,035	0,02	0,072	0,780
Q_4	0,004	0,038	0,01	0,080	0,923
Инструментальная эмоциональная креативность	0,048	0,034	0,04	0,028	0,154

Таким образом, эскапизм – это уход индивида от тревоги, возникающей как следствие непринятия им социокультурной реальности. Данный феномен одновременно является стратегией адаптации к социальной среде при невозможности или нежелании полностью ее покинуть.

Предпосылками эскапизма могут служить как свойства самой социокультурной реальности (ее симулятивность, отсутствие в ней смыслового наполнения, возможностей для самореализации), так и личностные свойства индивида (внутренняя конфликтность, дефензивность, расхождение между *Я-реальным* и *Я-идеальным*). У молодых людей эскапизму, кроме всего прочего, способствуют разочарования в их попытках изменить реальность,

эстетическая элиминация в сфере современного образования, а также непопулярность в среде сверстников. Последствия эскапизма могут быть позитивными (творчество, развитие познавательных интересов, глубокое осмысление реальности), однако могут иметь и негативный характер (потеря взаимопонимания с окружающими, замкнутость, индивидуализм).

Установлено на достоверном уровне, что эскапизму у студентов способствует сочетание низких показателей самопринятия и принятия других со слабовыраженной осознаваемой самооэффективностью в области эмоций (т. е. рефлексивным представлением индивида о его способностях к пониманию и управлению эмоциями), а также с высокой

эмоциональной чувствительностью и тревожностью. В половине случаев данное соединение качеств личности дополняется склонностью к рискованному поведению, т. е. комбинацией факторов *F* (беспечность) и *H* (смелость в социальных контактах). Иными словами, молодой человек, склонный к эскапизму, скорее всего находится в состоянии внутриличностного конфликта, который осознается в виде непринятия себя и других. Такой индивид болезненно переживает собственное и чужое несовершенство, тревожен, не уверен в себе, раним, зависим от других, при этом достаточно низко оценивает собственную эмоциональную самоэффективность. Стремясь пережить новые, нестандартные эмоции, но опасаясь при этом эмоциональных

травм извне, с которыми, по его мнению, он не имеет возможности справиться, индивид склонен к уходу от окружающей действительности в мир фантазий, иллюзий и даже риска.

Не выявлено на достоверном уровне влияния на эскапизм межличностного эмоционального интеллекта, инструментального эмоционального интеллекта и его компонентов; инструментальной эмоциональной креативности, компонентов рефлексивной эмоциональной креативности – подготовленности, эффективности и аутентичности; факторов теста 16 PF: *B* (интеллектуальности), *M* (мечтательности), *N* (дипломатичности), *Q*₁ (восприимчивости к новому), а также *Q*₄ (напряженности). Гипотеза исследования подтвердилась частично.

Библиографические ссылки

1. Белов ВИ. Эскапизм: причины, функции и границы. *Инновационная наука*. 2017;3(1):270–276.
2. Шестаков ВП. *Мифология XX века: критика теории и практики буржуазной «массовой культуры»*. Москва: Искусство; 1988. 224 с.
3. Карпова ДН. Интернет-коммуникация: новые вызовы для молодежи. *Вестник МГИМО-Университета*. 2013;5:201–212.
4. Шаталова ТИ. *Англо-русский идеографический словарь*. Москва: Русский язык; 1994. 240 с.
5. Кравец СЛ, редактор. *Большой российский энциклопедический словарь*. Москва: Большая российская энциклопедия; 2003. 1888 с.
6. Гусейнов АШ. Специфика эскапизма в контексте протестной активности личности. *Человек. Сообщество. Управление*. 2013;3:20–33.
7. Труфанова ЕО. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий. *Философия и культура*. 2012;3:96–107.
8. Нятина НВ. Эскапизм – отклонение в социализации молодежи. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013;2(1):133–136.
9. Беловол ЕВ, Кардопольцева АА. Эскапизм «хороший» и эскапизм «плохой»: эмпирическая верификация модели. *Прикладная юридическая психология*. 2018;4:38–48.
10. Дружинин ВН. *Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии*. Санкт-Петербург: Питер; 2010. 156 с.
11. Сметанина ТА, Ключев АА. Метафизика эскапизма: поиск ускользающего смысла. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2017;1:183–185.
12. Литинская ДГ. Типы современного эскапизма и феномен экзистенциального эскапизма. *Ярославский педагогический вестник*. 2012;1(1):308–311.
13. Мантов РЕ. *Виды эскапизма и современное искусство. На материале кинематографа* [автореферат диссертации]. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 2003. 13 с.
14. Труфанова ЕО. Эскапизм: бегство в поисках смысла. *Психология и психотехника*. 2014;6:597–608. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.6.12027.
15. Tuan Yi-Fu. *Escapism*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press; 2000. 264 p.
16. Волков ПВ. *Разнообразие человеческих миров*. Москва: Аграф; 2000. 194 с.
17. Бурно МЕ. *Сила слабых: психотерапевтическая книга*. Москва: Приор; 1999. 368 с.
18. Stenseng F, Rise J, Kraft P. Activity engagement as escape from self: the role of self-suppression and self-expansion. *Leisure Sciences*. 2012;34(1):19–38. DOI: 10.1080/01490400.2012.633849.
19. Федоров ИА, Поздняков ММ. О субкультуре молодежного «перфекционного эскапизма». *Вестник Томского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2014;7:25–29.
20. Суворова ИМ. Эстетический эскапизм школьника как актуальная проблема современного образования. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2014;1:86–89.
21. Андреева ИН. Адаптация теста эмоционального интеллекта MSCEIT V 2.0 на белорусской выборке. *Психологический журнал*. 2012;1–2:66–80.
22. Люсин ДВ. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн. *Психологическая диагностика*. 2006;4:3–22.
23. Валуева ЕА, Ушаков ДВ. Эмпирическая верификация модели соотношения предметных и эмоциональных способностей. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2010;7(2):103–114.
24. Андреева ИН. Адаптация опросника эмоциональной креативности (ECI). *Психологический журнал*. 2011;1–2:75–81.
25. Оленникова МВ, составитель. *Лучшие психологические тесты: диагностика интеллекта, личностные опросники, шкала для самотестирования, тесты для отбора кадров*. Москва: АСТ; 2010. 639 с. Совместно с издательством «Сова».
26. Осницкий АК. Определение характеристик социальной адаптации. *Психология и школа*. 2004;1:43–56.
27. Мельников ВМ, Ямпольский ЛТ. *Введение в экспериментальную психологию личности*. Москва: Просвещение; 1985. 319 с.
28. Андреева ИН. Интегративная модель эмоционального интеллекта. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;1:125–133.

References

1. Belov VI. [Escapism: causes, functions and boundaries]. *Innovation science*. 2017;3(1):270–276. Russian.
2. Shestakov VP. *Mifologiya XX veka: kritika teorii i praktiki burzhuaznoi «massovoi kul'tury»* [Mythology of the 20th century: criticism of the theory and practice of bourgeois «mass culture»]. Moscow: Iskustvo; 1988. 244 p. Russian.
3. Karpova DN. Internet communication: new challenges for youth. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2013;5:201–212. Russian.
4. Shatalova TI. *Anglo-russkii ideograficheskii slovar'* [English-Russian ideographic dictionary]. Moscow: Rysskiy yazyk; 1994. 240 p. Russian.
5. Kravets SL, editor. *Bol'shoi rossiiskii entsiklopedicheskii slovar'* [Large Russian encyclopedic dictionary]. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya; 2003. 1888 p. Russian.
6. Huseynov ASH. Specificity of escapism in the context of personal protest activity. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2013;3:20–33. Russian.
7. Trufanova EO. Escapism and escapist consciousness: to the definition of concepts. *Filosofiya i kul'tura*. 2012;3:96–107. Russian.
8. Nyatina NV. Escapism as the deviation in the youth's socialization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013;2(1):133–136. Russian.
9. Belovol EV, Kardopoltseva AA. Escapism «good» and escapism «bad»: empiric verification of the model. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. 2018;4:38–48. Russian.
10. Druzhinin VN. *Varianty zhizni. Ocherki ekzistentsial'noi psikhologii* [Variants of life. Essays on existential psychology]. Saint Petersburg: Piter; 2010. 156 p. Russian.
11. Smetanina TA, Klyuev AA. Metaphysics of escapism: search for elusive meaning. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2017;1:183–185. Russian.
12. Litinskaya DG. [Types of modern escapism and the phenomenon of existential escapism]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 2012;1(1):308–311. Russian.
13. Mantov RE. *Vidy eskapizma i sovremennoe iskusstvo. Na materiale kinematografa* [Types of escapism and contemporary art. On the material of cinema; dissertation abstract]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2003. 13 p. Russian.
14. Trufanova EO. [Escapism: flight in search of meaning]. *Psikhologiya i psikhotehnika*. 2014;6:597–608. Russian. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.6.12027.
15. Tuan Yi-Fu. *Escapism*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press; 2000. 264 p.
16. Volkov PV. *Raznoobrazie chelovecheskikh mirov* [The diversity of human worlds]. Moscow: Agraf; 2000. 194 p. Russian.
17. Burno ME. *Sila slabyykh: psikhoterapevticheskaya kniga* [Strength of the weak: psychotherapeutic book]. Moscow: Prior; 1999. 368 p. Russian.
18. Stenseng F, Rise J, Kraft P. Activity engagement as escape from self: the role of self-suppression and self-expansion. *Leisure Sciences*. 2012;34(1):19–38. DOI: 10.1080/01490400.2012.633849.
19. Fedorov, IA, Pozdnyakov MM. About the youth subculture «perfectional escapism». *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2014;7:25–29. Russian.
20. Suvorova IM. Aesthetic students' escapism as relevant problem of modern education. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2014;1:86–89. Russian.
21. Andreyeva IN. Adaptation a Emotional Creativity Inventory (ECI). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2012;1–2:66–80. Russian.
22. Lyusin DV. [A new technique for measuring emotional intelligence: the questionnaire EmIn]. *Psikhologicheskaya diagnostika*. 2006;4:3–22. Russian.
23. Valueva EA, Ushakov DV. Empirical verification of the model of relation of cognitive and emotional abilities. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2010;7(2):103–114. Russian.
24. Andreyeva IN. Adaptation a Emotional Creativity Inventory (ECI). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2011;1–2:75–81. Russian.
25. Olennikova MV, compiler. *Luchshie psikhologicheskie testy: diagnostika intellekta, lichnostnye oprosniki, shkala dlya samotestirovaniya, testy dlya otbora kadrov* [The best psychological tests: diagnosis of intelligence, personality. questionnaires, scale for self-testing, tests for personnel selection]. Moscow: AST; 2010. 639 p. Russian. Co-published by the «Sova».
26. Osnitsky AK. [Determination of the characteristics of social adaptation]. *Psikhologiya i shkola*. 2004;1:43–56. Russian.
27. Melnikov VM, Yampolsky LT. *Vvedenie v eksperimental'nuyu psikhologiyu lichnosti* [Introduction to experimental personality psychology]. Moscow: Prosveshchenie; 1985. 319 p. Russian.
28. Andreyeva IN. The integrative model of emotional intelligence. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. 2019;1:125–133. Russian.

Статья поступила в редакцию 10.02.2020.
Received by editorial board 10.02.2020.

ОСОБЕННОСТИ ВНИМАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

О. Г. КСЕНДА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Описаны характеристики познавательной сферы и когнитивных процессов интернет-поколения. Представлены результаты исследования особенностей внимания подростков с нормой и патологией развития. Обсуждаются выводы о сильном развитии переключаемости внимания и его объема и слабой устойчивости внимания подростков с нормой развития в связи с активным использованием ими цифровых технологий.

Ключевые слова: внимание; подростки; когнитивные процессы.

FEATURES OF ATTENTION OF MODERN TEENAGERS

O. G. KSIONDA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The paper describes the characteristics of the cognitive sphere and cognitive processes of the Internet generation. The results of a study of the attention features of adolescents with normal and developmental pathology are presented. Conclusions about the strong development of attention switchability and its volume and the weak stability of attention of adolescents with a normal rate of development due to their active use of digital technologies are discussed.

Keywords: attention; adolescents; cognitive processes.

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий за последние 20 лет привело к масштабным изменениям в жизни социума. Они коснулись как личной жизнедеятельности, так и социального поведения людей: виртуальное общение в социальных сетях стало вытеснять реальное, информационное поле каждого человека включилось в информационное поле человечества, сделав любые знания доступными для ознакомления, личная жизнь стала очень открытой и «транслируется миру». Меняющиеся условия жизни вызывают изменения в поведении, личности, развитии и протекании психиче-

ских процессов у представителей всех возрастных групп, от молодежи до пожилых людей [1; 2]. Наиболее заметны данные изменения у подрастающего поколения, которое ученые назвали «цифровым» (интернет-поколением, или поколением Z) [3; 4].

Еще в начале XXI в. американец Марк Пренски описал основные характеристики этого поколения, отметив, что обучающиеся в школах и вузах молодые люди, всю жизнь проживающие в окружении цифровой техники, отличаются особым мышлением [5].

Образец цитирования:

Ксенда ОГ. Особенности внимания современных подростков. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020;2:98–107.

For citation:

Ksionda OG. Features of attention of modern teenagers. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2020;2:98–107. Russian.

Автор:

Ольга Григорьевна Ксенда – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga G. Ksionda, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
olgaksionda@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0003-4667-1099>

Чуть позже канадский ученый Дон Тапскотт также утверждал, что в США появилось сетевое поколение: «Впервые в истории дети более способны, осведомлены и грамотны, чем их родители. Все это за счет использования предметов цифровой эпохи, которые “сетевое поколение” продолжит разрабатывать и включать в культуру своего общества»¹ [6, р. 2].

За последние десятилетия появилось достаточно большое количество публикаций, описывающих характеристики цифрового поколения. Отмечается ряд особенностей детей, подростков, молодежи: 1) проблемы в живом общении и социальном взаимодействии; 2) инфантилизация; 3) прокрастинация; 4) ослабление волевых процессов; 5) особые феномены функционирования познавательных процессов [7–12].

Скруплезный анализ исследований особенностей нового поколения был проведен Н. В. Богачевой и Е. В. Сивак [13]. Авторы отмечают, что сегодня активно изучаются разные его характеристики: 1) личность; 2) социальные связи; 3) ценностно-смысловая, эмоциональная и когнитивная сферы. У современных детей, подростков и молодых людей фиксируются случаи возникновения аутизма из-за чрезмерной увлеченности интернетом, получает распространение синдром дефицита внимания, гиперактивности и зависимости подрастающего поколения от компьютерных игр [14]. Отмечаются изменения в содержании общения и структуре социальных контактов, переходе на мессенджеры вместо реального общения [15].

Вместе с тем исследователи подчеркивают, что развитие и использование цифровых технологий позволяет расширить социальные контакты человека, в том числе и людей с особенностями развития и особыми потребностями [16; 17]. Применение этих технологий в обучении дает возможность развиваться таким детям. Подобные системы уже работают в разных странах [18–21].

Другая активно обсуждаемая характеристика цифрового поколения – это развитие трансактивной памяти – механизма запоминания местонахождения информации, а не ее содержания, которое при необходимости восстанавливается через поисковые системы [22]. Привычку полагаться на поисковые системы называли *эффект Google* – особый феномен в функционировании мышления, когда информационные сети воспринимаются человеком как часть собственных когнитивных способностей. У представителей современного поколения создается иллюзия, что они много знают, хотя все эти знания хранятся не в их памяти, а на просторах интернета. «Постоянное пребывание онлайн изменяет самосознание, поскольку границы между собственными воспоминаниями и информацией, со-

державшейся в интернете, размываются... Интернет всегда владеет актуальной информацией, и если не выключится электропитание, то он, в отличие от человека, никогда ничего не перепутает и не забудет... Результат поиска воспринимался не как имя или дата какого-то события, скопированные с сайта, а как информация из собственной памяти, что позволяло испытуемым приписывать себе результат работы поисковой системы» [23, с. 101–102].

Более того, дети, подростки и молодежь часто склонны безоговорочно доверять любым сведениям из интернета, что делает их своего рода марионетками в руках тех, кто поставляет и группирует информацию [24]. Это вызвало появление феномена фейковой информации – недостоверных или откровенно лживых сведений, распространяемых по информационным сетям. В целом у молодого поколения наблюдается определенная интернет-зависимость [25].

Большинство ученых считают, что основной отличительной особенностью цифрового поколения является клиповое мышление, которое имеет следующие характеристики: 1) обрывистость информационного потока; 2) алогичность; 3) разнородность поступающей информации; 4) высокая скорость переключения между фрагментами информации; 5) отсутствие целостной картины восприятия окружающего мира. Это приводит к неспособности целно воспринимать информацию, системно мыслить и структурированно и логично излагать задуманное. Вместе с тем клиповое мышление отличается многозадачностью, высокой скоростью переключения, в целом ускорением всех психических процессов [8; 9; 11–13]. Платой за многозадачность становятся рассеянность, снижение устойчивости внимания, развитие кратковременной памяти за счет долговременной, предпочтение визуальных символов углублению в текст.

Вместе с тем нельзя не отметить такие приобретения современного поколения, как увеличение объемов рабочей памяти, способность противостоять интерференции (помехам со стороны посторонних стимулов), высокая скорость переключения между разными задачами. Можно утверждать, что особые изменения претерпевают внимание, память, мышление и речь, которые трансформируются в процессе взаимодействия человека с современным информационным пространством.

На наш взгляд, специфичными являются изменения характеристик внимания, так как клиповое мышление требует его мгновенной перестройки и большого объема, что не может не сказаться на энергетических ресурсах, а значит, привести к преобразованию характеристик этого познавательного процесса, о чем и пишут исследователи [15; 26; 27].

¹Перевод наш. – О. К.

Внимание – высшая психическая функция человека, которая характеризуется способностью концентрироваться на каком-либо объекте и игнорировать отвлекающие факторы – тесно связано с другими познавательными процессами, поэтому без него невозможна любая умственная деятельность. Основная функция внимания заключается в отборе из общего потока информации только той, которая нужна в конкретный момент для совершения конкретного действия и мобилизации психических процессов на выполнение задачи. Внимание выступает в роли организатора психической деятельности и имеет низшие и высшие формы. Первые представлены произвольным вниманием, в основе которого лежит ориентировочный рефлекс, а вторые – непроизвольным, связанным с активной настройкой субъекта на восприятие определенной информации при отфильтровывании остальных сигналов, не представляющих значимости.

Психологи выделяют внимание как самостоятельный процесс и также считают его частью других познавательных процессов, с которыми оно тесно связано, поэтому без него невозможна любая умственная деятельность. В общем внимание характеризуется способностью концентрироваться на каком-либо объекте и игнорировать отвлекающие факторы.

Сегодня существует несколько теоретических моделей внимания [28; 29]. Т. Рибо предложил моторную теорию внимания (позже Р. С. Немов назвал ее психофизиологической), где внимание – процесс, провоцируемый и поддерживаемый эмоциями и сопровождаемый физиологическими и физическими изменениями в организме. В моторно-эмоциональной модели основная гипотеза заключается в том, что внимание всегда вызывается эмоциями и сопровождается двигательной активностью в сфере дыхания, кровообращения, сердечно-сосудистой системы, всех частей тела.

Согласно подходу Л. С. Выготского, внимание сводится к способу регулирования человеком своего поведения. Им выделены составляющие натурального и культурного развития, которые в процессе взросления ребенка поочередно «передают эстафету» друг другу, но со временем инициатива в процессах формирования внимания все больше переходит от внешних средств («от указательного пальца взрослого человека») к внутренним стимулам, представляющим культурную составляющую [40].

В теории П. Я. Гальперина любое действие человека содержит ориентировочную, исполнительную и контрольную составляющие. Именно контроль за объектом и создает суть процесса внимания, поэтому оно является одним из моментов ориентировочно-исследовательской деятельности и представляет собой психологическое действие, направленное на содержание образа, мысли, другого феномена,

имеющегося в данный момент в психике человека; в отличие от действий, направленных на производство определенного продукта, деятельность контроля, или внимание, не имеет отдельного, особого результата; с точки зрения внимания как деятельности психического контроля все конкретные акты внимания являются результатом формирования новых умственных действий [41].

Д. Н. Узнадзе предложил рассматривать внимание в теории установки. Согласно этой теории, внимание – это определенный настрой, направленность как душевной, так и физической энергии организма на конкретный объект. Д. Н. Узнадзе считал, что эта установка содержится в бессознательном человека и базируется на его жизненном опыте, и понимал ее как состояние заблаговременной настройки организма на определенную реакцию на предстоящие воздействия, что выражается в состоянии внимания [42].

По мнению С. Л. Рубинштейна, внимание не имеет собственного представительства в психике [43]. Это лишь сторона особой деятельности, направленной на объект и обусловленной самим объектом, а также потребностями, интересами, установками личности, т. е. ее общей активностью. Работа высших форм внимания связана со способностью к отвлечению от предмета. Внимание – это динамическая характеристика сознания. Оно представляет собой циклический процесс построения и преобразования предметности субъектом: внимание как бы отклоняется от субъекта к объекту и обратно. За вниманием всегда стоят интересы и потребности, установки и направленность личности, вызывающие изменения отношения к объекту, которые и выражаются во внимании. Внимание – показатель степени включенности субъекта в то, что он делает.

Эти положения С. Л. Рубинштейна положены нами в основу понимания внимания, которое является сложным процессом, развивающимся в онтогенезе человека. На это развитие накладывают отпечаток физиологические факторы (проблемы с физическим и умственным здоровьем), наследственные факторы (особенности когнитивного развития родителей), характеристики среды и социального развития (разные виды деприваций, обстановка в семье, образовательные возможности окружения, организация обучения в школе), собственная активность ребенка (например, самовоспитание).

Внимание имеет свои специфические характеристики:

- объем (измеряется количеством одновременно осознаваемой информации и совпадает с возможностями кратковременной памяти, составляя 7–9 знаков (стимулов, объектов, элементов);
- переключаемость (связана с лабильностью процесса и заключается в более или менее легком переходе от одного вида деятельности к другому);

- селективность (характеризует избирательность внимания к каким-либо параметрам стимулов);
- устойчивость (определяется длительностью удержания сосредоточения на каком-либо объекте (сфере деятельности)).

Периодом интенсивного развития всех познавательных процессов является подростковый возраст, критический и самый продолжительный переходный период, связанный с половым созреванием и неравномерным развитием, характеризующийся эмоциональной неустойчивостью и резкими колебаниями настроения. В подростковом периоде (11–15 лет) во время пубертатного кризиса внимание становится более рассеянным, гормональные изменения приводят к эмоциональной нестабильности и нестабильности внимания. В это

время происходит интенсивное развитие личности, мыслительных способностей и рефлексии. Внимание подростков уже преимущественно произвольное, они способны сосредоточиться на рутинной и трудной работе ради ее будущего результата.

Вместе с тем именно подростки более всего подвержены зависимости от гаджетов и социальных сетей, а их познавательное развитие – воздействию информационных технологий, что вызывает изменения характеристик познавательных процессов, в частности внимания [30–33]. Уровень развития внимания определяет особенности функционирования всей когнитивной сферы, и его специфику необходимо учитывать для эффективной организации учебного процесса [34].

Материалы и методы

Эти идеи являются теоретической основой исследования внимания современных подростков, которое было проведено под нашим руководством [35].

В качестве диагностического инструментария использовались таблицы Шульте для выявления объема и устойчивости внимания; тест Мюнстерберга для определения избирательности и концентрации внимания; таблицы Горбова – Шульте для определения оценки переключаемости внимания; методика «Запомни и расставь точки», с помощью которой оценивался объем внимания. Обработка полученных данных осуществлялась с помощью непараметрического статистического *U*-критерия Манна – Уитни.

Для того чтобы увидеть, чем характеризуется внимание современных подростков, в качестве респондентов мы выбрали полярно различающиеся группы.

Первая группа – 50 учеников 7–8-х классов в возрасте 13–15 лет, детей из благополучных семей с нормой в развитии, имеющих полную семью и проживающих дома. Эти дети находятся в социально благоприятных условиях, нормально развиты. Характеристики их внимания по всем параметрам (избирательность, объем, устойчивость, переключаемость) должны быть на уровне среднем и высоком, так как именно внимание обеспечивает концентрацию и сосредоточение во время учебной деятельности или любой другой активности, в том числе и познавательной.

Вторая группа – 50 учащихся того же возраста с диагнозом «задержка психического развития», не имеющих родителей, проживающих в доме-интернате.

Понятие «задержка психического развития» (ЗПР) употребляется по отношению к детям с минимальными органическими повреждениями или функциональной недостаточностью центральной нервной системы, а также длительно находящимися в условиях социальной депривации [36]. Задержка психического развития – это нарушение

нормального темпа развития, когда отдельные психические функции (память, внимание, мышление, эмоционально-волевая сфера) отстают в своем развитии от принятых психологических норм для данного возраста. У детей с ЗПР прослеживаются нарушения внимания (неустойчивость, сниженный объем, концентрация и распределение). В сравнении со сверстниками, чье развитие соответствует норме, этим детям необходимо больше времени, чтобы приступить к выполнению задания после получения инструкции. Они хуже выполняют задания, которые требуют сосредоточения внимания на материале и не вызывают непосредственного интереса. Для большинства подростков с задержкой психического развития характерно ослабление внимания к вербальной (словесной) информации. Даже во время увлекательного, интересного, эмоционального рассказа такие дети начинают зевать, отвлекаться на посторонние дела, теряют нить повествования. Это так называемая истощаемость, или «угасание», внимания. Для детей с ЗПР характерны также рассеянность (неустойчивость) внимания, его низкая концентрация, трудности переключения внимания (особенно в условиях, когда выполнение задания осуществляется при наличии одновременно действующих речевых раздражителей, имеющих для детей значительное смысловое и эмоциональное содержание) [37]. Таким образом, характеристики внимания этих подростков должны находиться в зоне в основном низкого уровня, может встречаться средний уровень.

Мы попытались также сравнить эти две группы респондентов, так как внимание детей с нормой развития должно значимо отличаться от внимания детей с задержкой развития по всем параметрам. Идея сравнения характеристик детей с нормой и патологией не нова [38], поскольку дает возможность увидеть различия в функционировании психологических процессов и механизмов, глубже понять их природу и выявить возможные факторы, влияющие на их развитие.

Результаты и обсуждение

После обследования подростков с нормой и задержкой развития были получены следующие данные.

1. Для исследования *объема* внимания была использована методика «Запомни и расставь точки».

Результаты исследования подростков с нормой развития показали, что у 9 испытуемых присутствует очень высокий уровень объема внимания, у 15 – высокий уровень, у 20 – средний уровень, низкий уровень выявлен у 6 респондентов, очень низкий показатель объема внимания не выявлен. Полученные результаты можно выразить в процентном соотношении: у большинства испытуемых высокий уровень объема внимания (48 %), далее – средний уровень (40 %) и у 12 % подростков – низкий уровень.

Высокий уровень объема внимания позволяет говорить о том, что подростки без проблем работают с большими массивами информации. Низкие показатели по критерию развития объема внимания у подростков с нормой в развитии свидетельствуют о том, что они не в состоянии запомнить большой объем материала, а лишь часть его. Это считается в том числе особенностью подросткового возраста, а также недостатком развития, когда дети не работают над собственной памятью и не стараются в процессе учебы заучивать материал.

Иные данные получились при обследовании детей с задержкой развития: очень высокий и высокий показатели не выявлены, средний показатель выявлен у 9 испытуемых (12 % выборки), низкий – у 35 подростков и очень низкий – у 9 (в сумме 82 % выборки). Эти данные говорят о том, что подростки с ЗПР удерживают одновременно значительно меньший объем информации, чем тот, на основе которого можно эффективно решать игровые, учебные и жизненные задачи, что затрудняет восприятие ситуации в целом. Это одна из особенностей когнитивного развития таких детей.

2. Для изучения *переключаемости* внимания применялись таблицы Горбова – Шульте.

У подростков с нормой развития данные следующие: у 32 человек (64 % испытуемых) выявлен высокий уровень переключаемости внимания, у 17 подростков (34 %) – средний и у 1 (2 %) – низкий уровень переключаемости. Как видим, это востребованная характеристика внимания в современных условиях, которая обеспечивает многозадачность мышления, возможность быстрой смены деятельности и визуальных образов, одновременного выполнения нескольких видов деятельности, очень хорошо развита у подростков.

Результаты исследования переключаемости внимания подростков с ЗПР: высокий уровень не был выявлен, 15 испытуемых (30 %) продемонстрировали средний уровень и 35 (70 %) – низкий уровень переключаемости, что отражает сниженную спо-

собность таких детей переключать внимание с одного вида деятельности на другой. Им нужно определенное время для включения во что-либо новое.

3. Для определения *избирательности* и концентрации внимания применялся тест Мюнстерберга.

Среди подростков с нормой развития были выявлены 9 испытуемых (18 %) с уровнем избирательности внимания высоким и выше среднего, 30 человек (60 %) со средним уровнем и 11 респондентов (22 %) с уровнем ниже среднего. Низкий уровень избирательности внимания не выявлен.

Уровень избирательности внимания ниже среднего может объясняться не только недостаточным развитием этого свойства, но и внешними факторами (усталость, тревога, рассеянность, невнимательность). Такие подростки часто отвлекаются на посторонние дела. Также иногда подростки в бланках теста пропускают те слова, что связаны у них с сильными эмоциями (например, «любовь», «экзамен»).

Вместе с тем в процессе прохождения теста подросткам требуется определенная концентрация и устойчивость внимания, которые у современного поколения значительно снижены.

Результаты исследования подростков с ЗПР показали, что высокий и выше среднего уровень избирательности внимания не выявлен, средний наблюдается у 14 испытуемых (32 %) и низкий – у 36 человек (68 %). Низкий уровень избирательности внимания у подростков с задержкой психического развития выражается в трудностях сосредоточения на объекте деятельности и программе ее выполнения, а также в быстрой утомляемости, что характерно для такого диагноза.

4. Для выявления *устойчивости* внимания применялась методика «Таблицы Шульте».

Устойчивость – характеристика внимания во времени. Показатель устойчивости – высокая продуктивность деятельности в течение относительно длительного времени. Устойчивость внимания, таким образом, характеризуется как длительностью его протекания, так и степенью концентрации во время его сохранения.

В результате определения устойчивости внимания у подростков с нормой в развитии нами были получены следующие результаты: из 50 испытуемых высокие показатели были выявлены у 9 человек (18 %), средние – у 21 (42 %) и низкие – у 20 испытуемых (40 %). Как видим, у достаточно большого числа детей с нормой развития наблюдается низкая устойчивость внимания, которая сигнализирует о том, что подростки не могут достаточное количество времени сосредоточиться на той деятельности, которой требует задание. Они часто отвлекаются и теряют время, а также совершают ряд ошибок. О значительном ухудшении именно этой характеристики внимания современных детей и подростков пишут ученые [9; 13; 31; 33].

Среди подростков с задержкой развития выявлены 3 человека (6 %) с высоким уровнем устойчивости внимания, 15 детей (30 %) – со средним уровнем и 32 человека (64 %) – с низким уровнем. Следует отметить, что у всех учеников при выполнении заданий отмечалась высокая степень истощаемости внимания. Время, затрачиваемое на поиск чисел по методике «Таблица Шульте», значительно превышало допустимые нормы (30–50 с). Все 100 % учащихся затратили время на поиск чисел в 1,5–2 раза больше времени. Вместе с тем именно по этому показателю были выявлены дети с высоким уровнем развития, чего ранее не наблюдалось. Во-первых, можно объяснить такие результаты коррекционной работой педагогов и психологов. Во-вторых,

широко используемые педагогами интерактивные технологии в обучении позволяют избежать усталости, отвлечения на посторонние дела. А это значит, что ребенок непроизвольно «заставляет» себя задержаться на определенном предмете познания на более долгое время. В-третьих, внешний мир настолько красочен и ярок (например, развивающие игрушки), что взгляд ребенка так или иначе задерживается на понравившемся ему предмете, что способствует повышению устойчивости внимания у детей с ЗПР.

Полученные результаты были сведены в таблице, в которой представлено количество детей, показавших разные уровни развития всех измеренных параметров внимания.

Количество подростков с разными характеристиками внимания, %

The number of adolescents with different characteristics of attentions, %

Характеристики внимания	Уровень					
	Высокий		Средний		Низкий	
	НР*	ЗР**	НР	ЗР	НР	ЗР
Объем	48	–	40	18	12	82
Переключаемость	64	–	34	30	2	70
Избирательность	18	–	60	32	22	68
Устойчивость	18	6	42	30	40	64

*НР – норма развития; **ЗР – задержка развития.

Результаты изучения внимания подростков с задержкой развития оказались достаточно предсказуемыми: у подавляющего большинства испытуемых все показатели внимания имеют низкий уровень, у трети – средний. В нашем исследовании оказались и такие подростки, которые по характеристике устойчивости продемонстрировали высокий уровень, т. е. они правильно выполнили задание теста, правда затратив при этом вдвое больше отведенного времени.

Результаты изучения внимания подростков с нормой развития проиллюстрировали те его изменения, которые вызваны постоянным использованием интернет-ресурсов и активной жизнью в социальных сетях. Так, высокая переключаемость внимания характерна для 64 % детей, средняя для 43 % и низкая только для 2 %. Именно эта характеристика внимания особенно востребована в процессе работы с персональными гаджетами. Объем внимания почти у половины подростков (48 %) имеет высокий уровень, у 40 % – средний. Это вызвано необходимостью хранения большого массива местонахождения информации. Избирательность внимания развита хуже: у большинства детей (60 %) она имеет средний уровень, у 22 % – низкий и только у 18 % – высокий.

Сравнение полученных данных с помощью непараметрического *U*-критерия Манна – Уитни по-

казало наличие статистически значимых различий по всем перечисленным характеристикам внимания между подростками с нормой и задержкой развития (переключаемость – $U = 805,55$ при $p = 0,0001$; объем – $U = 332,50$ при $p = 0,0001$; избирательность – $U = 552,31$ при $p = 0,0001$). Данные результаты объясняются диагнозом «задержка психического развития», так как такие дети по уровню продуктивности, распределению, сосредоточенности, в том числе по объему внимания отстают от нормально развивающихся сверстников. Это вполне ожидаемые результаты.

Иная ситуация складывается при анализе показателей по характеристике устойчивости внимания. Высокий уровень показали только 18 % подростков с нормой развития и 6 % детей с задержкой развития, средний – 42 и 30 %, низкий – 40 и 64 % соответственно. Сравнение параметра устойчивости внимания по *U*-критерию Манна – Уитни показало, что статистически значимых различий между подростками с нормой и подростками с задержкой психического развития не выявлено ($p = 0,411$).

Это означает, что устойчивость внимания современных подростков с нормой развития приближается к уровню, который демонстрируют дети с задержкой развития. Темп жизни, навигация в сетях, огромный объем перерабатываемой инфор-

мации значительно ухудшили устойчивость внимания, о чем и пишут авторы, которые исследуют мотивацию к обучению современных детей и подростков, отмечая высокую рассеянность как неумение длительно сосредоточить внимание на одном предмете. Это сильно ухудшает восприятие больших текстов и снижает мотивацию к обучению, так как современное образование все еще основано на работе с книжными текстами.

Российский журналист, философ и культуролог К. Фрумкин описал глобальные изменения когнитивного стиля, так как мир, насыщенный электронными коммуникациями, формирует другой тип восприятия, отличный от текстового. Автор отметил: «Суть клипового мышления заключается в том, что оно умеет – и любит – быстро переключаться между

разрозненными смысловыми фрагментами. Главное достоинство “клипового восприятия” – большая скорость обработки информации. Другая его особенность – предпочтение нетекстовой, образной информации... Обратной стороной клипового мышления, требующего своеобразной виртуозности и реактивности, является неспособность к восприятию длительной линейной последовательности – однородной и одностильной информации, в том числе книжного текста» [39]. Эти выводы требуют осмысления и перестройки образовательного процесса для эффективного использования более развитых характеристик внимания, с одной стороны, и для развития ухудшающихся характеристик, с другой стороны, чтобы они не были практически утрачены в будущем.

Заключение

Полученные данные объясняют трудности обучения школьников, демонстрируют, что они вызваны не плохим характером и поведением детей 11–15 лет, а особенностями их когнитивного развития. Подростки просто не имеют психологических ресурсов для длительного удержания внимания. Наши данные, конечно, нельзя экстраполировать на всех подростков, однако полученные результаты вносят свою лепту в поток исследований жизни современных детей и молодежи, которая сильно отличается от предыдущих поколений. Именно распространение электронных мобильных устройств способствует развитию таких характеристик внимания, как объем и переключаемость (нужно держать в поле внимания большое количество открытых «окон» в телефоне, планшете или компьютере, уметь быстро переключаться с одного на другое). Как видно из нашего исследования, переключаемость особенно хорошо развита у подростков, которые обычно делают несколько дел одновременно. Причем родители констати-

руют факт, что на компьютере у детей открыто не менее пяти приложений, в которых они работают одновременно.

Вместе с тем развитие одних характеристик происходит за счет других. Так, избирательность и концентрация внимания у детей с нормой развития уже несколько хуже развиты, а по параметру устойчивости внимание учащихся с нормой развития практически не отличается от внимания подростков с задержкой развития. Причем если выявленные характеристики последних объясняются их диагнозом и условиями проживания в интернате (а значит, депривацией), то такое количество респондентов с низкой устойчивостью внимания у обычных подростков мы можем объяснить только особенностями современной информационной среды. Полагаем, что результаты нашей работы являются основанием для дальнейших исследований когнитивной сферы поколения Z и выработки новых образовательных стратегий для взаимодействия с его представителями.

Библиографические ссылки

1. Jones C, Ramanau R, Cross S, Healing G. Net generation or digital natives: is there a distinct new generation entering university? *Computers and Education*. 2009;54(3):722–732. DOI: 10.1016/j.compedu.2009.09.022.
2. Hargittai E, Piper AM, Morris MR. From internet access to internet skills: digital inequality among older adults. *Universal Access in the Information Society*. 2019;18(4):881–890. DOI: 10.5167/uzh-168039.
3. Hargittai E. Digital natives? Variation in internet skills and uses among members of the net generation. *Sociological Inquiry*. 2010;1(80):92–113. DOI: 10.1111/j.1475-682X.2009.00317x.
4. Ожиганова ЕМ. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения. *Бизнес-образование в экономике знаний*. 2015;1:94–97.
5. Prensky M. Digital natives, Digital immigrants. *On the Horizon*. 2001;9(5):1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816.
6. Tapscott D. *Grown up digital. How the net generation is changing your world*. New York: McGraw Hill; 2009. 368 p.
7. Царева АВ. Человек в сети: смена веб-поколений. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012;15(5):36–54.
8. Бережная НЮ. Поколение next: психологические особенности. *Культура и образование*. 2015;4:34–37.
9. Карасева СЕ, Кофейникова ЮЛ. Особенности личностного и когнитивного развития цифрового поколения. *Общество*. 2016;1:56–57.
10. Архангельская ЕЕ. Коммуникативные особенности младших школьников цифрового поколения. *Современные научные исследования и инновации*. 2018;11:49–51.

11. Грекова АА. Особенности мышления представителей «цифрового поколения». *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*. 2019;12(1):28–38. DOI: 10.14529/psy190103.
12. Истомина ЕА, Савонова ЕВ. Психологический портрет цифрового поколения. В: Зеер ЭФ, Третьякова ВС, редакторы. *Транспрофессионализм как предиктор социально-профессиональной мобильности молодежи. Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции; 28 января 2019 г.; Нижний Тагил, Россия*. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет; 2019. с. 171–174.
13. Богачева НВ, Сивак ЕВ. Мифы о «поколении Z». Москва: НИУ ВШЭ; 2019. 64 с.
14. Праслов МС. Психологические особенности представителей цифрового поколения. *Коллекция гуманитарных исследований*. 2016;3:92–97.
15. Zhu S. Teenagers mobile-phone usage and text message. In: *Society for information technology and teacher education international conference; 2014 March 17; Jacksonville, Florida, United States*. Waynesville: Association for the advancement of computing in education; 2014. p. 1724–1731.
16. Собкин ВС. Современный подросток в социальных сетях. *Педагогика*. 2016;8:61–72.
17. Собкин ВС, Федотова АВ. Сеть как пространство социализации современного подростка. *Консультативная психология и психотерапия*. 2019;27(3):119–137. DOI: 10.17759/cpp.2019270308.
18. Monibi M, Hayes GR. Mocotos: mobile communications tools for children with special needs. In: *Proceedings of the 7th International conference on interaction design and children; 2008 June 11–13; Chicago, USA*. New York: Association for Computing Machinery; 2010. p. 79–89.
19. Garzotto F, Bordogna F. Paper-based multimedia interaction as learning tool for disabled children. In: *Proceedings of the 9th International conference on interaction design and children; 2010 June 09–12; Barcelona, Spain*. New York: Association for computing machinery; 2010. p. 79–88.
20. Hayes GR. Interactive visual supports for children with autism. *Personal and Ubiquitous Computing*. 2010;14(7):663–680. DOI: 10.1007/s00779-010-0294-8.
21. Ohrstrom P. Helping autism-diagnosed teenagers navigate and develop socially using e-learning based on mobile persuasion. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2011;12(4):54–71. DOI: 10.19173/irrodl.v12i4.878.
22. Звонов ПА. Цифровое поколение и его особенности. *Вестник магистратуры*. 2018;12(4):79–82.
23. Вегнер Д, Уорд А. Как Интернет меняет наш мозг. *В мире науки*. 2014;2:98–102.
24. Морозов Е. *Техноненависть: как интернет отучил нас думать*. Гончарук В, переводчик. Москва: Common place; 2014. 116 с.
25. Солдатова ГУ, Рассказова ЕИ. Чрезмерное использование интернета: факторы и признаки. *Психологический журнал*. 2013;34(4):79–88.
26. Gobbo E, Torrebruno A. Technologies and diseases: computer as a support in the school system. Two case studies from the discetech project. In: *Proceedings of ED-MEDIA 2003 – World conference on educational multimedia, hypermedia and telecommunications; 2003 June 23–28; Honolulu, Hawaii*. Waynesville: Association for the Advancement of Computing in Education; 2003. p. 2368–2369.
27. Rossade KD, Heins B, Hampel R. Instant messaging in distributed and distance language learning. In: *Proceedings of ED-MEDIA 2005 – World conference on educational multimedia, hypermedia and telecommunications; 2005 June 27 – July 2; Montreal, Canada*. Waynesville: Association for the Advancement of Computing in Education; 2005. p. 800–807.
28. Алемасцева ПВ. Внимание: теории, виды и свойства. В: Грабоздин ЮП, редактор. *Актуальные научные исследования. Сборник статей XXXVI Международной научно-практической конференции; 30 декабря 2017 г.; Самара, Россия*. Самара: Центр научных исследований и консалтинга; 2017. с. 127–129.
29. Габдулина ЛИ. *Подходы к исследованию внимания в отечественной и зарубежной психологии*. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет; 2007. 52 с.
30. Dye MWG, Bavelier D. Differential development of visual attention skills in school-age children. *Vision Research*. 2010;50(4):452–459. DOI: 10.1016/j.visres.2009.10.010.
31. Gentile DA, Swing EL, Choon GL, Khoo A. Video game playing, attention problems, and impulsiveness: evidence of bidirectional causality. *Psychology of Popular Media Culture*. 2012;1(1):62–70. DOI: 10.1037/a0026969.
32. Uncapher MR, Wagner AD. Media multitasking, mind, and brain. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2018;115(40):9889–9896. DOI: 10.1073/pnas.1611612115.
33. Posner M, Rothbart M, Voelker PMW. Developing brain networks of attention. *Current opinion in pediatrics*. 2016;28:720–724. DOI: 10.1097/MOP.0000000000000413.
34. Касаткина НЭ, Брыксина ЕС. Возрастные особенности подростков и методы организации образовательного процесса. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014;3(1):75–77.
35. Дикевич ОЮ. *Особенности внимания подростков с нормой и задержкой психического развития* [дипломная работа]. Минск: БГУ; 2019. 55 с.
36. Грибанова ГВ. *Психологическая характеристика личности подростков с задержкой психического развития*. Москва: Наука; 2010. 162 с.
37. Троицкая ЛА. *Особенности эмоциональной сферы и познавательной деятельности у детей и подростков в норме и при патологии ЦНС* [автореферат диссертации]. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2009. 55 с.
38. Поляков АМ. *Субъект и символ*. Минск: БГУ; 2014. 255 с.
39. Фрумкин К. Клиповое мышление и судьба линейного текста [Интернет]. Топос. 2010 [процитировано 22 июля 2019 г.]. Доступно по: <https://www.topos.ru/article/7371>.
40. Выготский ЛС. *Типология развития*. Москва: Юрайт; 2016. 303 с.
41. Гальперин ПЯ, Кабыльницкая СЛ. Экспериментальное формирование внимания. В: Дубровина ИВ, Прихожин АМ, Защепин ВВ, составители. *Возрастная и педагогическая психология*. Москва: Академия; 1999. с. 149–155.
42. Узнадзе ДН. *Общая психология*. Чомахидзе ЕИШ, переводчик; Имедадзе ИВ, редактор. Москва: Смысл; 2004. 413 с. Совместно с издательством «Питер».
43. Рубинштейн ЛС. *Внимание*. В: Дуброва ВП, Ковалевич АВ, редакторы. *Основы психологии*. Минск: Беларусь; 2003. с. 225–238.

References

1. Jones C, Ramanau R, Cross S, Healing G. Net generation or digital natives: is there a distinct new generation entering university? *Computers and Education*. 2009;54(3):722–732. DOI: 10.1016/j.compedu.2009.09.022.
2. Hargittai E, Piper AM, Morris MR. From internet access to internet skills: digital inequality among older adults. *Universal Access in the Information Society*. 2019;18(4):881–890. DOI: 10.5167/uzh-168039.
3. Hargittai E. Digital na(t)ives? Variation in internet skills and uses among members of the net generation. *Sociological Inquiry*. 2010;1(80):92–113. DOI: 10.1111/j.1475-682X.2009.00317.x.
4. Ozhiganova EM. Straus Howe generational theory. Opportunities of practical application. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy*. 2015;1:94–97. Russian.
5. Prensky M. Digital natives, digital immigrants. *On the Horizon*. 2001;9(5):1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816.
6. Tapscott D. *Grown up digital. How the net generation is changing your world*. New York: McGraw Hill; 2009. 368 p.
7. Tsareva AV. Human being in the Net: the change of web generations. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2012;15(5):36–54. Russian.
8. Berezhnaya NYu. Generation Next: psychological characteristics. *Kul'tura i obrazovanie*. 2015;4:34–37. Russian.
9. Karaseva SE, Kofeynikova YuL. [Features of the personal and cognitive development of the digital generation]. *Obshchestvo*. 2016;1:56–57. Russian.
10. Arkhangelskaya EE. [Communicative features of younger students of the digital generation]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 2018;11:49–51. Russian.
11. Grekova AA. Features of thinking of the Net generation. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*. 2019;12(1):28–38. Russian. DOI: 10.14529/psy190103.
12. Istomina EA, Savonova EV. Psychological portrait of digital generation. In: Zeer EF, Tretyakova VS, editors. *Transprofessionalizm kak prediktor sotsial'no-professional'noi mobil'nosti molodezhi. Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii; 28 yanvarya 2019 g.; Nizhnii Tagil, Rossiya* [Transprofessionalism as a predictor of social and professional mobility of youth. Materials of the All-Russian (with international participation) scientific-practical conference; 2019 January 28; Nizhny Tagil, Russia]. Yekaterinburg: Rossiiskii gosudarstvennyi professional'no-pedagogicheskii universitet; 2019. p. 171–174. Russian.
13. Bogacheva NV, Sivak EV. *Mify o «pokolenii Z»* [Myths about the «generation Z»]. Moscow: HSE University; 2019. 64 p. Russian.
14. Praslov MS. [Psychological features of the digital generation]. *Kollektsiya gumanitarnykh issledovaniy*. 2016;3:92–97. Russian.
15. Zhu S. Teenagers mobile-phone usage and text message. In: *Society for information technology and teacher education international conference; 2014 March 17; Jacksonville, Florida, United States*. Waynesville: Association for the advancement of computing in education; 2014. p. 1724–1731.
16. Sobkin VS. The modern teenager on social networks. *Pedagogika*. 2016;8:61–72. Russian.
17. Sobkin VS, Fedotova AV. Social media as a field of a modern teenager's socialization. *Conseling Psychology and Psychotherapy*. 2019;27(3):119–137. Russian. DOI: 10.17759/cpp.2019270308.
18. Monibi M, Hayes GR. Mocotos: mobile communications tools for children with special needs. In: *Proceedings of the 7th International conference on interaction design and children; 2008 June 11–13; Chicago, USA*. New York: Association for computing machinery; 2010. p. 79–89.
19. Garzotto F, Bordogna F. Paper-based multimedia interaction as learning tool for disabled children. In: *Proceedings of the 9th International conference on interaction design and children; 2010 June 09–12; Barcelona, Spain*. New York: Association for computing machinery; 2010. p. 79–88.
20. Hayes GR. Interactive visual supports for children with autism. *Personal and Ubiquitous Computing*. 2010;14(7):663–680. DOI: 10.1007/s00779-010-0294-8.
21. Ohrstrom P. Helping autism-diagnosed teenagers navigate and develop socially using e-learning based on mobile persuasion. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2011;12(4):54–71. DOI: 10.19173/irrodl.v12i4.878.
22. Zvonov PA. [The digital generation and its features]. *Vestnik magistratury*. 2018;12(4):79–82. Russian.
23. Wegner D, Ward A. How the Internet is changing our brain. *V mire nauki*. 2014;2:98–102. Russian.
24. Morozov E. *Tekhnonenavist': kak internet otuchil nas dumat'* [Techno-hatred: how the Internet has taught us not to think]. Moscow: Common place; 2014. 116 p. Russian.
25. Soldatova GU, Rasskazova EI. Excessive use of the Internet: signs and factors. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2013;34(4):79–88. Russian.
26. Gobbo E, Torrebruno A. Technologies and diseases: computer as a support in the school system. Two case studies from the discotech project. In: *Proceedings of ED-MEDIA 2003 – World conference on educational multimedia, hypermedia and telecommunications; 2003 June 23–28; Honolulu, Hawaii*. Waynesville: Association for the Advancement of Computing in Education; 2003. p. 2368–2369.
27. Rossade KD, Heins B, Hampel R. Instant messaging in distributed and distance language learning. In: *Proceedings of ED-MEDIA 2005 – World conference on educational multimedia, hypermedia and telecommunications; 2005 June 27 – July 2; Montreal, Canada*. Waynesville: Association for the Advancement of Computing in Education; 2005. p. 800–807.
28. Alemastseva PV. [Attention: theories, types and properties]. In: Grabozdin YuP. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya. Sbornik statei XXXVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 30 dekabrya 2017 g.; Samara, Rossiya* [Actual scientific research. Collection of articles of the International scientific and practical conference; 2017 December 30; Samara, Russia]. Samara: Tsentr nauchnykh issledovaniy i konsaltinga; 2017. p. 127–129. Russian.
29. Gabdulina LI. *Podkhody k issledovaniyu vnimaniya v otechestvennoi i zarubezhnoi psikhologii* [Approaches to research attention in domestic and foreign psychology]. Rostov-on-Don: Southern Federal University; 2007. 52 p. Russian.
30. Dye MWG, Bavelier D. Differential development of visual attention skills in school-age children. *Vision Research*. 2010;50(4):452–459. DOI: 10.1016/j.visres.2009.10.010.

31. Gentile DA, Swing EL, Choon GL, Khoo A. Video game playing, attention problems, and impulsiveness: evidence of bidirectional causality. *Psychology of popular media culture*. 2012;1(1):62–70. DOI: 10.1037/a0026969.
32. Uncapher MR, Wagner AD. Media multitasking, mind, and brain. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2018; 115(40):9889–9896. DOI: 10.1073/pnas.1611612115.
33. Posner M, Rothbart M, Voelker PMW. Developing brain networks of attention. *Current opinion in pediatrics*. 2016; 28:720–724. DOI: 10.1097/MOP.0000000000000413.
34. Kasatkina NE, Bryksina ES. Age peculiarities of teenagers and methods of educational process organization. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2014;3(1):75–77. Russian.
35. Dikevich OYu. *Osobennosti vnimaniya podrostkov s normoi i zaderzhkoi psikhicheskogo razvitiya* [Features of attention of adolescents with norm and mental retardation; graduate work]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 55 p. Russian.
36. Gribanova GV. *Psikhologicheskaya kharakteristika lichnosti podrostkov s zaderzhkoi psikhicheskogo razvitiya* [Psychological characteristics of personality of adolescents with mental retardation]. Moscow: Nauka; 2010. 162 p. Russian.
37. Troitskaya LA. *Osobennosti emotsional'noi sfery i poznavatel'noi deyatel'nosti u detei i podrostkov v norme i pri patologii TsNS* [Features of the emotional sphere and cognitive activity in children and adolescents in the norm and in the pathology of the central nervous system] [dissertation abstract]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2009. 55 p. Russian.
38. Polyakov AM. *Sub'ekt i simvol* [The subject and the symbol]. Minsk: Belarusian State University; 2014. 255 p. Russian.
39. Frumkin K. [Clip thinking and the fate of linear text]. *Topos* [Internet]. 2010 [cited 2019 July 22]. Available from: <https://www.topos.ru/article/7371>.
40. Vygotskii LS. *Tipologiya razvitiya* [Developmental psychology]. Moscow: Yurait; 2016. 303 p. Russian.
41. Gal'perin PYa, Kabyl'nitskaya SL. [Experimental attention building]. In: Dubrovina IV, Prikhozhin AM, Zashchepin VV, compilers. *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psikhologiya* [Developmental and educational psychology]. Moscow: Academy; 1999. p. 149–155. Russian.
42. Uznadze DN. *Obshchaya psikhologiya* [General psychology]. Chomakhidze ESh, translator; Imedadze IV, editor. Moscow: Smysl; 2004. 413 p. Co-published by the «Piter». Russian.
43. Rubinshtein LS. [Attention]. In: Dubrova VP, Kovalevich AV, compilers. *Osnovy psikhologii* [The basics of psychology]. Minsk: Belarus'; 2003. p. 225–238. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2020.
Received by editorial board 10.02.2020.

ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМИ СТИЛЯМИ ОБУЧЕНИЯ

А. П. ЛОБАНОВ¹⁾, Н. В. ДРОЗДОВА²⁾

¹⁾Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
ул. Советская, 18, 220050, г. Минск, Беларусь

²⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты теоретического анализа и эмпирического исследования стилей обучения студентов разной специализации. Изучены стили обучения/мышления согласно модели Колба (*Kolb's experiential learning model*). Стил обучения рассматривается как интегративный показатель эффективности образовательного процесса. Определены личностные черты каждого из четырех стилей: деятель, мыслитель, теоретик и прагматик. Выявлено, что будущая профессиональная деятельность предполагает наличие общих профессионально важных качеств личности и в то же время их дифференциацию в зависимости от специализации студентов. Стилиевой подход рассмотрен как основание студентоцентрических образовательных технологий, ориентированных на конечный результат и объективизацию профиля личности будущего специалиста и конкретности его академических достижений.

Ключевые слова: стиль обучения; деятель; мыслитель; теоретик и прагматик; черты личности; «Большая пятерка»; образовательный процесс.

TRITS OF THE PERSONALITY OF STUDENTS WITH DIFFERENT LEARNING STYLES

A. P. LOBANOV^a, N. V. DROZDOVA^b

^aBelarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, 18 Savieckaja Street, Minsk 220050, Belarus

^bNational Institute for Higher Education, 15 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

Corresponding author: N. V. Drozdova (drozdova_33@mail.ru)

The article presents the results of theoretical analysis and empirical study of learning styles of students of different specializations. Learning/thinking styles according to the Kolb's experimental learning model are the subject of the study. The personality features of each of the four styles are defined: figure, thinker, theorist and pragmatism. It has been revealed that future professional activity implies the existence of common professionally important qualities of the individual and, at the same time, their differentiation depending on the specialization of students. The style approach is seen as the foundation of student-centric educational technologies focused on the result and objectification of the personality profile of the future specialist and the specificity of his academic achievements.

Keywords: style of training; figure; thinker; theorist and pragmatism of personality traits; Big Five; educational process.

Образец цитирования:

Лобанов АП, Дроздова НВ. Черты личности студентов с разными стилями обучения. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;2:108–113.

For citation:

Lobanov AP, Drozdova NV. Traits of the personality of students with different learning styles. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020;2:108–113. Russian.

Авторы:

Александр Павлович Лобанов – доктор психологических наук, профессор; профессор кафедры возрастной и педагогической психологии факультета социально-педагогических технологий.

Наталья Валерьевна Дроздова – кандидат психологических наук, доцент; заведующий кафедрой проектирования образовательных систем.

Authors:

Alexander P. Lobanov, doctor of science (psychology), full professor; professor at the department of age and educational psychology, faculty of social and pedagogical technologies.

kaf.edusystems@gmail.com

Nataliya V. Drozdova, PhD (psychology), docent; head of the department of educational systems design.

drozdova_33@mail.ru

Введение

Понятие стиля востребовано психологической наукой в связи с исследованиями индивидуальности как определенный компромисс между постулатом о неповторимости черт личности и необходимостью научной типологии индивидуумов. Ученых привлекла широта содержания вышеназванного понятия: стиль принадлежит человеку, он предельно конкретен и в то же время характеризует обобщенную форму его поведения в разных социальных ситуациях. Первым психологом, обратившимся к понятию стиля, был А. Адлер [1]. Он допускал отождествление термина «стиль жизни» (или «жизненный стиль») с такими научными понятиями, как «личность» и «характер». Значительный вклад в теоретическое осмысление данного понятия внесли работы Г. Оллпорта и Р. Стагнера. Их результатом стало не только оформление стилевого подхода в психологии, но и дифференциация личностных и перцептивных стилей [2].

Наиболее полная классификация познавательных стилей принадлежит М. А. Холодной. Опираясь на теорию общих способностей В. Н. Дружинина и авторскую теорию интеллекта как индивидуального ментального опыта, М. А. Холодная выделяет четыре интеллектуальные способности: конвергентные и дивергентные способности, обучаемость и познавательные стили [3, с. 139]. В свою очередь, конструкт «познавательные стили» включает в себя стили кодирования информации, когнитивные, интеллектуальные и эпистемологические стили.

А. В. Карпов предлагает типологию руководителей и исполнителей, исходя из соотношения их стиля управления и рефлексивности. Низкорелексивные руководители склонны к авторитарному или попустительскому стилям, при этом их стиль соответствует стилю исполнителей при условии их низкой или высокой рефлексивности соответственно. Демократический стиль управления наиболее эффективен, когда высокая рефлексивность руководителя соотносится с низкой рефлексивностью исполнителя. Высокая рефлексивность руководителя и исполнителя предполагают реализацию партисипативного (соучаствующего) стиля управления [4].

Непосредственно предметом нашего исследования являются стили обучения/мышления согласно модели Колба (*Kolb's experiential learning model*) [5], основанного на опыте обучения, а также на результатах ее углубления и конкретизации в исследованиях П. Хони и А. Мамфорда [6] и в интерпретации А. Фернхэма, К. Джексона и Т. Миллера [6; 7].

На наш взгляд, модель Колба удачно интегрирует основные положения когнитивно ориентированных теорий научения и теории познания. Однако, исходя из того, кто является субъектом ее реализации, необходимо дифференцировать понятия «стиль обучения» (*teaching styles*) в связи с деятельностью обучающихся и «стиль учения» (*learning styles*) как способ усвоения обучающимися знаний и компетенций [7]. А. Фернхэм, К. Джексон и Т. Миллер приводят краткую характеристику диагностируемых методикой П. Хони и А. Мамфорда стилей: деятель – импульсивный, нацеленный на поиск ощущений экстраверт; рефлексивный – осторожный, методологический интроверт; теоретик – объективный, рациональный интеллигент; прагматик – практичный, целесообразный реалист [6].

В любом случае стиль учения (как и стиль обучения) представляет собой интеллектуальную активность когнитивного агента, реализуемую в образовательном процессе. Такой подход максимально соответствует определению стиля как «способа осуществления чего-либо, отличающегося совокупностью своеобразных приемов» [8, с. 474].

Неслучайно стиль обучения (учения) имеет дуальную маркировку: одновременно это и стиль мышления. Учение – не что иное, как реализация ментального потенциала индивидуума в познавательной деятельности и социальном взаимодействии. В каждом стиле обучения эксплицитно или имплицитно можно обнаружить «следы» и познавательных стилей М. А. Холодной, и рефлексивно-стилевую таксономию А. В. Карпова. Понятие стиля требует имманентного (внутренне присущего ему) осмысления. Стиль – это не способность и не деятельность, а, как и следует из его этимологии, способ их осуществления. Поэтому о стиле обучения/учения/мышления мы вправе говорить как о способе реализации их познавательной активности в специально организованном коммуникативно-социальном контексте. Стиль обучения генетически несет в себе и познавательные стили, и когнитивные навыки рефлексии.

Содержание понятия стиля, по нашему мнению, во многом рядоположено с такими категориями, как стратегия и метакогниция. Оно по праву может быть отнесено к общенаучным категориям, является когнитивно-личностным образованием и приобретает свои специфические (парциальные) характеристики в условиях конкретной области реализации. В результате речь может идти о когнитивных стилях, индивидуальных стилях деятельности, стилях управления и стилях обучения/учения.

Организация и результаты исследования

Респондентами стали 35 студентов, будущих специалистов в области международного права, и 36 студентов со специализацией «международные от-

ношения» – всего 71 человек. Исследование имело групповой характер и проходило в естественных условиях образовательного процесса БГУ.

В качестве диагностического инструментария использованы следующие методики: «Пятифакторный личностный опросник» («Большая пятерка», *5PFQ*) Р. Маккрае и П. Коста в модификации японского психолога Х. Тсуйи, адаптированный для русскоязычных респондентов В. Е. Орлом, А. А. Рукавишниковым и И. Г. Сениным, и в интерпретации А. Б. Хромова; опросник «Стили деятельности» П. Хони и А. Мамфорда (в адаптации А. Д. Ишкова и Н. Г. Милорадовой).

1. «Пятифакторный личностный опросник» Р. Маккрае и П. Коста изначально был предназначен для диагностики черт личности, объединенных в пять факторов, таких как нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, сотрудничество и добросовестность. Х. Тсуйи стал рассматривать указанные факторы как биполярные конструкты: 1) *экстраверсия – интроверсия*; 2) *привязанность – обособленность*; 3) *самоконтроль – импульсивность*; 4) *эмоциональная устойчивость – эмоциональная неустойчивость*; 5) *экспрессивность – практичность*. Названия факторов опросника приведены в интерпретации А. Б. Хромова [9].

2. Опросник «Стили деятельности» П. Хони и А. Мамфорда диагностирует четыре стиля мышления/обучения, локализованных в пространстве двух континуумов: конкретный опыт и образование абстрактных понятий, рефлексивное наблюдение и экспериментирование в новых ситуациях [6]. Соответственно, речь может идти о таких стилях, как деятель, или активист (*SD*), мыслитель, или рефлексизирующий (*SR*), теоретик (*ST*) и прагматик (*SP*).

На основании анализа первичных данных (рис. 1) можно утверждать, что четыре из пяти факторов у студентов выражены на высоком уровне, что соответствует полюсам привязанности, самоконтроля, эмоциональной устойчивости и экспрессивности. Самая сильная сторона их личности – экспрессивность. Такие люди чаще доверяют чувствам и интуиции, избегают рутинной деятельности, пренебрегая повседневностью, и не склонны к обязательности. Вместе с тем они любопытны и обучаемы.

На среднем уровне у респондентов выражен фактор *экстраверсия – интроверсия*, хотя медианный критерий говорит о преобладании в группе испытуемых студентов с показателями интроверсии выше среднего. Для них характерна концентрация на себе, собственных проблемах и переживаниях, недостаточное внимание к другим, предпочтение абстрактных идей практической деятельности. Впрочем, многие из этих характеристик соответствуют профилю личности студентов первых курсов.

Согласно общей структуре стилей обучения/мышления (рис. 2) респонденты скорее мыслители и теоретики, чем прагматики и деятели. Однако, отмечая выраженность названных выше стилей,

необходимо принимать во внимание определенную амбивалентность черт личности студентов: возможность занятия научными исследованиями, детерминированную интроверсией, и наличие препятствий для ее реализации, вызванных ярко выраженной экспрессивностью. Другими словами, их теоретизирование и рассуждения имеют скорее житейские, чем «книжные» основания, базируются на здравом смысле и юношеской инфантильной критичности ума.

В то же время у студентов одного факультета, но разных специальностей имеет место дифференциация вышеназванных стилей. У студентов, обучающихся по специальности «международные отношения», более выражены стили мышления «мыслитель» (7,17 балла) и «теоретик» (6,29), а у студентов-правоведов – «прагматик» (6,14) и «деятель» (5,74), что в целом соответствует общей направленности их будущей профессиональной деятельности (рис. 3). Таким образом, используя характеристику стилей А. Фернхэма, К. Джексона и Т. Миллера, можно сделать вывод, что студенты-международники склонны приобретать черты осторожного, методологического интроверта и объективного ра-

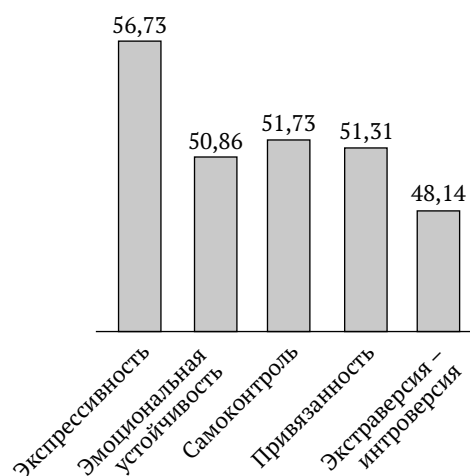

Рис. 1. Основные факторы личности студентов, балл
Fig. 1. Basic student personality factors, point

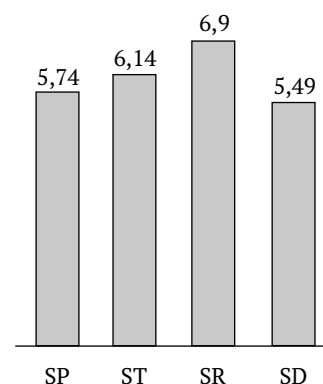

Рис. 2. Стили обучения/мышления студентов, балл
Fig. 2. Student learning/thinking styles, point

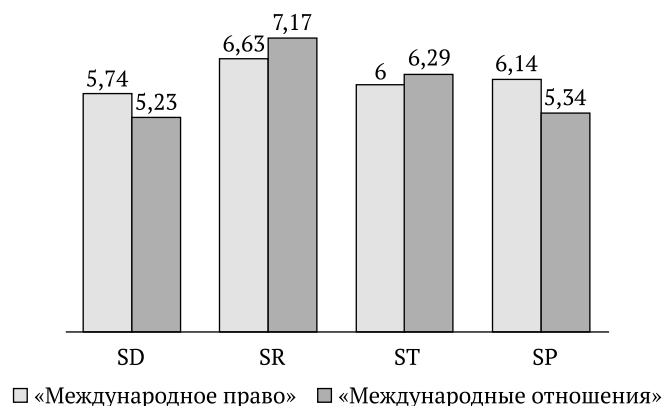

Рис. 3. Показатели стилей обучения/мышления студентов с разным профилем обучения, балл

Fig. 3. Student learning/thinking style indicators with different training profile, point

ционального интеллигента; студенты-правоведы – практического реалиста и нацеленного на поиск ощущений импульсивного экстраверта.

Иерархия стилей обучения студентов-международников в целом сопоставима с их выраженностью у студентов физико-математического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка. У них та же последовательность стилей по мере их убывания: мыслитель (7,08 балла), теоретик (6,47), прагматик (6) и активист (5,7). У студентов факультета социально-педагогических технологий того же университета последовательность стилей выглядит следующим образом: мыслитель (7,23), активист (6,13), теоретик (6,09) и прагматик (6,03) [10]. Действительно, выбор социальной работы и социальной педагогики в качестве будущей профессии вряд ли можно назвать прагматичным, но в любом случае он предполагает определенную социальную активность.

Статистически значимые различия по *t*-критерию Стьюдента были обнаружены только между суждениями респондентов о выраженности

у них стиля «прагматик»: он более характерен для правоведов, чем для международников ($t = 2,045$, $p < 0,05$).

О взаимосвязи между стилями обучения и чертами личности респондентов можно судить на основании результатов корреляционного анализа по методу *r*-Пирсона. Вне зависимости от специализации студентов было установлено, что показатели их стиля «деятель» прямо пропорционально коррелируют с экстраверсией ($r_{\text{мо}} = 0,39$, $p < 0,02$; $r_{\text{мп}} = 0,66$, $p < 0,001$) и имеют обратную корреляцию с самоконтролем ($r_{\text{мо}} = -0,34$, $p < 0,04$; $r_{\text{мп}} = -0,39$, $p < 0,02$). Экстравертированный (направленный вовне) стиль «деятель» («активист») одновременно предполагает наличие импульсивности как сочетания естественности поведения с беспечностью и склонностью к необдуманным поступкам.

Для студентов, обучающихся по специальности «международные отношения», характерна обратная пропорциональная связь стиля деятель с привязанностью ($-0,39$, $p < 0,02$) и эмоциональной устойчивостью ($-0,38$, $p < 0,02$), а для будущих специалистов в области международного права – с экспрессивностью ($-0,55$, $p < 0,001$). В первом случае стиль «деятель» соотносится с обособленностью и эмоциональной неустойчивостью, во втором – с практичностью (таблица).

Стиль «мыслитель» в двух группах респондентов взаимосвязан с экстраверсией ($r_{\text{мо}} = -0,32$, $p < 0,1$; $r_{\text{мп}} = -0,37$, $p < 0,03$) и самоконтролем ($r_{\text{мо}} = 0,45$, $p < 0,01$; $r_{\text{мп}} = 0,53$, $p < 0,001$). В то же время стиль «теоретик» у международников коррелирует с привязанностью ($0,34$, $p < 0,044$), а у правоведов – напрямую с самоконтролем ($0,64$, $p < 0,001$) и обратно пропорционально таким факторам, как экстраверсия ($-0,45$, $p < 0,01$), эмоциональная устойчивость ($-0,33$, $p < 0,05$) и экспрессивность ($-0,47$, $p < 0,004$). Корреляции стиля обучения «прагматик» с основными факторами «Большой пятерки» в данной выборке испытуемых обнаружены не были.

Корреляции стилей обучения и черт личности у студентов

Student learning style and personality correlations

Стиль обучения	Специализация студентов	
	«Международные отношения»	«Международное право»
Деятель	Обособленность, эмоциональная неустойчивость	Практичность
Мыслитель	Интроверсия и самоконтроль	
Теоретик	Привязанность	Самоконтроль, интроверсия, эмоциональная неустойчивость, практичность

Еще один аспект, в контексте которого можно интерпретировать результаты нашего исследования, – это вечная проблема соотношения биологического (врожденного) и социального (приобретен-

ного) в природе личности. Авторы пятифакторной теории Р. Маккрае и П. Коста говорили о чертах личности как совокупности врожденных базовых тенденций, которые оказывают влияние на раз-

вивающиеся в процессе социализации «характерные адаптации»: социальные установки, ценности и в целом на я-концепцию [11]. Соотношение стилей обучения и черт личности, наличие корреляций между ними позволяет склонять чашу весов скорее в пользу влияния социализации

и образования на поведение человека. В качестве перспективного направления дальнейших исследований можно рассматривать проявление вышеперечисленных стилей и их взаимосвязь с чертами личности специалистов в реальной деятельности.

Заключение

В результате исследования можно утверждать, что понятие стиля обучения/учения/мышления необходимо рассматривать как когнитивно-личностное образование, формирующееся и развивающееся в образовательном процессе учреждения высшего образования (УВО). Наиболее убедительными теоретическими основаниями исследования и интерпретации полученных данных являются теории метакогнитивизма, согласно которым в юношеском возрасте имеет место определяющее влияние когнитивного развития на становление личности. Соотношение когнитивных и личностных характеристик, в свою очередь, во многом определяют стиль учебной деятельности активного субъекта образовательного процесса (когнитивного агента).

Будущая профессиональная деятельность предполагает наличие общих профессионально важных качеств личности и в то же время их дифференци-

цию в зависимости от специализации. Обучение в УВО (особенно на первых курсах) подразумевает преимущественное усвоение декларативных знаний и академических компетенций, что является наиболее благоприятной средой для формирования стиля «рефлексирующий» (или «мыслитель»). Свой отпечаток накладывает и специализация: стиль «прагматик» значимо дифференцирует студентов, обучающихся по специальностям «международное право» и «международные отношения».

Стилевой подход, с одной стороны, можно рассматривать как интегративный показатель эффективности образовательного процесса при реализации образовательного мониторинга, а с другой стороны, – как основу для студентоцентрических образовательных технологий, ориентированных на конечный результат и объективизацию профиля личности будущего специалиста и конкретности его академических достижений.

Библиографические ссылки

1. Либин АВ. Единая концепция стиля человека: метафора или реальность? В: Либин АВ, редактор. *Стиль человека: психологический анализ*. Москва: Смысл; 1998. с. 109–124.
2. Лобанов АП. *Психология интеллекта и когнитивных стилей*. Гревцов ВВ, редактор. Минск: Агентство В. Гревцова; 2008. 296 с.
3. Холодная МА. *Психология интеллекта. Парадоксы исследования*. Санкт-Петербург: Питер; 2002. 272 с.
4. Карпов АВ. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики. *Психологический журнал*. 2003;24(5):44–57.
5. Kolb D. *Experimental learning*. New York: Englewood Cliffs; 1984. 256 p.
6. Ишков АД. *Учебная деятельность студента: психологические факторы успешности*. Москва: Издательство АСВ; 2004. 224 с.
7. Лобанов АП, Дроздова НВ. *Когнитивная психология образования*. Корелло ОН, редактор. Минск: РИВШ; 2016. 134 с.
8. Петров ФН, редактор. *Словарь иностранных слов*. Москва: Русский язык; 1986. 608 с.
9. Хромов АБ. *Пятифакторный опросник личности*. Курган: Курганский государственный университет; 2000. 23 с.
10. Лобанов АП, Верамейчик ВЮ. Профиль мышления студентов с разными стилями обучения. В: Гайсенко ВА, редактор. *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки*. Минск: РИВШ; 2019. С. 192–198.
11. Мишкевич АМ, Щебетенко СА. Половые различия по чертам «Большой пятерки»: взгляд через призму установок на черты. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2018;15(3):562–572. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-3-562-572.

References

1. Libin AV. [Unified concept of human style: metaphor or reality?]. In: Libin AV, editor. *Stil' cheloveka: psikhologicheskii analiz* [Human style: psychological analysis]. Moscow: Smysl; 1998. p. 109–124. Russian.
2. Lobanov AP. *Psikhologiya intellekta i kognitivnykh stilei* [Psychology of intelligence and cognitive styles]. Grevtsov VV, editor. Minsk: Agentstvo V. Grevtsova; 2008. 296 p. Russian.
3. Kholodnaya MA. *Psikhologiya intellekta. Paradoxy issledovaniya* [Psychology of intelligence. Paradoxes of the study]. Saint Petersburg: Piter; 2002. 272 p. Russian.
4. Karpov AV. Reflexiveness as a mental quality and the method to diagnose it. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2003;24(5): 44–57. Russian.

5. Kolb D. *Experimental learning*. New York: Englewood Cliffs; 1984. 256 p.
6. Ishkov AD. *Uchebnaya deyatel'nost' studenta: psikhologicheskie faktory uspekhov* [Educational activity of the student: psychological factors of success]. Moscow: Izdatel'stvo ASV; 2004. 224 p. Russian.
7. Lobanov AP, Drozdova NV. *Kognitivnaya psikhologiya obrazovaniya* [Cognitive psychology of education]. Korello ON, editor. Minsk: National Institute for Higher Education; 2016. 134 p. Russian.
8. Petrov FN, editor. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow: Russkii yazyk; 1986. 608 p. Russian.
9. Khromov AB. *Pyatifaktorny oprosnik lichnosti* [Five-factor personality questionnaire]. Kurgan: Kurgan State University; 2000. 23 p. Russian.
10. Lobanov AP, Verameichik VYu. [Thinking profile of students with different styles of study]. In: Gaisnok VA, editor. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Scientific works of the National Institute for Higher Education. Historical and psycho-pedagogical sciences]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2019. p. 192–198. Russian.
11. Mishkevich AM, Shchebetenko SA. Sex differences in the Big Five of personality: looking through the attitudes toward traits. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2018;15(3):562–572. Russian. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-3-562-572.

Статья поступила в редколлегию 26.03.2020.
Received by editorial board 26.03.2020.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ

Н. Ю. КЛЫШЕВИЧ¹⁾, А. М. ПОЛЯКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлен анализ современных исследований, посвященных развитию личности и социального взаимодействия белорусских студентов. Рассматриваются система ценностей, жизненные стратегии, мотивация учебной деятельности и ее динамика в процессе обучения в вузе, профессиональное самосознание юношей и девушек, осмысленность ими жизни, возрастная специфика их межличностных отношений и взаимодействия. Обосновывается необходимость учета личностных и социальных особенностей в педагогическом и психологическом сопровождении студентов. Предлагается стратегия проектирования учебных занятий со студентами с учетом возрастной специфики взаимодействия со сверстниками, нацеленная на развитие осознания, умения удерживать и изменять собственную смысловую позицию с учетом позиций других людей посредством работы с символическими формами.

Ключевые слова: ценности; мотивация учебной деятельности; профессиональное самосознание; временная перспектива будущего; идентичность; смысловой полицентризм сознания; социальное взаимодействие.

PECULIARITIES OF PERSONALITY AND SOCIAL INTERACTION OF BELARUSIAN STUDENTS

N. J. KLYSHEVICH^a, A. M. POLYAKOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezalieznasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. M. Polyakov (polyakov.bsu@gmail.com)

The analysis of the modern researches of the personal and social interaction development of Belarusian students is presented in the article. The system of values, life strategies, motivation of educational activity and its dynamics in the process of studying at the university, professional self-awareness of boys and girls, age specifics of their relations and interaction are analyzed in the article. The authors substantiate the importance of orientation on the personal and social characteristics of students in the pedagogical and psychological support of students. The strategy for designing training sessions with students is proposed. It takes into account the age-specific nature of their interaction with peers. It is aimed at the development of awareness, the ability to hold and change your own semantic position, taking into account the positions of other people through working with symbolic forms.

Keywords: values; motivation of educational activity; professional self-awareness; temporary perspective of the future; identity; semantic polycentrism of consciousness; social interaction.

В белорусской психологии довольно большое количество исследований посвящено изучению тех или иных аспектов личности студентов и их

социального взаимодействия. В данной статье мы постарались собрать известные нам результаты научных работ, которые, на наш взгляд, помогают по-

Образец цитирования:

Клышевич НЮ, Поляков АМ. Особенности личности и социального взаимодействия белорусских студентов. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020;2:114–123.

For citation:

Klyshevich NJ, Polyakov AM. Peculiarities of personality and social interaction of Belarusian students. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2020;2:114–123. Russian.

Авторы:

Наталья Юлиановна Клышевич – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Алексей Михайлович Поляков – доктор психологических наук, доцент; профессор кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Natalia J. Klyshevich, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

Alexey M. Polyakov, doctor of science (psychology), docent; professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
polyakov.bsu@gmail.com

нять специфику современной студенческой молодежи и, что особенно важно, разработать наиболее эффективные методы педагогического взаимодействия, способствующие профессиональному росту и психическому развитию юношей и девушек.

Период студенческой жизни характеризуется разнообразием форм активности, поиском путей и средств самореализации, что отражает ценностные ориентиры молодых людей относительно различных сфер жизнедеятельности. Система их ценностных ориентаций обладает определенной иерархичностью. Наиболее значимыми ценностями для белорусских студентов являются семья, друзья и знакомые, работа, досуг, ценность которого в их возрасте выше, чем в других возрастных группах [1].

Родители и близкие друзья – основные референтные группы для студентов. В трудных жизненных обстоятельствах, кроме опоры на собственные силы (81 %), они также рассчитывают на помощь отца и матери (68 %) и близких друзей (40 %). Половина участников исследования говорит о наличии у них нескольких друзей, треть – о множестве друзей и приятелей. В то же время примерно каждый десятый белорусский студент испытывает определенные трудности при общении со сверстниками. Так, 2 % опрошенных отметили, что у них нет друзей, 10 % чувствуют себя одиночками, несмотря на широкий круг знакомых [1].

Вызывают интерес также результаты сравнительных исследований ценностного сознания студентов. В рамках реализации проекта «Россия и Беларусь глазами студенческой молодежи» изучались ценностные ориентации студентов в российских и белорусских вузах [2]. Общей тенденцией в двух исследуемых группах было наличие ориентации на достижения, даже если они труднодоступны и требуют значительных усилий. Установлено, что российские и белорусские студенты связывают достижения как с профессиональным и карьерным ростом, так и с повышением материального благополучия и созданием семьи. Также обнаружено, что коллективистские ценности в большей степени распространены среди белорусской студенческой молодежи, в то время как российские студенты тяготеют к индивидуалистским ценностям.

Сравнение данных исследования студенческой молодежи в 2001 и 2016 гг. выявило наличие значительных расхождений в ценностных ориентациях студентов Беларуси и России, хотя опрос студентов обеих стран, выполненный в 2001 г., демонстрировал сходство их ценностей. Векторы зафиксированных смещений имеют противоположную направленность. У российских студентов несколько снизилась ориентация на достижения и одновременно усилились гедонистические настроения, ориентация на текущие цели, социальную автономию, приоритет личностного над общественным.

У белорусских студентов выявлена противоположная тенденция: существенно возросла ориентация на достижения и выбор дальних целей, усилились стремление к социальной интеграции и чувство общности с другими людьми [2].

Изучение ценностей современных белорусских студентов как потенциальных работников показало, что для них прежде всего важны содержание трудовой деятельности («чтобы выполняемая работа была интересна») и ее высокая оплата. Следующими в иерархии ценностей выступают такие характеристики, как хороший коллектив, благоприятные условия работы и ожидание того, что работа не будет ущемлять ни личные интересы, ни интересы семьи [3].

Анализ жизненных стратегий белорусских студентов показывает, что молодые люди ориентированы в своей трудовой деятельности на собственное благополучие. Стратегия жизненного благополучия предполагает обеспеченную, спокойную и стабильную жизнь, направленную на приобретение и потребление различных жизненных благ, стремление к комфорту. Отмечается потребность к максимально возможному или допустимому удовлетворению своих потребностей в тех или иных жизненных благах.

Следующей по степени выраженности оказалась стратегия жизненной самореализации, отражающая ценности личной автономии и самосовершенствования, неприятие строгой регламентации, толерантность в отношении образа жизни других людей.

У белорусских студентов оказалась наименее представленной стратегия жизненного успеха, в рамках которой работа связана с достижением общественного признания, мастерства, высокого профессионализма и компетентности в избранной профессиональной сфере, продвижением по социальной лестнице [3].

В психолого-педагогических работах по-прежнему актуален такой вопрос: почему одни студенты много и охотно работают над овладением знаниями и профессиональным мастерством, а возникающие трудности только добавляют им энергии и желания добиться поставленной цели, в то время как другие все делают неохотно и появление сколько-нибудь значительных препятствий резко снижает их активность вплоть до разрушения учебной деятельности? В качестве одного из факторов объяснения данного феномена может выступать мотивационно-потребностная сфера личности.

Будучи сложным структурным образованием, мотивация учебно-познавательной деятельности студентов положительно влияет на качество знаний, их глубину и действенность, широту и систематизацию, является важнейшим внутренним условием развития стремления к самообразованию. Известно, что именно отрицательное или безраз-

личное отношение к учению может быть причиной низкой успеваемости или неуспеваемости студентов. В этой связи представляет интерес изучение как мотивации учебной деятельности студентов в целом, так и ее динамики во время всего обучения в вузе.

Исследования ряда авторов позволяют сделать вывод о том, что существуют различия в мотивации учебной деятельности студентов различных курсов [4; 5]. У студентов 1-го курса доминирует прагматическая мотивация, направленная на получение диплома. Для студентов средних курсов наиболее характерна профессиональная мотивация, отражающая их интерес к будущей профессии и стремление овладеть ею на высоком уровне. Вероятно, это связано с увеличением числа профессионально ориентированных дисциплин. На последнем курсе преобладает познавательная мотивация, связанная с пониманием значимости получаемых знаний для успешного продвижения в профессиональной деятельности, построении карьеры [4].

Сходные данные получены И. И. Рифицкой, Е. В. Пилипенко, которые отмечают, что к последнему курсу обучения усиливается степень осознания и интеграции различных форм мотивов обучения. На ведущие позиции у студентов выходят профессиональные («Стать высококвалифицированным специалистом»; «Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности») и учебно-познавательные мотивы («Получить интеллектуальное удовлетворение»; «Приобрести глубокие и прочные знания») [5].

Представляют интерес мотивационные профили студентов с различной успеваемостью. Так, студенты с высокой академической успеваемостью демонстрируют осознанность собственной учебной деятельности, автономию, способность соотносить текущие и перспективные цели. Для этих учащихся характерны гордость за академические достижения, ярко выраженный познавательный интерес, в том числе к решению сложных задач, а также высокая мотивация достижения [6]. По мнению П. Р. Галузо, следует также отметить наличие линейных взаимосвязей между высокой мотивацией достижения успеха и осознанием студентами условий и средств учения, прогнозированием его результатов, контролем над ходом и результатами своей учебной деятельности [7]. Как указывает Т. О. Гордеева, у академически успешных студентов выше показатели внутренней мотивации учебной деятельности, целеустремленности, самоконтроля, веры в контролируемость собственных достижений и оптимистических объяснений успехов. Для них характерен более продуктивный профиль копинг-стратегий, они чаще используют активные стратегии совладания с трудностями, возникающими в учебной деятельности [8].

Слабоуспевающие студенты не ставят перспективных целей, не стремятся к установлению при-

чинно-следственных связей между событиями и собственными решениями, не чувствуют возможности управлять будущим. Мотивация достижения как в рамках академической успеваемости, так и в разных сферах жизни у них ниже, чем у студентов с хорошей успеваемостью. Такие студенты не испытывают радости познания, удовольствия от решения трудных задач, гордости за значимость академических достижений. У них отсутствуют осмысленность учебной деятельности, эффективность стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями. Низкий уровень учебной активности коррелирует со слабой выраженностью общей способности к саморегуляции учебной деятельности [9].

Помимо мотивационного профиля представляет интерес исследование личностных особенностей студентов с учетом их академической успеваемости [4]. Выборку составили студентки психологического факультета дневной формы обучения. На основе использования 16-факторного опросника Р. Кеттелла были получены следующие результаты.

Студентки с высоким уровнем успеваемости (8–10 баллов) имеют наиболее высокие показатели по трем основным факторам, которые диагностируют интеллектуальные особенности личности: подвижность мышления, высокий уровень общей культуры, склонность к экспериментированию, направленность на аналитическую деятельность, самостоятельность в решении интеллектуальных задач и самоуверенность. Анализ эмоционально-волевых особенностей личности свидетельствует, что студентки данной группы эмоционально более стабильны и реалистичны, энергичны, эмоциональны и динамичны в процессе общения.

Студентки со средним уровнем успеваемости (6–7 баллов) более чувствительны и артистичны, застенчивы и тревожны, склонны к самоконтролю, обладают достаточно развитым чувством долга и ответственности, умеют совладать со своими эмоциями. Из всей выборки они демонстрируют самое высокое значение показателей, фиксирующее нормативность поведения.

Студентки с низким уровнем успеваемости (4–5 баллов) в среднем по всем факторам уступают студенткам с более высокой академической успеваемостью. У них более всего выражены проницательность по отношению к окружающим и практический интеллект, характеризующий личность, умеющую находить выход из сложных ситуаций [4].

Выделенные особенности слабоуспевающих студентов дают ключ к пониманию возможностей их психолого-педагогического сопровождения. Непосредственное личностное взаимодействие с ними укрепляет их уверенность в себе. Доказано, что повышение самоуважения ведет к снижению самообвинения и поиска виновных. Кроме этого, важно поддерживать интерес студентов к учебной деятельности, давать конструктивную обратную

связь, способствовать осознанию ими собственных эффективных способов деятельности, повышать их навыки самоконтроля, содействовать развитию убеждения в том, что они обладают необходимыми ресурсами для достижения учебно-профессиональных целей.

Дальнейшее формирование идентичности у студентов связано с профессиональным самосознанием. Оно включает совокупность представлений о себе как субъекте будущей профессиональной деятельности. Исследования динамики профессиональной идентичности свидетельствуют, что студенты младших курсов обладают диффузной идентичностью, поэтому профессиональная идентичность формируется лишь на основе прогнозирования индивидом своих реальных возможностей в профессиональной деятельности в плане реализации собственного потенциала и удовлетворения потребностей. Старшекурсников уже отличает представление о себе как о профессионалах, их суждения на данную тему становятся более дифференцированными. Следовательно, у студентов при переходе с курса на курс постепенно усиливается идентификация себя с профессиональной группой [10].

Целенаправленное формирование профессионального самосознания студентов предполагает решение следующих задач: актуализация проблемного поля профессионального самосознания студентов, моделирование эталона профессиональной деятельности специалиста, осознание обучающимися динамики собственного профессионального развития и профессионально значимых качеств личности. Использование игрового моделирования будет способствовать рефлексии собственных профессиональных позиций студентов. На основе психологических исследований А. В. Музыченко доказала эффективность формирования профессионального самосознания будущих специалистов через такие блоки, как вхождение в проблемное поле, погружение, осознание [11].

Начальный блок работы включает диагностику у студентов профессионально важных качеств личности, их профессиональных представлений. Затем профессиональное самосознание развивается через интериоризацию ключевых понятий, практическую деятельность студентов на основе игрового моделирования, рефлексии полученного опыта. Заключительный блок нацелен на осознание студентами собственного профессионального Я, индивидуального стиля деятельности, разработки – в случае необходимости – программы саморазвития профессионально важных качеств личности [11].

Спроектированные таким образом условия формирования профессионального самосознания студентов позволят активизировать процесс их самоопределения в профессиональном поле деятельности.

Важной характеристикой развития личности студента является временная перспектива, предполагающая соотнесение прошлого, настоящего и будущего. Анализ результатов исследования по этой проблеме показал, что не у всех студентов сформирована потребность обращаться к жизненной перспективе, выходить за пределы текущей ситуации. Значительная часть юношей и девушек не имеют содержательной модели собственного будущего, включающей конкретные планы и действия по их реализации. Будущее предстает для них как совокупность некоторых формальных моментов, слабо опосредованных прошлым и настоящим, а также собственной активностью [12; 13].

Программа действий по достижению желаемого результата в жизненной перспективе слабо связана с реальностью или полностью отсутствует. У студентов часто наблюдается феномен нереалистического оптимизма, проявляющийся в склонности давать более высокие оценки своим личным возможностям (по сравнению с оценками будущей перспективы сверстников) относительно позитивности будущих жизненных событий. Многим студентам трудно совместить ближайшую и дальнюю перспективы.

Все это указывает на необходимость проведения профилактических и коррекционно-развивающих мероприятий со студентами в целях выработки у них навыков адекватного планирования. Следует работать со студентами по прояснению их жизненных целей и перспектив, подводить их к анализу собственных целей и особенно способов их достижения. Действенным методом может быть обсуждение конкретных жизненных ситуаций, планов. Целесообразно использовать упражнения «Я через 5 и 25 лет», «Моя работа», «Моя жизнь». Они вызывают у учащихся интерес и способствуют осознанию ими своих жизненных планов и стратегий [12; 13].

Процесс формирования временной перспективы будущего невозможен без развития рефлексивных навыков студентов, потребности анализировать жизнь с позиции ее ценности и смысла.

В данном контексте заслуживают внимания результаты исследования переживания смысла жизни студентами с различными показателями развития личности [14]. По особенностям личностного развития были выделены следующие группы студентов выпускных курсов: личностно ответственные (высокий уровень развития личности), принимающие себя (средне-высокий уровень развития личности), ищущие себя (средний уровень развития личности), негативисты (низкий уровень развития личности) и инфантильные (очень низкий уровень развития личности).

Студенты-выпускники с разными уровнями личностного развития отличаются особенностями переживания смысла жизни. Личностно ответственные

студенты характеризуются зрелостью процесса переживания смысла жизни, что проявляется в осознании смысла собственной жизни, развернутом понимании данной категории и роли смысловой составляющей в жизни личности. Студентов этой группы можно охарактеризовать как социально и личностно зрелых.

У принимающих себя и ищущих себя студентов переживание смысла жизни находится в стадии формирования. В связи с этим поиск смысла жизни для них является сложноосуществимым, хотя и актуальным процессом.

Негативисты отличаются противоречивостью переживания смысла жизни. С одной стороны, у них отмечается способность определить содержание данной категории, с другой, они испытывают значительные трудности в обнаружении смысла собственной жизни.

Студенты с низким уровнем развития личности характеризуются слабовыраженными признаками переживания смысла жизни. Им свойственно примитивное понимание его и слабая направленность на его поиск. Связь между осмысленностью жизни и реализацией жизненных планов отсутствует.

Важным итогом исследования стал тезис о том, что переживание смысла жизни выступает критерием личностной зрелости студентов [14].

Интерес в этом контексте представляет исследование А. В. Финькевич, посвященное взаимосвязи динамики карьерных ориентаций и смысловой сферой личности у студентов гуманитарных и технических специальностей ($n = 89$)¹. Было выявлено, что в процессе обучения у студентов гуманитарных специальностей, в отличие от студентов технических специальностей, устанавливается тесная связь между карьерными ориентациями и смысловой сферой личности. Вывод основан на анализе взаимосвязей между карьерными ориентациями, семантикой профессии и смысловыми ориентациями. Для сбора эмпирических данных использовались следующие методики: тест смысловых ориентаций (СЖО) (Д. А. Леонтьев, 1992), методика семантического дифференциала со свободным описанием объекта (Е. Ю. Артемьева, 1999), методика оценки карьерных ориентаций Э. Шейна (адаптация В. А. Чикер, 2002).

В результате было выявлено следующее.

1. В начале профессионального обучения отсутствует взаимосвязь карьерных ориентаций с такими элементами смысловой сферы, как смысловые ориентации и семантика профессии.

2. К окончанию обучения у студентов технических специальностей обнаруживается взаимосвязь между карьерными ориентациями и семантикой профессии, а связь карьерных ориентаций со смысловыми ориентациями отсутствует.

3. К окончанию обучения у студентов гуманитарных специальностей обнаруживается взаимосвязь между карьерными ориентациями и смысловыми ориентациями, а связь карьерных ориентаций с семантикой профессии отсутствует.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в процессе обучения динамика карьерных ориентаций у студентов гуманитарных и технических специальностей различна. Так, для студентов технических специальностей характерна опора карьерных ориентаций на семантику профессии, в то время как карьерные ориентации студентов гуманитарных специальностей более тесно взаимосвязаны со смысловыми ориентациями как более общим смысловым образованием. Это говорит о тесной связи карьерных ориентаций студентов-гуманитариев со смысловой сферой личности. Гуманитарии в значительной мере стремятся реализовать в профессии свой потенциал и личностные смыслы, в то время как студенты технических специальностей дифференцируют смысл будущей профессиональной деятельности и общие жизненные смыслы.

Межличностное общение со сверстниками играет важную роль в жизни студентов. В исследованиях белорусских социологов выделены факторы, позитивно влияющие на удовлетворенность студентов взаимодействием в группе, а также на ее сплоченность [3]. Наиболее значимым в этом аспекте является сходство иерархии жизненных ценностей, которые определяют особенности образа жизни и формы проявления активности в личности студентов. Кроме того, существенными выступают такие признаки, как форма обучения (контракт или бюджет), религиозные взгляды, культурные предпочтения, политические или идеологические позиции. Показательно, что студенты старших курсов считают влияние указанных социокультурных особенностей более значимым. Вероятно, это связано с формированием мировоззрения в студенческие годы.

Важную роль в процессе установления и развития межличностных контактов на начальном этапе обучения студентов играет место их проживания до поступления в вуз. Процесс межличностной аттракции определяется влиянием преимущественно внешних факторов в этот период [3].

Предметом исследования белорусских ученых стало и явление лидерства в студенческой среде. Так, И. В. Домасевич установила такие личностные качества студентов-лидеров, как интеллектуальные характеристики (рассудительность, логическое мышление, творческий потенциал, способность к восприятию инноваций, предвидение, прогнозирование), социально-психологические характеристики (умение слушать, коммуникабельность,

¹Финькевич А. В. Динамика карьерных ориентаций в структуре смысловой сферы личности студентов гуманитарных и технических специальностей : диплом. работа. Минск : БГУ, 2008. 56 с.

активность, готовность прийти на помощь, способность к работе в команде, умение убеждать, умение говорить и техники владения дискуссией, контакты и связи, умение стимулировать людей). Наиболее значимыми из вышеперечисленных особенностей являются авторитетность, коммуникабельность, активная жизненная позиция и открытость.

Социальная типология студенческих лидеров представлена такими их видами, как информационный лидер, лидер-инициатор, лидер-катализатор, лидер-модератор. Кратко охарактеризуем каждый тип. Информационный лидер владеет значительным объемом информации. Лидер-инициатор стремится распространять информацию среди своего ближайшего окружения и обладает способностями к адекватному воспроизведению общественного мнения. Лидер-катализатор нацелен на систематизацию общественного мнения по актуальным вопросам студенческой молодежи и общества в целом. Лидер-модератор способен к организации конструктивной дискуссии среди студенческой молодежи. Доминирующим типом лидера в студенческой среде является информационный [15].

Также Е. Ю. Казановичем было обнаружено, что среди студентов-первокурсников только 14 % характеризуются высоким уровнем развития стратегии сотрудничества, у 75 % студентов зафиксирован средний уровень развития вышеназванной стратегии, у 11 % студентов – низкий, что свидетельствует о необходимости целенаправленного формирования навыков сотрудничества у студентов [16].

Разработанная исследователем программа формирующего эксперимента опиралась на эмпирическую модель обучения Д. Колба, технологию «Окно Джохари», метод социально-психологического тренинга, активирующие опросники. Результатом проведенной работы явилось увеличение количества студентов, ориентированных на стратегии сотрудничества и компромисса, и уменьшение числа тех, кто выбирал стратегии соперничества, избегания и приспособления.

После проведения формирующего эксперимента у студентов обнаружены значимые изменения по шкале «Интернальность в межличностных отношениях». Это означает, что молодые люди стали проявлять большую ответственность в установлении и поддержании отношений с другими людьми и что повысился уровень их способности вызывать к себе уважение и симпатию окружающих.

Итак, были выявлены внешние и внутренние условия формирования стратегии сотрудничества студентов с другими. В качестве внешних условий выступили:

- создание событийной общности педагогов и студентов как социокультурного пространства, в рамках которого осуществлялось педагогическое взаимодействие;

- установление гуманных, уважительных, партнерных связей и отношений между педагогами и студентами;

- организация процесса межличностного диалога между студентами и педагогами;

- подбор, создание и решение проблемных ситуаций и задач в условиях обучения;

- выбор технологий и средств формирующего воздействия на личность студентов при разрешении педагогических конфликтов.

Внутренними условиями формирования стратегии сотрудничества при разрешении педагогических конфликтов у студентов явились такие психологические механизмы, как целеполагание, рефлексия, идентификация, атрибутирование, актуализация которых осуществлялась под влиянием внешних условий [16]. Знание этих условий позволит грамотно выстроить психологическое сопровождение процесса обучения.

Для проектирования учебных занятий со студентами важно учитывать возрастную специфику их взаимодействия со сверстниками. В этом плане интерес представляет экспериментальное исследование А. М. Полякова, в котором изучена динамика развития символически опосредствованного взаимодействия со сверстниками у школьников и студентов (возраст обследуемых – 6–19 лет; $n = 311$) [17; 18].

Остановимся на специфике интересующего нас юношеского периода (возраст обследуемых – 18–19 лет, что соответствует обучению на 2–3-м курсах). Здесь обнаруживается ряд возрастных новообразований.

Во-первых, формируется умение *учитывать смысловую позицию² другого субъекта*. Это выражается в способности согласовывать различные смысловые позиции по отношению к символам, понимаемым как культурные формы опосредования отношений и взаимодействия двух или более субъектов. В качестве примеров символов можно назвать притчи, басни, художественные произведения, религиозные символы, поступки, события и др. Так, подросткам (14–15 лет) присущ смысловой эгоцентризм, т. е. неумение изменить позицию при интерпретации символа и, соответственно, понять смысловую позицию другого субъекта, отличную от собственной. Подростки, скорее, приписывают свое видение происходящего другим людям. В юности сознание становится более гибким и способным сопоставлять различные взгляды, смысловой эгоцентризм преодолевается.

Во-вторых, *предметом взаимодействия* для студентов становятся *смысловое содержание символических форм и смысловые позиции партнеров*. В ситуации сотрудничества студенты, как правило, обсуждают не предметное содержание символической формы (характерно для младших школь-

²Под позицией мы понимаем смысловое единство, определяющее характер и содержание отношений субъекта к чему-либо или кому-либо (Л. И. Божович, М. С. Неймарк, Д. В. Лубовский, О. А. Мацкайлова, А. М. Поляков, Г. Дэниэлс, Ч. Фурниху).

ников) или ее выразительные характеристики (свойственно подросткам), а свое отношение к ней, специфику ее смысловой наполненности (например, отношение к персонажам художественного произведения, поступкам исторических личностей, жизненным событиям и их смысл). Здесь уместно вспомнить известный феномен метафизической интоксикации, присущий юности и проявляющийся в центрированности сознания субъекта на мировоззренческих и смысловых проблемах, абстрактных философских идеях.

В-третьих, у студентов появляется умение мысленно менять позицию по отношению к содержанию символа. Это выражается в способности самостоятельно, вне ситуации сотрудничества с другим человеком интерпретировать с различных позиций смысловое содержание символов, произвольно изменять способы их понимания и рассматривать их в различных смысловых ракурсах.

Таким образом, можно говорить о формировании у студентов смыслового полицентризма сознания и умения сделать предметом взаимодействия и обсуждения смысловое содержание символической реальности, отражающей мир человеческих отношений, духовное измерение человека. Данная способность лежит в основе умения вести полноценный диалог, в котором встречаются различные смысловые позиции и отношения людей.

В исследовании А. О. Ершова³ (возраст обследуемых от 20 до 40 лет; $n = 212$, $m = 25$) доказана связь между уровнем и типом осознания символической реальности и становлением эго-идентичности. Применялись методика диагностики структуры и статусов эго-идентичности (СЭИ-тест Е. Л. Солдатовой, 2007) и экспериментальная методика А. М. Полякова (2016) для выявления преобладающего типа и уровня дифференцированности осознания символической реальности. В частности, показано, что у индивидов с достигнутым типом идентичности преобладает более устойчивое и более дифференцированное осознание символической реальности, чем при нарушенном и диффузном типах идентичности ($p \leq 0,01$ по H -критерию Краскала – Уоллиса). Это указывает на важность освоения символической медиации для полноценного формирования эго-идентичности.

Результаты исследования развития символически опосредствованного взаимодействия со сверстниками могут быть использованы при подготовке и проведении учебных занятий со студентами [18]. Материалом для работы могут служить различные символические формы – притчи, басни, рассказы, исторические примеры, художественные произведения, реальные ситуации, мифы, метафоры и др.

Так, для обучения *смысловому сотрудничеству* продуктивным представляется такое построение занятия, при котором студент будет провоцироваться на смену смысловой позиции. Для этого могут применяться задания на соотнесение различных трактовок одного и того же феномена, события, поступка и т. п. Следует создавать ситуации, в которых возникает необходимость выражать и аргументировать свою смысловую позицию с учетом позиций других людей, вести дискуссию. Преподаватель может помогать студентам удерживать свою смысловую позицию и придерживаться определенной последовательности в высказываниях каждого участника дискуссии.

Кроме того, целесообразно организовывать такое взаимодействие, при котором каждому студенту приходится отстаивать определенную позицию относительно того или иного явления, феномена, события, закона и др. В этом случае будут сталкиваться и сопоставляться различные позиции, будет провоцироваться смысловое взаимодействие, при котором в сознании студента актуализируется не внешняя сторона изучаемого явления, не его словесное описание, а его смысл. Организация диалогического смыслового взаимодействия на занятиях представляется полезной в силу того, что оно способствует формированию одной из важнейших компетенций, необходимых в современном мире, – умения сотрудничать с другими людьми, учитывая их внутреннюю позицию и отношение к происходящему.

Мы рекомендуем следующие формы работы:

- обоснование, защита и критика как учебных, так и реальных конфликтных позиций по тому или иному вопросу (например, человек обладает свободой выбора или его воля есть следствие воздействия различных сил; следует или не следует отвечать силой на насилие; стоит ли принуждать ребенка к определенным действиям в процессе его воспитания и др.). Желательно строить обсуждение на конкретных исторических, литературных или жизненных примерах;

- обсуждение и совместное принятие решений с учетом интересов разных людей (анализ и решение проблемных ситуаций, законов, идей, способов профессиональной помощи и др.). Можно смоделировать учебные ситуации (например, на основе того или иного исторического события, когда принимались важные решения), рассмотреть, как следовало бы поступить герою литературного произведения. Можно использовать и реальные жизненные ситуации (например, в работе со студентами-психологами исследовать наблюдаемые факты поведения или высказывания человека с различных позиций). В данном случае возможна работа в подгруппах;

³Ершов А. О. Особенности осознания субъектной реальности в период ранней взрослости у лиц с нарушением формирования идентичности : диплом. работа. Минск : БГУ, 2017. 77 с.

- поиск и вербализация отличий одной позиции от другой (разных ученых, персонажей художественного произведения, своей собственной, разных участников учебной проблемной ситуации (родителей, педагога, сверстников и ребенка при его обучении и воспитании));

- совместное выражение смысловой позиции в формах, альтернативных словесным, и ее аргументация: представить в виде конкретного образа основную идею, подобрать стихотворение, песню, метафору, вылепить (например, из пластилина) образ своего отношения к историческому событию, художественному произведению, философскому труду, научной теории и объяснить свой выбор;

- создание совместного проекта, решающего какую-либо профессиональную проблему;

- обсуждение конкретных ситуаций, фактов, высказываний, имеющих множество интерпретаций (например, конфликтных ситуаций, эмпирических фактов, полученных в ходе проведения научных исследований, и др.).

Другой важной задачей при обучении сотрудничеству является *преодоление центрированности сознания студента на единственном способе интерпретации символа (смыслового эгоцентризма)*. Для этого используется поиск различных объяснений одного и того же поступка персонажа произведения или реального человека, исторического лица. Работа может быть организована в парах или группах. Следует побуждать участников обсуждений выражать свое отношение к действиям людей или героев художественных произведений, выслушивать об этом мнения сверстников, искать различия в позициях.

Кроме того, для лучшего понимания студентами многомерности и сложности символической реальности требуется обучать их *совмещению в одном субъекте* (лице, персонаже, человеке) качеств, выраженных в символическом образе. В данном случае можно использовать вопросы о том, может ли один и тот же человек быть одновременно грубым и ласковым, упрямым и смиренным, совершать злые и добрые поступки, быть ответственным и не

выполнять обязательства, проявлять безграничное терпение и чем-то возмущаться? Важно подчеркивать активную роль самого субъекта, которая может выражаться в совершении тех или иных поступков, том или ином отношении к происходящему, другим людям, своим потребностям или обязанностям. Применительно к художественным произведениям происходит преодоление жесткой связи отдельного качества с отдельным персонажем (человеком). Возникает понимание того, что в художественных произведениях разные герои, их поступки, убеждения, идеи могут выражать различные стороны и качества одного человека. Символическая реальность начинает рассматриваться как сложная, многомерная и неоднозначная. Для решения этой задачи можно подбирать и обсуждать примеры исторических личностей, знакомых людей, персонажей художественных произведений, проявивших себя парадоксальным образом (как упрямый и податливый одновременно, злой и добрый, грубый и ласковый, ленивый и трудолюбивый, смелый и боязливый), а также обращать внимание на факты и детали поступков, событий, опровергающие или подвергающие сомнению определенные качества человека (его лень, трусость или смелость и др.). Можно также побуждать студентов воображать альтернативные варианты разворачивания событий, поступков человека (персонажа) в рассматриваемой ситуации.

Таким образом, анализ актуальных исследований, посвященных развитию личности и социального взаимодействия белорусских студентов позволил раскрыть специфику их мотивационно-смысловой сферы, межличностных отношений и взаимодействия. При проектировании учебных занятий со студентами следует учитывать представленные в данной статье особенности их личности и взаимодействия с другими людьми. В целом стратегия педагогического и психологического сопровождения студентов нацелена на развитие их осознания, умения удерживать и изменять собственную смысловую позицию с учетом позиций других людей посредством работы с символическими формами.

Библиографические ссылки

1. Ротман ДГ, Посталовский АВ, Расолько ИД. Тенденции изменения ценностного сознания студенческой молодежи Республики Беларусь. *Адукацыя і выхаванне*. 2013;11:3–13.
2. Егоров АГ, Сухова ЕЕ. Трансформация смыслообразующих доминант ценностных ориентаций российских и белорусских студентов. В: Прищепа ИМ, редактор. *Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья. Материалы международной научно-практической заочной конференции; 2 февраля 2017 г.; Витебск, Беларусь*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова; 2017. с.72–74.
3. Бригадин ПИ, Левицкая ИВ, редактор. *Ценностные ориентации белорусского студенчества: сравнительный социологический анализ (1998–2009 гг.)*. Минск: Государственный институт управления и социальных технологий БГУ; 2010. 207 с.
4. Клышевич НЮ, Аблековская ОН. Академическая успеваемость студенток с различными личностными профилями. В: Легчилин АА, Беляева ЕВ, редакторы. *Научно-методическая составляющая преподавания гуманитарных дисциплин в условиях сокращения сроков обучения студентов в вузах. Материалы XI научно-методической конференции; 26 марта 2014 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2014. с. 28–30.

5. Рицицкая ИИ, Пилипенко ЕВ. Мотивация учебной деятельности студентов. В: Шимов ВН, редактор. *Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость. Материалы XI Международной научно-практической конференции; 17 мая 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГЭУ; 2018. с. 397–398.
6. Музыченко АВ, Анташкевич ЕГ. Мотивационно-смысловая сфера личности и способы совладающего поведения слабоуспевающих студентов. В: Попова ОС, редактор. *Психологическое сопровождение образовательного процесса. Выпуск 8, часть 2*. Минск: Республиканский институт профессионального образования; 2018. с. 104–113.
7. Галузо ПР. Мотивация достижения и осознанная регуляция учебной деятельности студентов. В: Даукша ЛМ, Ракицкая АВ, редакторы. *Актуальные проблемы профессионального развития личности*. Гродно: ГрГУ; 2016. с. 79–85.
8. Гордеева ТО. Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития [диссертация]. Москва: МГУ; 2013. 444 с.
9. Ларионова НО. Связь характеристик субъектности и уровня учебной активности студентов учреждений высшего образования. В: Даукша ЛМ, Ракицкая АВ, редакторы. *Актуальные проблемы профессионального развития личности*. Гродно: ГрГУ; 2016: 198–205.
10. Олифиревич НИ, Коптева СИ, Уласевич ТВ. *Формирование социальной идентичности студенческой молодежи*. Минск: Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка; 2008. 107 с.
11. Музыченко АВ. *Профессиональное самосознание будущих психологов*. Минск: Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка; 2003. 77 с.
12. Белановская ОВ. Будущее во временной перспективе у студентов. *Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 2. Педагогика. Психология. Методика преподавания иностранных языков*. 2013;2:32–41.
13. Ксенда ОГ. Современный белорусский студент: жизненные ценности, планы, стратегии. *Философия и социальные науки*. 2016;3:89–93.
14. Волченков ВС. *Переживание смысла жизни как критерий личностной зрелости в ранней взрослости* [диссертация]. Минск: Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка; 2017. 30 с.
15. Домасевич ИВ. *Формирование лидеров общественного мнения в среде студенческой молодежи* [автореферат диссертации]. Минск: БГУ; 2017. 29 с.
16. Казанович ЕЮ. *Формирование стратегии сотрудничества у студентов учреждений высшего образования при разрешении педагогических конфликтов*. Минск: Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка; 2017. 26 с.
17. Поляков АМ. Методика изучения развития символической функции сознания. *Культурно-историческая психология*. 2016;2:59–68.
18. Поляков АМ. *Развитие символической функции сознания в субъект-субъектном взаимодействии у школьников с задержкой психического развития* [автореферат диссертации]. Минск: БГУ; 2018. 49 с.

References

1. Rotman DG, Postalovskij AV, Rasol'ko ID. Trends in the value consciousness of student youth of the Republic of Belarus. *Adukacyja i vyhavanne*. 2013;11:3–13. Russian.
2. Egorov AG, Suhova EE. [Transformation of sense-forming dominants of value orientations of Russian and Belarusian students]. In: Prishchepa IM, editor. *Tsennostnye orientatsii i istoricheskoe soznanie naseleniya belorussko-rossiiskogo prigranich'ya. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi zaochnoi konferentsii; 2 fevralya 2017 g.; Vitebsk, Belarus'* [Value orientations and historical consciousness of the Belarusian – Russian population of the borderlands. Proceeding of the International scientific and practical conference; 2017 February 2; Vitebsk, Belarus]. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2017. p. 72–74. Russian.
3. Brigadin PI, Levickaya IV, editors. *Tsennostnye orientatsii belorusskogo studenchestva: sravnitel'nyi sotsiologicheskii analiz (1998–2009 gg.)* [Value orientations of Belarusian students: a comparative sociological analysis (1998–2009)]. Минск: State Institute of Management and Social Technologies, Belarusian State University; 2010. 207 p. Russian.
4. Klyshevich NYu, Ablekovskaya ON. [Academic performance of students with various personality profiles]. In: Legchilin AA, Belyaeva EV, editors. *Nauchno-metodicheskaya sostavlyayushchaya prepodavaniya gumanitarnykh distsiplin v usloviyakh sokrashcheniya srokov obucheniya studentov v vuzakh. Materialy XI nauchno-metodicheskoi konferentsii; 26 marta 2014 g.; Minsk, Belarus'* [The scientific and methodological component of the teaching of the humanities in the context of reducing the time to study for students at universities. Proceedings of the 11th scientific and methodological conference; 2014 March 26; Minsk, Belarus]. Минск: Belarusian State University; 2014: 28–30. Russian.
5. Rifickaya II, Pilipenko EV. [Motivation of student learning activities]. In: Shimov VN, editor. *Ekonomicheskii rost Respubliki Belarus': globalizatsiya, innovatsionnost', ustoychivost'*. Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 17 maya 2018 g.; Minsk, Belarus' [The economic growth of the Republic of Belarus: globalization, innovation, sustainability. Proceedings of the 11th International Scientific and Practical Conference, Minsk, 2018 May 17]. Минск: Belarusian State Economic University; 2018. p. 397–398. Russian.
6. Muzychenko AV, Antashkevich EG. [Motivational-semantic sphere of personality and methods of coping behavior of poorly performing students]. In: Popova OS, editor. *Psikhologicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo protsesssa. Vypusk 8, chast' 2* [Psychological support of the educational process. Volume 8, part 2]. Минск: Republican Institute of Professional Education; 2018. p. 104–113. Russian.
7. Galuzo PR. [Motivation for achievement and conscious regulation of student learning activities]. In: Dauksha LM, Rakickaya AV, editors. *Aktual'nye problemy professional'nogo razvitiya lichnosti*. Grodno: Janka Kupala State University of Grodno; 2016. p. 79–85. Russian.
8. Gordeeva TO. *Motivatsiya uchebnoi deyatel'nosti shkol'nikov i studentov: struktura, mekhanizmy, usloviya razvitiya* [Motivation of learning activities of schoolchildren and students: structure, mechanisms, development conditions] [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2013. 444 p. Russian.

9. Larionova NO. [The relationship between the characteristics of subjectivity and the level of learning activity of students of higher education institutions]. In: Dauksha LM, Rakickaya AV, editors. *Aktual'nye problemy professional'nogo razvitiya lichnosti* [Actual problems of professional development of personality]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 2016. p. 198–205. Russian.
10. Olifirovich NI, Kopteva SI, Ulasevich TV. *Formirovanie sotsial'noi identichnosti studencheskoi molodezhi* [The formation of social identity of students]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 2008. 107 p. Russian.
11. Muzychenko AV. *Professional'noe samosoznanie budushchikh psikhologov* [Professional identity of future psychologists]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 2003. 77 p. Russian.
12. Belanovskaya OV. [The future in the time interval of students]. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 2. Pedagogika. Psikhologiya. Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov*. 2013;2:32–41. Russian.
13. Ksionda OG. A contemporary Belarusian student: life values, plans, strategies. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2016;3:89–93. Russian.
14. Volchenkov VS. *Perezhivanie smysla zhizni kak kriterii lichnostnoi zrelosti v rannei vzroslosti* [Experiencing the meaning of life as a criterion of personality maturity in early adulthood] [dissertation abstract]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 2017. 30 p. Russian.
15. Domasevich IV. *Formirovanie liderov obshchestvennogo mneniya v srede studencheskoi molodezhi* [Formation of leaders of public opinion among students] [dissertation abstract]. Minsk: Belarusian State University; 2017. 29 p. Russian.
16. Kazanovich EYu. *Formirovanie strategii sotrudnichestva u studentov uchrezhdenij vysshego obrazovaniya pri razreshenii pedagogicheskikh konfliktov* [Formation of a cooperation strategy among students of higher education institutions in the resolution of pedagogical conflicts] [dissertation abstract]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 2017. 26 p. Russian.
17. Polyakov AM. Exploring the development of the symbolic function of consciousness: a technique. *Cultural Historical Psychology*. 2016;2:59–68. Russian.
18. Polyakov AM. *Razvitie simvolicheskoi funktsii soznaniya v sub'ekt-sub'ektnom vzaimodeistvii u shkol'nikov s zaderzhkoi psikhicheskogo razvitiya* [The development of the symbolic function of consciousness in the subject-subject interaction in students with learning disabilities] [dissertation abstract]. Minsk: Belarusian State University; 2018. 49 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2020.
Received by editorial board 10.02.2020.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Воронкова В. Г., Тесленко Т. В.</i> Становление и развитие цифровых технологий как фактор реализации четвертой промышленной революции	4
<i>Никитенко В. А.</i> Эволюция концепции устойчивого развития (в контексте докладов Римского клуба)	12
<i>Добrorодный Д. Г., Голубев И. С., Сарычева А. В.</i> Феномен политических интернет-мемов в современном медиапространстве	18
<i>Сташис В. О.</i> Тоталитаризм в современной социальной философии: к проблеме концептуального определения	25
<i>Саццо Р. С.</i> У истоков методологии экономической науки: Н. У. Сениор и Дж. С. Милль	33

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Миронцов И. В.</i> Ресурсы для построения второй карьеры спортсменов: опыт социологического исследования	40
<i>Сакович А. Ю.</i> Особенности социальной адаптации молодых специалистов в современном белорусском селе (на примере Мядельского района)	46

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Новиков В. Т., Новикова О. В.</i> Феномен истины и ее корреляты в социальном познании: к проблеме полиморфизма знания	51
<i>Карако П. С.</i> Космические идеи А. Е. Ферсмана и особенности их выражения	59

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Пухова Н. В.</i> Влияние идей И. Канта, И. Фихте и немецкого романтизма на формирование натурфилософских взглядов Ф. Шеллинга	67
--	----

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Климович Д. В.</i> Социальные репрезентации туристов у различных групп работников гостиниц и саморепрезентации туристов – представителей отдельных государств	73
--	----

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Андреева И. Н.</i> Когнитивно-аффективные факторы эскапизма у студентов	87
<i>Ксенда О. Г.</i> Особенности внимания современных подростков	98
<i>Лобанов А. П., Дроздова Н. В.</i> Черты личности студентов с разными стилями обучения	108
<i>Клышевич Н. Ю., Поляков А. М.</i> Особенности личности и социального взаимодействия белорусских студентов	114

CONTENTS

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Voronkova V. H., Teslenko T. V.</i> Formation and development of digital technologies as a factor of realization of the Fourth Industrial Revolution.....	4
<i>Nikitenko V. A.</i> Evolution of the concept of sustainable development (in the contest of reports of the Roman club)	12
<i>Dabrarodni D. G., Golubev I. S., Sarycheva A. V.</i> The phenomenon of political Internet memes in the modern media space.....	18
<i>Stashis V. O.</i> Totalitarianism in modern social philosophy: to the problem of conceptual definition..	25
<i>Sashcheko R. S.</i> At the origins of the methodology of economic science: N. W. Senior and J. S. Mill ...	33

SOCIAL RESEARCHES

<i>Mirontsov I. V.</i> Resources for sportsmen' second career building: sociological research experience ...	40
<i>Sakovich A. Yu.</i> The peculiarities of social adaptation of young professionals in contemporary Belarusian village (on the example of Miadziel distict).....	46

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

<i>Novikau U. T., Novikava V. U.</i> The phenomenon of truth and its correlates in social science: to the problem of knowledge polymorphism	51
<i>Karako P. S.</i> Cosmic ideas of A. E. Fersman and features of their expression	59

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Pukhava N. V.</i> Influence of the ideas of I. Kant, I. Fichte and German romanticism on the formation of natural philosophy views of F. Schelling	67
---	----

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Klimovich D. V.</i> Social representations of tourists by various groups of hotel employees and self-representations of tourists representatives of separate countries.....	73
--	----

PERSONALITY PSYCHOLOGY

<i>Andreyeva I. N.</i> Cognitive affective factors of escapism in students	87
<i>Ksionda O. G.</i> Features of attention of modern teenagers	98
<i>Lobanov A. P., Drozdova N. V.</i> Traits of the personality of students with different learning styles.....	108
<i>Klyshevich N. J., Polyakov A. M.</i> Peculiarities of personality and social interaction of Belarusian students.....	114

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 2. 2020**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редакторы В. А. Лейковская, С. Е. Богуш
Технический редактор Т. А. Караневич
Корректор К. Б. Скакун

Подписано в печать 15.05.2020.
Тираж 100 экз. Заказ 165.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2020

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 2. 2020**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editors V. A. Liaikouskaya, S. J. Bohush
Technical editor T. A. Karanevich
Proofreader K. B. Skakun

Signed print 15.05.2020.
Edition 100 copies. Order number 165.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2020